

МИХАИЛ ПРУДНИКОВ

ОПЕРАЦИЯ «ФЕНИКС»

37

МИХАИЛ ПРУДНИКОВ

ОПЕРАЦИЯ «ФЕНИКС»

П о в е с т ь

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1975

Прудников М. С.

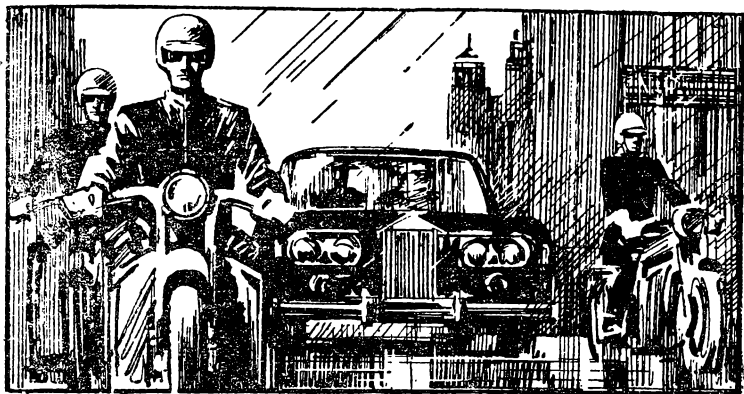
П85 Операция Феникс. Повесть. М., Воениздат, 1975.
256 с.

Герой Советского Союза М. С. Прудников известен читателю по произведениям «Неуловимые», «Неуловимые действуют», «Особое задание», «Разведчики «неуловимых». Он также один из авторов фильма «Как вас теперь называть». Его новая повесть «Операция Феникс» посвящена контрразведчикам, их трудной борьбе против происков зарубежной агентуры. В книге показаны коварные приемы и методы империалистической разведки, основанные на эгоизме, алчности, беспринципности. Автор рисует привлекательные образы наших контрразведчиков, с честью и славой выполняющих свой долг.

П 70302-188 149-75
068(02)-75

Р2

© Воениздат, 1975

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭКСТРЕННОЕ СВЕЩЕНИЕ

Весна в этом году выдалась в Лондоне душная и влажная. С Атлантики наплзли серые клочковатые облака, час-другой сеял редкий теплый дождь, потом снова проглядывало солнце, свежей влажностью блестела листва в парках и скверах, в зеркале асфальта отражались машины, автобусы, фонари, прохожие. В такие часы город обретал странные, нереальные черты, будто все в нем перевернулось вверх ногами.

Дождь шел каждый день. В воздухе парило, и дышать было трудно. Даже морской ветер не мог разогнать духоты. Газеты писали, что кривая сердечных приступов резко подскочила вверх.

Днем Лондон казался опустевшим. Оживал он к концу дня, когда кончался рабочий день и густой шумный поток машин устремлялся за город, к коттеджам и виллам, навстречу прохладе, стриженным газонам и лужайкам,

густой тени вязов и тополей и сверкающим голубой гладью бассейнам.

Вечером город снова замирал, неоновые рекламы на Пикадилли-серкус мигали, словно маяки, призывая всех заблудившихся в этом огромном городском океане идти к его спасительным огням. И казалось, что босоногие, бордатые хищники, толпившиеся у колонн Национального банка и на ступеньках памятника Нельсону, были как раз те, кто откликнулся на этот призыв. Полицейские в шлемах, похожие на пожарников, не обращали никакого внимания на толпы грязных, обросших буйной растительностью бродяг. Да и что поделаешь! Уж раз социологи, психологи, государственные мужи не могут придумать никакого лекарства для этой молодежи, то разве в состоянии излечить этот недуг полицейские.

К часу ночи Лондон вымирает, гасятся фонари и витрины на Оксфорд-стрит и других торговых улицах. Только время от времени промчится сутулая полицейская машина с крутящимися синими фарами, и снова наступит тишина.

Утром город снова оживает. Открываются двери магазинов, лавочек, оффисов, бюро, и посвежевший и отдохнувший на воздухе чиновный люд возвращается к своим рабочим столам.

25 мая того же года по утренним, еще не просохшим от ночного дождя улицам Лондона в сопровождении эскорта полицейских промчались два тяжелых лимузина. Кorteж остановился у резиденции разведки. В сопровождении рослых детективов из машин вышли двое: грузный, розовощекий, седовласый человек лет шестидесяти, с густыми темными бровями, острым треугольным подбородком — заместитель директора секретной службы — и худой долговязый человек с желтоватым болезненным лицом, с брюзгливо отвисшей губой — заместитель директора по вопросам планирования мистер Лейнгарт. Оба высокопоставленных чиновника поспешили к подъезду. Несмотря на ранний час — было половина девятого, — помощник директора секретной службы Гарри Кронкайт с нетерпением ожидал прибытия двух заместителей шефа. Гарри Кронкайт уже знал, что они прибыли с сообщением чрезвычайной важности. Сейчас это сообщение, сжатое до странички машинописного текста, лежало в портфеле Лейнгарта.

— Доброе утро, господа, — приветствовал вошедших Кронкайт. — Прошу вас изложить свои соображения как можно короче. Через два часа состоится чрезвычайное заседание...

* * *

Родители Пэт Бувье были выходцами из Франции. Отец ее держал крупный универсальный магазин. Поэтому следует ли удивляться, что ее знал весь Лондон. К тому же Пэт работала в «Дейли миррор», одной из самых популярных газет в Англии. В ее задачу входило поставлять в редакцию светскую хронику с Уайтхолла, где она была аккредитована и где ее знали все, начиная от рядового охранника и кончая сотрудниками секретариата разведки.

Журналистикой Пэт занималась вовсе не ради заработка. Выйдя в девятнадцать лет замуж за сына владельца крупного отеля, она уже в двадцать два года поняла, что семейная жизнь не для нее. У Пэт было слишком много энергии, честолюбия и предприимчивости. Она развелась с мужем и, оставшись одна, поменяла несколько профессий, пока наконец не остановилась на журналистике, хотя имела техническое образование. Это занятие как нельзя лучше соответствовало ее беспокойному характеру. Газета занимала все ее время и помогала заводить знакомства с влиятельными и интересными людьми. Пэт была хороша собой, весела, остроумна, уверена в себе. В короткий срок она завоевала в газете «Дейли миррор» ведущее положение. Правда, ее статьи не отличались гладкостью пера, но этого от нее никто и не требовал. В газете было достаточно рирайтеров¹, которые придавали ее материалам необходимый литературный блеск. Да, Пэт ценили не за слог, а совсем за другое: она могла добыть практически любые сведения, встретиться с любым нужным редакции человеком. Перед напором и обаянием Пэт пасовала самая необщительная знаменитость. Потому-то Пэт Бувье и прикрепили к разведывательной резиденции.

Молодая корреспондентка умела быть накоротке со многими сенаторами и конгрессменами, с сотрудниками Уайтхолла, с охраной шефа разведки, со знаменитыми

¹ Буквально переписчик, литературный редактор.

писателями, с киноактерами и банкирами, с редакторами других изданий и промышленниками.

Если в Лондоне происходило интересное событие или давался обед в честь какой-нибудь знаменитости, там непременно присутствовала Пэт. Она врывалась в банкетный зал, на ходу рассыпая улыбки, приветствия, остроты. Улучив момент, она пробиралась к интересующему ее лицу и обрушивала на него град вопросов и все свое обаяние.

Не удивительно, что, узнав о визите заместителя директора и Лейнгарта к шефу разведки и о чрезвычайном заседании, редактор отдела политических новостей обратился к Пэт. Это был маленький человек лет пятидесяти, весьма экспансивный и непоседливый. Большую часть рабочего времени он бегал по оффису и размахивал руками. Розовую лысину с висков и с затылка обрамляли остатки рыжей шевелюры, что придавало ему сходство с клоуном.

— Пэт, ты должна узнать! — тараторил он. — Обязательно! О чем они там совещались, а? Чувствую, что неспроста. Что-то очень и очень важное! И почему они скрывают, а? Тут что-то не так! Нет, Пэт, ты обязана пронюхать! Это будет гвоздь номера! — И редактор радостно потер свои веснушчатые руки.

Пэт обещала пронюхать. Она села в свой «вольво» и отправилась в резиденцию разведки. Но к кому бы она ни обратилась о заседании совета, никто не хотел говорить с ней. Впервые Пэт наткнулась на глухую стену. Это разозлило ее. Неужели она вернется в редакцию с пустыми руками? Нет, такого не должно случиться. Она лихорадочно перебирала в уме, кто из сотрудников резиденции мог бы ей помочь, тщательно обдумывала каждую кандидатуру и отвергала одну за одной.

Для таких людей, которых Пэт знала в парламенте, в министерствах и учреждениях, политика была делом их жизни. Как правило, посты, которые они занимали, давались им с трудом. Они добивались их много лет. Для Пэт политика была игрой забавной, азартной, захватывающей, но игрой. У нее не было ни своих убеждений, ни принципов. Она не симпатизировала ни лейбористам, ни консерваторам, ни левым, ни правым. Она не отрицала и не отвергала ничего. Если ее знакомые ругали выступление премьер-министра, то она ругала

тоже. Если они одобряли новый законопроект, то и она его одобряла. В политике она признавала только калейдоскоп лиц, с которыми ей приходилось сталкиваться, — одни скучны, другие чем-то интересны. Самыми интересными были те, о ком больше всего говорили на этой неделе, в этом месяце или в этом году. И еще ей нравились те политические деятели, которые относились тепло к ней, Пэт Бувье.

Среди тех, к кому Пэт относилась с особой симпатией, был Чарльз Уолт. Он, собственно, не принадлежал к числу политиков. Он работал в канцелярии Гарри Кропкайта в качестве эксперта. Высокий, всегда безукоризненно одетый, сдержанный, Уолт становился неловким, даже застенчивым в присутствии Пэт. Кроме сдержанности у этого тридцатилетнего правительственного чиновника была масса других достоинств: его семья принадлежала к числу старейших бостонских фамилий. Получив образование в Оксфордском университете, Уолт был образцовым молодым человеком из хорошей семьи.

Пэт нередко встречала Уолта и на официальных приемах, и на вечеринках в известных домах Лондона, и просто в коридорах, и на пресс-конференциях. И всякий раз ей доставляла тщеславное удовольствие его неловкая внимательность к ней.

— Послушайте, Чарли, — как-то сказала ему Пэт, — у меня сегодня коктейль. В семь часов, но можете прийти, когда вам удобно. Будут забавные люди. Почему бы вам ко мне не заехать?

Уолт приехал в точно назначенное время и весь вечер не отходил от хозяйки. Говорил он мало, только улыбался своей детской улыбкой, не сводя с Пэт глаз.

С того вечера Уолт стал частым гостем в особняке Пэт на Срик-стрит. Они почти не оставались наедине. Если Уолт и стремился к этому, то недостаточно настойчиво. Пэт тоже не очень поощряла робкое ухаживание Уолта. Она только добродушно подшучивала над ним. Жизнь крутилась в таком бешеном темпе, что у нее не было времени задуматься, насколько серьезно она должна отнестись к Уолту. Она знала лишь, что не будь его так часто рядом, ей чего-то не хватало бы.

И сейчас, сидя в холле резиденции, Пэт вспомнила об Уолте. Вот кто мог бы ей помочь! Вот с кем она должна

увидеться, и немедленно! Пэт взглянула на наручные часы: было без четверти три. Она вошла в телефонную будку и набрала номер Уолта.

— Говорит Пэт Бувье, — сообщила она секретарше, снявшей трубку, — соедините меня с Чарльзом Уолтом.

— Одну минуту, мисс.

В трубке щелкнуло, потом загудел баритон Уолта. Услышав голос Пэт, он обрадовался, и обрадовался искренне. Коктейль? О, он очень польщен приглашением. Да, да, непременно. В семь? Нет, в семь не сможет. Немного позже. Будет, будет непременно. Ведь он не видел Пэт целую неделю.

Повеселевшая Пэт повесила трубку и вышла на улицу. Через несколько минут она уже сидела в машине, чувствуя прилив энергии, знакомое ощущение, что для нее в этом мире нет ничего невозможного, ощущение, которое она так любила в себе. Она вклинилась в густой поток машин и включила приемник: пел мягкий баритон. Кто это? Фрэнк Синатра? Или, может быть, Бин Кроссби? А впрочем, какая разница. Важно, что впереди встреча с Чарли. Важно, что ей двадцать три года, и она несется в открытой машине, и ветер треплет ее льняные волосы. Важно, что сейчас она вызовет парикмахера и сделает прическу. А потом она наденет... Да, что она наденет? Пожалуй, длинное вечернее платье цвета морской волны, то, что месяц назад она заказала в Париже. Или, может быть, скромное белое, с красной розой на груди. И, кроме Уолта, она никого не пригласит. То-то он удивится, когда увидит, что они одни. Он так обалдеет, что наверняка она выжмет из него все, что ему известно. «Нет, — самодовольно подумала Пэт, — с кем, с кем, а с Уолтом я справлюсь».

* * *

Да, это был Фрэнк Синатра. Он пел песенку об английском короле Эдварде, который оставил трон ради своей возлюбленной. «Смешная песенка, — думала Пэт. — Глухая и смешная...»

Пэт жила в восьмикомнатном особняке, который оставил ей отец. Сам он перебрался за город: столица пришлась старому торговцу не по душе. Прислуги в доме было немного: экономка да старый Джекоб, которого Бу-

висе оставил присматривать за дочерью. Экономку Пэт отпустила к родственникам, а Джекобу велела никого не принимать.

К семи часам Пэт была готова: причесана, одета в белое платье тунику, начинавшее входить тогда в моду, надушепа; не зная, чем занять себя до прихода Уолта, приготовила себе виски с содовой и льдом.

В гостиную вошел Джекоб, высокий сутулый старик.

— Никто не заезжал? — спросила его Пэт.

— Слава богу, нет, — проворчал Джекоб. — Спокойный день выдался. Один только мастер приходил — вот и все гости.

— Мастер? Какой мастер? — удивилась Пэт.

— Электрик, проводку починил.

— Разве ты вызывал?

— Не помню. Он, говорит, вызывали. Может, кто и вызывал. Всего не упомнишь.

Какое-то неприятное чувство охватило Пэт, что-то вроде легкого беспокойства, но оно продолжалось всего лишь мгновение. Мысли о предстоящей встрече с Уолтом снова заняли ее целиком.

Старик потоптался в гостиной, придирчиво осмотрел низкий столик, на котором стояло несколько бутылок и стаканов, ваза со льдом, а другая ваза — с букетом лиловых роз, и, убедившись, что все в порядке, оставил Пэт одну.

Без четверти восемь Пэт услышала, как Джекоб пошел открывать ворота. Она отдернула гардину и выглянула в окно: так и есть, это был зеленый «седан» Уолта. Пэт бегло осмотрела себя в зеркало. От выпитого виски лицо ее было бледно, глаза лихорадочно горели. Сейчас они казались особенно большими и темными, хотя на самом деле были серыми...

— Мистер Уолт! — со старомодной торжественностью доложил Джекоб, открывая дверь в гостиную.

Увидя Пэт одну в гостиной, в которой он привык видеть всегда толпу подвыпивших гостей, Уолт на мгновение растерялся.

— Пэт, дорогая...

Пэт поспешила ему навстречу, протягивая руки.

— Чарли, ужасно рада тебя видеть. Как мило, что ты нашел время заехать. Я сегодня одна, устала — никого не хочется видеть. Поскучай со мной... Согласен?

Уолт с восторгом согласился. Он никак не мог окончательно прийти в себя. Пэт ждала его! Неужели это вечернее платье, эта роза в волосах и, главное, пустой дом — все это ради него?

— Выпьешь?

Уолт кивнул головой. Пэт приготовила виски для него и себя.

— Знаешь, — медленно сказала Пэт, — мы столько раз виделись, но у нас почти не было случая поговорить.

— Пэт, я так рад! Мне так хотелось побыть с тобой наедине. Но это невозможно! Вокруг тебя всегда люди...

От волнения у Чарльза перехватывало дыхание. Пэт, блестящая Пэт, сидела напротив него и не спускала с его лица смеющегося, теплого взгляда. Уолту казалось, что все это происходит с ним во сне. Он наклонился и поцеловал ей руку...

Пэт засмеялась и погладила его по рыжевато-каштановым волосам. Она подумала, что, в сущности, ее всегда тянуло к Уолту. Но почему? Он красив, прекрасно воспитан... Но разве только поэтому? В нем было много мальчишеской целомудренной чистоты, того качества, которого она почти не встречала в окружавших ее людях. Да она и не очень задумывалась над их душевными качествами. Они были забавными фигурами — не больше. Их интересно рассматривать, но, рассмотрев, Пэт тут же про них забывала.

Уолт прижал ее руки к щеке. Она высвободила их, пересела к нему на софу и прислонилась головой к его плечу. Уолт обнял ее, обнял робко, нерешительно. На нем был темно-серый фланелевый пиджак. Такие пиджаки носит большинство высокопоставленных служащих. И вдруг Пэт вспомнила, зачем она пригласила Уолта! Это проклятое заседание! Вот ведь ради чего Уолт сидит здесь. Но сейчас ей ужасно не хотелось говорить с ним на эту тему. Хотелось вот так, не шевелясь, сидеть, прижавшись к его плечу. Но не может же она прийти в редакцию с пустыми руками! Она высвободилась из его объятий и встала.

— Хочу выпить!

На сей раз виски готовил Уолт, а она смотрела, как он кладет в стакан лед, как наливает из бутылки, и, любясь им, думала о том, какие у него изящные движения. Они могли бы быть прекрасной парой! Может быть, бро-

силь к черту газету, всю эту бесконечную суету и выйти замуж за Уолта. Народит кучу детей, и она будет ждать Уолта с работы...

Он подал ей стакан, но она, улыбаясь, покачала головой.

— Я не хочу виски, — прошептала она. — Я хочу поцеловать тебя.

— Пэт! — крикнул он. — Поставив стакан на столик, он кинулся к ней: — Пэт, Пэт, Пэт...

...Потом они пили и танцевали в огромной гостиной, обшитой шелком и увешанной редкими картинами. И, положив голову на плечо Уолту, слегка опьяненная, Пэт слушала его признания и думала, что она была бы счастлива, если бы не предстоящий разговор. Пэт просто не знала, как его начать. Может быть, перенести на следующий раз? Но она же обещала в редакции!..

А Уолт лихорадочно целовал ее — она не сопротивлялась. Не сопротивлялась она, когда он поднял ее на руки и понес в спальню. Ею овладело чувство отрешенности, детской беспомощности. Не хотелось думать ни о чем, хотелось отдаться во власть этого бездумного оцепенения.

...Полчаса спустя, когда Уолт успокоился, она накинула халат, спустилась в гостиную и принесла виски. Они пили, слушали музыку и без умолку болтали. Она не могла оторвать взгляда от Уолта — раздетым он был еще красивее. Но мысль о предстоящем разговоре не давала ей покоя. Она пыталась расспросить о его работе, но эта тема его сейчас не волновала.

— Пэт, — говорил он, облокотившись на локоть, — я понял, что мы должны быть вместе в первую же нашу встречу. Помнишь, у Уоррена?

— Конечно, помню, милый.

— Но мне казалось, что ты ужасная гордячка. И потом ты вечно куда-то спешила.

— Газета, милый. Это кошмарная работа! Она и сейчас не дает мне покоя.

— Ты любишь свою газету?

— Конечно.

— Но ты могла бы не работать?

— Не могла бы. Ведь надо же куда-то себя деть.

— Странно ты говоришь! Мне кажется, будь я твоим мужем, я бы ревновал тебя к твоей работе. Меня просто с ума сводило бы, что она отнимает тебя у меня.

Но Пэт продолжала думать о своем.

— Чарли, — спросила она, стараясь, чтобы вопрос прозвучал непринужденно, — ты, наверное, в курсе последних дел?

— Ну... более или менее.

— Что-то творится в резиденции непонятное. Мне кажется, что происходят какие-то важные события. Но от нас, журналистов, скрывают. В чем дело, Чарли?

Уолт посмотрел на нее насмешливо.

— Тебя это всерьез волнует?

— Конечно, я не хочу, чтобы кто-нибудь разведал об этом раньше меня. Ведь я должна, понимаешь, должна знать первой. Ты не мог бы мне помочь, Чарли?

— Не могу, Пэт.

— Даже мне?

— Даже тебе.

Пэт обиженно замолкла и снова налила себе виски.

— Ты ужасно много пьешь, — заметил он.

Пэт дернула плечом. Потом она встала и заходила по спальне со стаканом в руке. Она понимала, что Чарли прав, но остановиться уже не могла.

— Не сердись. — Уолт подошел к ней и сделал попытку обнять. Но Пэт оставалась безучастной.

— Мне надо знать, Уолт, — наконец сказала она, глядя ему прямо в глаза.

— Пэт, но ты же толкаешь меня на нарушение долга. Я не имею права говорить об этом. Ты за этим и пригласила меня? Хотела выпытать?.. — Уолт сузил глаза. Пэт резко остановилась.

— Ты с ума сошел! Как ты смел подумать!

Уолт сел на постель, насупившись. Он явно боролся с собой.

— Если хочешь, можешь не говорить... — Пэт села рядом с ним и, улыбаясь, погладила по волосам. — Забудем... Правда, мне все-таки хотелось бы знать...

Уолт избегал встречаться с ней взглядом.

— Чарли, но ведь это останется между нами. Даю слово, что я не использую это в печати. — Последние слова у нее вырвались помимо воли. И в тот момент она верила, что так оно и будет.

Уолт совсем помрачнел.

— Ну хорошо, — выдавил он после долгой паузы, — если ты так настаиваешь... разведке стало известно,

что русские испытывают новую универсальную антиракету, которая работает на особом топливе.

— А что это такое? — вгашне равнодушно спросила Пэт, но в душе обрадовалась, что ей наконец удалось добиться своего.

— Я и сам мало что смыслю в этом. Говорят, что эта ракета практически способна уничтожить любую вражескую.

— Только и всего! — простодушно воскликнула Пэт.

— А разве этого мало? Англия и ее союзники пока не располагают подобным оружием. Произошло нарушение равновесия сил.

— Я мало в этом смыслю. Но думаю, что рано или поздно наши яйцеголовые¹ тоже придумают что-нибудь в этом духе.

— Может быть. А пока руководство проявляет большую озабоченность.

— Об этом и шла речь на чрезвычайном заседании в разведке?

— Да. Но помни, Пэт, ты обещала, что никому не проговоришься.

— Ни за что, Чарли! — горячо воскликнула Пэт. — Это умрет между нами.

Она наклонилась и поцеловала его в глаза. Но он был неподвижен и чем-то озабочен. Пэт встревожилась:

— Что с тобой?

Чарли молча пожал плечами.

Пэт снова пила, но даже опьянение не помешало ей почувствовать, что между ней и Уолтом возник какой-то холодок. Растопить его не могли ни виски, ни ее настоячивые ласки. Отчуждение оставалось.

Вскоре Уолт собрался домой. Пэт просила его остаться, но он был неумолим. Она проводила его до дверей. Вернувшись в спальню и наливая себе виски, услышала, как за окном с приглушенной сердитостью зарокотал «седан» Уолта. Потом в доме стало так тихо, что Пэт могла слышать, как стучало ее сердце.

На следующий день, презирая себя, она все же рассказала редактору отдела политических новостей то, что ей удалось узнать от Уолта. Тот передал эти сведения военному обозревателю газеты Стюарту Саймингтону.

¹ Интеллигенты, технократы.

Вертолет с Робертом Лейнгартом приближался к Востергрейту, небольшому и малоизвестному местечку в двадцати милях от Лондона, где находилось одно из подразделений английской секретной службы. Роберт Лейнгат сидел, откинувшись на спинку кресла и заложив ногу за ногу так, что между краем брюк и носками виднелась синая кожа лодыжки.

Хотя должность Лейнгарта называлась и скромно, но он был одной из ведущих фигур. Если где-то в странах третьего мира свергалось неуютное правительство, если где-то сотрудники разведки проводили хитроумную разведывательную или диверсионную операцию, то всякий раз можно было с уверенностью сказать, что главным авторитетом для них был Лейнгат, ибо он возглавлял мозговой трест разведки.

Рядом с Лейнгартом скучали двое детективов — его личная охрана, позади — в глубине салона — двое экспертов дымили сигаретами.

Вертолет, покачиваясь, шел на снижение: треск моторов стал приглушенным. Лейнгарта мутило — сказывалось нервное напряжение последних двух дней. Ему было под шестьдесят, и в такие дни он, как никогда, чувствовал бремя возраста.

Лейнгат поманил взглядом сидевшего рядом детектива. Тот наклонился.

— Джо, передай им, — Лейнгат кивнул в хвост вертолета, — чтобы прекратили курить. И пусть запомнят, я не выношу табачного дыма.

Детектив отправился выполнять распоряжение, а Лейнгат выглянул в окно. Прицеливаясь на посадочную площадку, вертолет висел на высоте не более ста метров. Слева внизу, окаймленные со всех сторон жидким лесом, виднелись белые коттеджи, отстроенные в викторианском стиле — кирпичные, с острыми черепичными крышами. Вертолет резко пошел вниз и через минуту-другую оказался на бетонированной площадке, в лесу. Не успели остановиться роторы, как к вертолету подъехал черный лимузин. Лейнгат в сопровождении детективов перебрался в машину. Лимузин бесшумно рванулся с места и вскоре, выбравшись на широкое бетонированное шоссе, у таблички «Бюро общественных дорог» свернул вправо.

Путь ему преградила трехметровая решетчатая ограда, окружавшая резиденцию разведоргана. На ограде, рядом с металлическими воротами, можно было прочесть: «Частное владение. Посторонним вход запрещен», «Фотографировать запрещено».

Впрочем, Лейнгарт не обратил внимания на эти таблички. Металлические ворота бесшумно открылись, и лимузин, миновав помещение охраны, подъехал к подъезду с высокими дубовыми дверьми.

В просторном пустынном холле одного из коттеджей не было никого, кроме двух детективов. Особняк казался необитаемым. Постороннему человеку пришлось долго ломать голову: куда, в какое учреждение он попал. Ни надписей, ни указателей. Только слева, на мраморной плите можно было прочесть: «И ты узнаешь истину, и истина сделает тебя свободным». Но этот евангельский афоризм ничего не говорил непосвященному. Он мог украшать и паперть церкви, и холл публичной библиотеки.

Но все эти подробности мало волновали Лейнгарта. Мысли его были заняты другим: сейчас ему предстояло доложить директору программу разведывательных мероприятий, которые помогли бы вырвать у русских тайну их новой антиракеты. Список мероприятий лежал у него в портфеле. Озабоченный предстоящим докладом, Лейнгарт, оставив детективов и экспертов в холле, поднялся на четвертый этаж, миновал три кордона охраны и оказался в приемной директора. Здесь, как и во всем помещении, было тихо. Помощник директора — розовощекий молодой человек — вполголоса разговаривал с кем-то по телефону, но, увидев Лейнгарта, поспешно положил трубку.

— Директор ждет вас, — сказал он и открыл высокую отделанную орехом дверь.

Хотя заместитель директора по планированию бывал здесь почти ежедневно, всякий раз, переступая порог кабинета своего шефа, он волновался: как пройдет встреча на сей раз?

Первая панель кабинета состояла из стекла, но окна были плотно зашторены кремовой прозрачной тканью, отчего казалось, что помещение окутал желтоватый туман. На передней стене кабинета, той, возле которой стоял рабочий стол директора, висело несколько задраенных экранов. Посередине кабинета стоял круглый стол для совещаний.

Справа, у рабочего стола директора, возвышался пульт связи с несколькими телеэкранами, панелью селекторной связи и множеством телефонных трубок.

Шаги вошедшего заглушал мягкий ковер. Директор поднялся навстречу Лейнгарту и пожал ему руку. У шефа была пружинистая походка и быстрый, оценивающий взгляд. Одет он был консервативно: двубортный пиджак в редкую полоску, из нагрудного кармана которого выглядывал кончик белого платка; галстук в косую полоску сколот тонкой булавкой, до блеска надраенные ботинки на тонкой подошве. Редкие волосы с легкой проседью гладко прилизаны. Узкое лицо с густыми темными бровями и глубокими складками, шедшими от скул к выступающему подбородку, можно было бы назвать красивым, если бы не узкий, не по-мужски маленький рот, придававший лицу не то выражение капризности, не то холодноватой чопорности.

Директор смело мог бы сказать о себе, что он «селф-мейдмен», то есть человек, сделавший самого себя. И это была правда. Своим возвышением директор был обязан только самому себе, своей неутомимости, рвению и фанатичной преданности делу. Он начал еще до войны карьеру в качестве корреспондента одной из английских газет в Берлине. Разумеется, журналистское удостоверение было всего лишь прикрытием. Директор писал не столько репортажи и статьи, сколько отчеты о положении в гитлеровской Германии. Он не скрывал своего восторга перед фашистским режимом и считал его лучшим барьером на пути проникновения «большевистской России» в Европу. Его детальные, скрупулезные отчеты привлекли к себе внимание, и перед самой войной директор был переведен в центральный аппарат разведки, в военный отдел. Здесь он быстро выдвинулся, став к концу войны руководителем одного из ведущих отделов. Ненависть к левым силам, фанатическая вера во всемогущество разведки помогли ему быстро продвинуться в расширенном после войны аппарате.

У директора был свой твердый взгляд на особую роль разведки в современном мире. Он считал, что с появлением «холодной войны» древнее военное искусство, опиравшееся на грубо материальные силы и чисто военные стороны столкновений борющихся сторон, перешло в сферу интеллекта.

— Правда, — оправдывался он, — это не значит, что интеллектуальные факторы не оказывали влияния на ведение в прошлом обычных войн. Во все века сила разума проявляла себя в войне. Не только храбрость и опыт сделали Ганнибала, Александра Македонского и Цезаря величайшими именами древности. Наполеон, Веллингтон и эрц-герцог Карл были, несомненно, самыми образованными военными своего времени...

Но с развитием общества, обосновывал перед подчиненными свою концепцию директор, военных знаний еще недостаточно. Теперь войны включают не только армии, сражающиеся между собой на обособленных военных театрах, но и целые государства; не только генералов, но и государственных деятелей и народ; не только военную науку, но и дипломатию, экономику и общественные науки.

— Тотальный характер войны, — любил повторять директор, — все охватывающий, всюду проникающий характер современного столкновения ведет к тому, что все большее значение приобретают не военные стороны войны и, в частности, разведка. Теперь мы признаем, что разум и образование играют в ней все более важную роль. Разум приобрел силу вести собственную войну. Это и есть то, что мы называем войной умов. Отсюда решающая роль разведки в современном мире.

Директор считал себя не только практиком, но и крупным теоретиком.

Бывают люди, которые из всего арсенала жизненных удовольствий выбирают сразу несколько. Директор был человеком одной страсти. Ощущение полноты жизни ему доставляла только власть. Он не пил, не курил, не употреблял кофе. Молоко и фруктовые соки были главными компонентами его меню. У него даже не было детей. Он жил вдвоем с женой. В сущности, работа заменяла ему все. Работа и еще, пожалуй, гольф. Но даже гольф не принадлежал к числу его увлечений. Это было просто средство укрепления здоровья и способ внеслужебного общения с людьми. Но странная вещь: чем выше директор поднимался по служебной лестнице, тем более одиноким он себя чувствовал, тем более узким, замкнутым становился для него бурно шумящий, искрящийся горестями и радостями мир. Сейчас, став практически одним из самых влиятельных людей, директор достиг вершины

власти. В его распоряжении находились многие тысячи штатных и внештатных сотрудников — ученых, советников, экспертов, профессиональных разведчиков — и бюджет, исчислявшийся умопомрачительной девятизначной цифрой. Сейчас одного его слова было достаточно, чтобы привести в действие тысячи людей по всему миру. Но, странно, именно теперь директор ловил себя на том, что вкус власти уже не доставляет ему прежнего острого удовольствия.

В сущности, в огромном кабинете с его светящимися картами и схемами он чувствовал себя добровольным отшельником. И директор был по-отшельнически суров. Отказавшись ради власти от увлечений, удовольствий и маленьких слабостей, он не терпел никаких слабостей и пристрастий и в подчиненных. Он отдал официальное распоряжение, запрещающее курение в зданиях разведки. Он безжалостно увольнял сотрудников, замеченных в пристрастии к спиртным напиткам. Он приказал брать на работу в управление только людей женатых (исключения составляли те, кому по роду занятий было предпочтительней оставаться холостяками).

Директору исполнилось пятьдесят семь. Он уже пережил двух премьер-министров, и ничто не указывало, что сила и влияние главы тайной империи клонится к закату. Наоборот, недавно добытые сведения о новом топливе для русской антиракеты еще больше укрепили его позиции. Сообщение директора об универсальном русском оборонительном оружии произвело глубокое впечатление на всех сотрудников разведывательного аппарата.

Директор сел за свой стол и, откинувшись на спинку кресла, сказал:

— Прошу вас, Лейнгатт, быть предельно кратким. В пять ноль-ноль меня ждет шеф.

Лейнгатт вынул из портфеля доклад. Он состоял из трех страничек машинописного текста. На первой страничке в верхнем правом углу значилось: «Совершенно секретно». И перечень лиц, для которых предназначался этот доклад.

— Сэр, — начал Лейнгатт, — мы разработали серию комплексных мер, которые включают в себя как методы традиционной, классической разведки, так и новейшие научно-технические. Позвольте начать с последних.

Хотя Лейнгатт старался говорить бодрым, уверенным

тоном, в глубине души он не был так уверен. Когда-то директор сам занимался вопросами планирования и, как казалось Лейнгарту, относился к его работе с особым пристрастием.

— Во-первых, мы предлагаем, — продолжал он, — провести запуск серии аппаратов, снабженных специальным сверхчувствительным оборудованием... Такие аппараты, в частности, могли бы взять пробу воздуха в районах запуска антиракеты и тем самым подсказать, какие материалы используют русские для ее изготовления.

— Сколько времени потребует подготовка таких аппаратов? — поинтересовался директор.

— Думаю, от девяти месяцев до года.

Директор задумался.

— Нет, это слишком медленные темпы, — наконец проговорил он, — фактор времени для нас сейчас — самое главное. Хотя как подсобное средство я не исключаю и космические аппараты. Что еще вы предлагаете?

— Мы предлагаем в самое ближайшее время выяснить местонахождение научно-исследовательских институтов, занимающихся вопросами антиракеты. Не исключено, что нам удастся поблизости от этих институтов установить аппаратуру, которая фиксирует малейшие вибрации оконных стекол, вызываемые человеческой речью, и записывает эту речь на микро пленку.

— Все это прекрасно, — усмехнулся директор, — но как вы установите адреса этих институтов?

— Думается, что этим займутся наши резиденты на месте. Они должны это выяснить через свою агентуру.

— Что касается России, то там они не могут похвастаться богатством агентуры. Хотя, казалось бы, мы не стесняем их в финансовых средствах.

— Согласен, сэр. Поэтому предлагаю вызвать резидентов из России и других социалистических стран для соответствующего инструктажа на месте. Мы должны достаточно ясно сформулировать стоящие перед нами новые задачи.

— Ваше предложение принимается, Лейнгарт. Распорядитесь, чтобы соответствующие шифровки были отправлены сегодня же... Сделайте это как можно незаметнее, чтобы не насторожить контрразведчиков. Пусть каждый резидент придумает благовидный предлог для отъезда — болезнь, отпуск или что-нибудь в этом роде...

Лейнгарт сделал себе пометку в специальном блокноте с грифом «сверхсекретно», который по использовании сжигался в одной из трех печей, сооруженных в здании управления специально для этих целей, а затем продолжал докладывать:

— Кроме того, было бы целесообразно расширить участие наших агентов в туристических поездках, осуществляемых по программе культурного и научного обмена.

— Согласен и с этим, — категорично подтвердил директор. — В ближайшее время мы должны иметь в России как можно больше наших людей. Теперь нельзя полагаться на гениальных разведчиков-одиночек. Необходимы массированные усилия.

Лейнгарт приободрился. Доклад, кажется, проходил неплохо. Он сделал небольшую паузу, достал носовой платок и вытер вспотевший лоб. Чувствовалось, что все это стоило ему большого нервного напряжения.

— Какие соображения будут еще? — поторопил его директор.

— Сэр, как известно, в скором времени в Лондоне намечается провести международный симпозиум по вопросам металлургии. Русские ученые наверняка будут приглашены.

— Вы думаете, — забарабанил пальцами по столу директор, — что русские разрешат участвовать в такой встрече специалистам и по новой антиракете? Сомневаюсь.

— Кто знает, сэр. Если они не разрешат выезд ученым, так сказать, практикам, то не исключено, что на симпозиуме будут специалисты по теории.

Директор сосредоточенно сдвинул брови. Наступила пауза. Затем шеф разведки машинально сунул руку в карман и извлек оттуда маленькую плоскую коробочку. Это были таблетки, снижающие нервное напряжение. Он бросил одну в рот, запил содовой из стоявшего на столе сифона.

— Попробуйте, — предложил он Лейнгарту. — Усталость как рукой снимает. Великолепное лекарство. Кстати, вам не помешает: у вас усталый вид.

Поблагодарив, Лейнгарт осторожно взял крошечный белый шарик.

— Так, значит, симпозиум? — медленно проговорил директор.

Он встал и нажал один из клавишей на пульте. Шторы экрана за его спиной медленно, с шорохом раздвинулись, обнажив огромную, занимавшую почти всю стену, карту мира, выложенную из разноцветных кусков прозрачного пластика. Особенно красивы были подсвеченные изнутри голубовато-зеленоватые просторы океанов и морей. На всех четырех обитаемых континентах мигали скопления разноцветных крохотных лампочек. Они мигали даже на островах Атлантики, Тихого и Индийского океанов. Россыпь их была особенно густа в районе Берлина, Вены, Берна, Тель-Авива, СINGапурa, на Индокитайском полуострове. Неподдалеку от Лондона желтовато светилась самая крупная лампочка, под которой значилось Ленгги. Это было схематическое изображение разведывательных пунктов и других враждебных групп, созданных разведками империализма.

Отойдя от карты, директор несколько мгновений созерцал ее молча. Казалось, он заморожен мерцанием огоньков. Да так оно, пожалуй, и было. Глядя на это панно, директор особенно остро ощущал поистине глобальные размеры своей империи, свои безграничные возможности влиять на многие события общественной жизни в интересах разведки. В этих целях его агенты нередко использовали и международные конференции, симпозиумы и т. д.

— Что ж, — полубернувшись к Лейнгарту, произнес директор, — поручите отделу Эс-Три-Эр заняться этим вопросом. И пусть ускорят подготовку агентов для этого симпозиума. Еще что предлагаете?

— Сэр, по-моему, мы не должны отказываться и от старых классических методов. Хотя в условиях России реализовать их довольно трудно, но все же...

Директор усмехнулся краешком маленького рта.

— Вы имеете в виду деньги, вино, женщин...

— Разумеется, сэр, в том числе и это пригодится. Зачем же игнорировать опыт наших предков. Они применяли эти методы, и небезуспешно. Правда, теперь многое изменилось, у нас появились тончайшие приборы, но человеческая натура меняется медленней, чем техника... Человек во многом остался таким же, как и сто, двести лет назад. Он одевается по-новому, но грешит по-старому.

— Вы знаете мою точку зрения, Лейнгарт. Я не променяю один хороший электронный прибор на десять Мата Хари. Прибор, несомненно, надежней. Он не поддается

психологической обработке и его нельзя перевербовать. На него можно положиться, как на самого себя. И потом деньги в Советах — отнюдь не универсальное средство. Если бы вы сумели доказать обратное, я готов предоставить в ваше распоряжение практически любую сумму...

— Ловлю вас на слове, сэр, — директор пожал плечами, а Лейнгарт продолжал:

— Мне все время кажется, что мы переоцениваем моральную стойкость русских. Мы, по-моему, мыслим здесь старыми категориями. Многие специалисты по России утверждают, что только разумное сочетание новой техники и активной деятельности агентуры способно приблизить нас к цели...

— Видимо, — перебил его директор.

— Так вот, позвольте, сэр, продолжить свою мысль. У нас родился кое-какой план.

Лейнгарт достал из нагрудного кармана очки, водружил их на нос и, пробежав глазами машинописный текст, начал:

— Сэр, в России мы располагаем агентом, секретное имя которому дано, помните, по начальным буквам его фамилии, имени и отчества РПА. Это — Рудник Павел Аркадьевич. Именно с его помощью мы уточнили некоторые имевшиеся у нас сведения о русской антиракетке.

Директор молча кивнул.

— В частности, мы надеемся получить от него некоторые сведения об ученых, работающих над этой ракетой. Возможно, среди них найдется человек, который смог бы быть нам полезен.

Лейнгарт мельком взглянул на директора, желая убедиться, какое впечатление производит на него этот план. Но лицо директора оставалось бесстрастным.

— К сожалению, Рудник не имеет необходимого технического образования, чтобы определить научную ценность информации. Ему не хватает хорошо подготовленного руководителя.

— И что вы предлагаете?

— Среди иностранцев, получивших образование в СССР, наши люди присмотрели подходящую кандидатуру.

— Кто это такой?

— Выпускник московского университета, немец из Восточной Германии, у него родственники проживают в Западном Берлине. Меня заверили, что он вполне подхо-

дит для наших целей. Есть сведения, что Москва готова предложить ему место эксперта в СЭВ. Таким образом, у него будет надежное прикрытие...

— Это неплохо.

— Мы намерены поручить ему руководство технической стороной операции. Правда, окончательной беседы с ним еще не было, и нам пока не удалось заручиться его согласием. Но есть все основания надеяться, что он согласится.

— Кто отвечает за подготовку этого резидента?

— Наше западноберлинское отделение и лично мистер Кларк, шеф этого отделения.

Директор посмотрел в окно, обдумывая какую-то мысль.

— Мне кажется, вам следовало бы самому проверить подготовку этого резидента и убедиться в его надежности.

— Слушаюсь, сэр.

— Вылетайте срочно в Западный Берлин.

— Через три дня, сэр, я буду там.

— Прекрасно. Продолжайте.

— Насколько мне стало известно из консультаций с экспертами, главная трудность в создании такой антиракеты — это эффективное, малогабаритное топливо. Мы ставили перед нашей резидентурой в Москве задачу добыть секрет этого топлива, а также снимки ракеты.

— Согласен, Лейнгатт. Давайте ваш план. Я готов подписать его. — Директор вынул старомодную, потертую авторучку (он гордился, что пишет ею уже тридцать лет) и поставил на подготовленном Лейнгаттом документе размашистую подпись.

— Благодарю вас, сэр, — пробормотал Лейнгатт, довольный, что доклад прошел удачно.

— Желаю удачи!

Директор выпрямился и подал Лейнгатту холодную руку с длинными, ухоженными пальцами.

Два дня спустя данные разведки о новой русской антиракетке стали достоянием гласности. В утреннем выпуске «Дейли миррор» появилась статья военного обозревателя Стюарта Саймингтона. Огромный заголовок на первой полосе кричал: «Русские испытывают новую антиракету». Стюарта Саймингтона знала вся Англия. Его еженедельные обзоры перепечатывали во всех графствах страны.

Он считался крупнейшим специалистом в военных вопросах.

«Как стало известно из совершенно достоверных источников, писал он, на днях русские испытали новую мощную антиракету. Русские называют ее многоцелевой. Эта ракета в состоянии уничтожить с большой степенью эффективности ракету любого известного класса.

Грозная сила нового оружия заключается в том, что ракета обладает большой маневренностью и снабжена сверхчувствительной аппаратурой, позволяющей обнаруживать ракету противника за многие мили. Можно с уверенностью сказать, что Советы приобрели не только мощное оружие, но и крупный козырь в игре за первенство в мире.

Но это только один аспект новой проблемы, возникшей столь неожиданно перед нашими военными. Более существенным является то, что с сегодняшнего дня придется в корне пересмотреть не только свою стратегическую концепцию, но и внешнюю политику вообще, ибо роль защитника «свободы и демократии», роль, которую столько лет мы пытались играть, уже не подходит в новых условиях. Появление нового оборонительного оружия у русских нарушило равновесие сил, существовавшее до сих пор в мире. По крайней мере до того времени, пока американская наука не найдет ключа к ящику Пандоры.

Но это еще не все. Поскольку во внешней политике наибольшее количество сторонников вербует сильный, мы вынуждены будем заново переоценивать свои отношения с нынешними союзниками, особенно в зоне так называемого «третьего мира».

Конечно, это далеко не полный перечень проблем, которые поставило изобретение русскими нового оружия. Все последствия ракеты сейчас еще трудно предвидеть. Но ясно одно: у нас будет немало забот. В сущности, поиски выхода из создавшейся ситуации уже начались, два дня назад состоялось внеочередное заседание у военных, на котором обсуждались сообщения разведки о новом русском оружии. Пока еще принятые решения хранятся в тайне от английского народа, но пройдет какое-то время, и мы узнаем, что собираются предпринять военные, чтобы ответить на вызов России».

Так писал Стюарт Саймингтон. Конечно, он не сомневался, что его статья привлечет к себе всеобщее внимание. На это он и рассчитывал. Потому и избрал нарочито равнодушный, беспристрастный тон. Стюарт Саймингтон твердо знал: когда поразительные новости говорятя подчеркнуто небрежно, они производят большой эффект. И действительно, его статья вызвала настоящую сенсацию. Журналисты бросились за разъяснениями. Они не давали прохода помощнику шефа разведки по связям с печатью. Но на все их настойчиво-тревожные вопросы тот отвечал традиционным: «Никаких комментариев».

— Но правда ли, что состоялось внеочередное заседание? — допытывались они.

— Да, правда, — отвечал тот.

— Но все-таки, какие вопросы там обсуждались?

— Придет время — узнаете.

— Но, Пит, — наседали журналисты, — мы же должны сообщить своим читателям.

Сэр Питер Кармайкил, или Пит, как фамильярно звали его журналисты, обвел взглядом плотно обступившую его толпу газетчиков и заученно повторял: «Я же сказал — никаких комментариев».

Между тем статья в «Дейли миррор» взбудоражила не только биржу и деловые круги, но и широкую общественность. Там недоумевали: «Как, каким образом сведения о секретном заседании в разведке проникли в печать. Ведь шеф лично распорядился, чтобы вплоть до особого указания повестка дня заседания хранилась в глубочайшей тайне. Прочитав статью Стюарта Саймингтона, шеф вышел из себя.

— Как могли об этом узнать?! — воскликнул он, комкая газету. — Это нужно выяснить немедленно!

Ждать ответа на этот вопрос ему пришлось недолго. Сотрудники уже обнаружили ту трещину, через которую просочилась информация. Шеф узнал о ней уже в день опубликования статьи.

Два дня спустя после появления статьи Стюарта Саймингтона Пэт вместе с группой других журналистов брала интервью у министра иностранных дел одной из европейских держав. Министр, находившийся в Лондоне с официальным визитом, остановился в самом фешенебельном отеле «Хилтон». Закончив интервью, Пэт сунула

крохотный магнитофончик в сумочку, торопливо спустилась с девятого этажа вниз и отправилась на стоянку машин.

После прохладного, кондиционированного воздуха в отеле зной на улице был нестерпимым, улица казалась малолюдной. Только полицейские у перекрестков не обращали внимания на жару. Лица их, скрытые тенью от касок, казались шоколадными. Пэт спешила к машине: все же на ходу в открытом «ягуаре» ветерок смягчает небывалый зной.

С тех пор как появилась эта проклятая статья, Уолт ей ни разу не звонил. Сама она звонить ему не решалась. Ей было до боли жалко, что все так по-дурацки получилось. «Боже, — ругала она себя, — какая я все-таки дрянь. Как я могла! Бедный Уолт, если начальство заподозрит, что информация просочилась через него, у него могут быть крупные неприятности». Но Пэт терпеть не могла невеселых мыслей. И теперь она постаралась их отогнать. Она верила, что все как-нибудь образуется, что какой-нибудь счастливый случай исправит положение и она уладит отношения с Уолтом.

Пэт без труда отыскала свою машину в каре других. Выбравшись со стоянки и оказавшись на Оксфорд-стрит, она прибавила скорость. В ушах засвистел ветер. Теперь она думала лишь об одном: поскорее добраться до редакции, поскорее продиктовать машинистке интервью: оно должно пойти на первую полосу в вечерний выпуск. Но она не проехала и четверть мили, как раздался оглушительный выстрел. «Ягуар» тяжело покосился на правую сторону. «Лопнула крышка», — догадалась Пэт. Это было так некстати. Надо звонить на станцию обслуживания, дожидаться, пока они приедут и заберут машину. В редакцию придется добираться на такси. Чертыхаясь, Пэт вышла из салона и обошла машину: правую, заднюю, по крышку придавило диском к асфальту.

Скрипнув тормозами, впереди «ягуара» остановился красный «додж». Из него вышел высокий мужчина в голубоватом летнем костюме и широкополой шляпе. Незнакомец поспешил к Пэт и, приподняв шляпу, спросил:

— Не могу ли чем-нибудь помочь, мисс?

Пэт осмотрела незнакомца: у него было приятное, от-

крытое лицо и сосредоточенный взгляд, стройная фигура и широкие плечи. «Похож на бейсболиста», — подумала она.

— О, благодарю вас! — Пэт беспомощно улынулась. — Вы так любезны! Мне нужно поскорее добраться до Риджен-стрит пять.

— Моя машина к вашим услугам, мисс. — «Бейсболист» снова приподнял шляпу.

Незнакомец усадил Пэт в свой «додж», подозвал полицейского и, взяв ключи у Пэт, передал их блюстителю порядка, тот обещал немедленно позвонить на станцию обслуживания.

— Куда прикажете подать машину? — спросил полицейский. Пэт назвала адрес редакции, и «додж» рванулся с места. Они проехали несколько кварталов. Незнакомец молчал. Пэт тоже. Так в молчании они проехали какое-то время. Но тут случилось что-то непонятное: вместо того чтобы ехать прямо, «бейсболист» свернул вправо в незнакомый переулок.

— Послушайте, — встревожилась Пэт, — куда вы меня везете?

— Туда, где вас ждут, мисс, — ответил «бейсболист», глядя прямо перед собой. Переулок был пустынный, и «додж» мчался со скоростью восьмидесяти миль в час.

— Меня ждут в редакции!

— Не только, мисс, — ответил незнакомец, по-прежнему не удастая Пэт взглядом.

— Что это все значит? — закричала Пэт. — Я позову полицию. Остановите машину!

«Додж» сделал еще несколько поворотов. Пэт вцепилась незнакомцу в плечо!

— Остановите, вам говорят! Иначе я выпрыгну на ходу.

Она попробовала толкнуть правую дверцу, но та оказалась запертой. Пэт всерьез струхнула. Ясно: она попала в одну из тех дурацких историй, о которых ежедневно приходится читать в газетах. «Бейсболист» наверняка какой-нибудь гангстер. Пэт вспомнила, что в сумочке у нее лежит газовый пистолет. Нацупав его, она отодвинулась от незнакомца подальше и прицелилась ему в лицо.

— Остановите, или я буду стрелять! — рука ее дрожала. Владелец «доджа» покосился на пистолет и приказал:

— Опустите вашу дурацкую игрушку! Я совсем не тот, за кого вы меня принимаете! — Одной рукой он отвернул лацкан пиджака, и Пэт увидела восьмиугольный жетон, в центре которого было выбито две хорошо знакомых ей буквы.

Она невольно опустила пистолет.

— Как видите, я не грабитель и не гангстер, — усмехнулся незнакомец. — И вам, собственно, нечего волноваться. В ваших же интересах быть благодарной.

— Но мне срочно нужно быть в редакции!

— Это нам известно. Поэтому мы не собираемся вас долго задерживать. Небольшой дружеский разговор. Вот мы и приехали, — добавил он, притормаживая у подъезда четырехэтажного дома.

Когда Пэт вышла из машины, то заметила, что позади «доджа» остановился черный «форд-меркурий». Из него вышли двое таких же рослых детективов, чем-то неуловимо похожих на ее водителя. Вероятно, они всю дорогу следовали за их «доджем».

Пэт провели на второй этаж. «Бейсболист» попросил ее подождать в большом полутемном холле. Пэт села в кресло и закурила. Двое детективов из черного «форда» исчезли где-то по дороге. На мгновение у нее мелькнула мысль улизнуть. Но она тут же сообразила, что это невозможно. К тому же ее мучило любопытство, зачем она могла понадобиться сотрудникам. От страха она уже оправилась и теперь ей хотелось поскорее покончить с этой историей.

Идти пришлось недолго. Вернулся «бейсболист» и, проведя Пэт по коридору, открыл перед ней одну из дверей. Она оказалась в просторном кабинете: пожилой человек в темном костюме и толстых роговых очках, похожий на адвоката, поднялся ей навстречу.

— Кроуфорд, — представился он, — Самуэль Кроуфорд. Тысячи извинений, мисс. Надеюсь, что мои сотрудники вели себя достаточно корректно?

— О, безусловно! — воскликнула Пэт. — Они были истинными джентльменами!

— Прекрасно, прекрасно, — обрадовался Кроуфорд, — я так и думал, что у вас не будет к ним претензий. Но

хотите ли что-нибудь выпить? На улице невероятная жара! Я лично плохо переношу жару, мисс. Простите за откровенность. Итак, что прикажете подать вам?

Пэт попросила джин с тоником.

— Скажите, мистер Кроуфорд, — сказала Пэт, потягивая поданный ей джин, — вы, наверное, поклонник Флеминга или Спилейпа.

— Я? — искренне удивился Кроуфорд. — Почему вы так решили, мисс? В жизни не прочел ни одной их книги.

Кроуфорд снял очки и принялся их протирать. В его близоруких глазах навывкате появилось что-то наивное и беспомощное.

— Вот как! А я решила, что вы знаете их наизусть.

— О, нет, нет, вы ошибаетесь, мисс! — запротестовал хозяин кабинета.

— Тогда, значит, все эти трюки с проколом шины вы придумали сами?

Кроуфорд наконец обрел чувство юмора и расхохотался:

— Никаких трюков, мисс, все очень просто: крохотный баллончик вставляется в покрышку... Взрывается, когда колеса набирают определенное количество оборотов. Но вы не волнуйтесь, покрышку мы заменим за свой счет.

Но Пэт была серьезна. Она допила джин и поставила стакан на поднос.

— Мне это не кажется ни остроумным, ни забавным. К чему эти шпионские фокусы? Если я вам понадобилась, вам было бы нетрудно найти мой адрес. Он есть в любой адресной книге. Вот что, мистер Кроуфорд, — веско закончила Пэт, вставая, — я буду на вас жаловаться. Думаю, что вы не сомневаетесь, что меня есть кому защитить.

— О, мисс, — воскликнул Кроуфорд, прижимая руки к груди, — вы напрасно обижаетесь! Нам нужно, чтобы вы посетили нас незаметно для посторонних глаз. Такова уж наша профессия. Прошу вас, садитесь. У меня к вам деловой разговор. Если хотите, деловое предложение.

Пэт нерешительно села. С лица ее сходило выражение холодной отчужденности.

— Мы хотели, чтобы вы стали нашим другом, — вкрадчиво сказал Кроуфорд.

— Простите?

— Ну... как бы вам это объяснить поточнее, — Кроуфорд пожевал ртом. — Возможно, нам понадобится ваша помощь. Нет, нет, ничего серьезного, так, какая-нибудь мелочь...

— Иначе говоря, — переспросила Пэт, — если я вас правильно поняла, мистер Кроуфорд, вы предлагаете мне стать вашим агентом, не так ли?

— Ну зачем же так громко, мисс. Скажем просто: секретным сотрудником.

— И вы решили, что я для вас подхожу как нельзя лучше?

— О, безусловно, мисс. У вас редкий дар нравиться людям. И потом в том кругу, где вы бываете, нас кое-кто интересуется...

— Вы предлагаете мне шпионить за моими знакомыми и друзьями?

— Ах, мисс, опять не то. Мы терпеть не можем этого слова. Вы должны будете нас просто информировать. Информировать. Это слово мне нравится куда больше.

Пэт резко встала.

— Я весьма польщена, мистер Кроуфорд. Но у меня есть другая работа, и с меня ее хватит. — Пэт направилась к выходу.

— Одну минутку. — Кроуфорд вышел из-за стола. — Не торопитесь. Наш разговор еще не окончен.

— Разве я недостаточно ясно выразилась? — сказала Пэт, обернувшись.

— Нет, мисс. Вы сказали все, но не все сказал я. Прощу вас, садитесь.

— Меня ждут в редакции. — Пэт взялась за дверную ручку.

— Садитесь! — уже приказал Кроуфорд, и Пэт против воли подчинилась. Благодушная маска спала с лица Кроуфорда, и Пэт только сейчас заметила, что у него тонкие, жестко сжатые губы.

— Я, как и все мои сотрудники, — продолжал Кроуфорд уже спокойно, дождавшись, пока Пэт села, — всегда отношусь к женщинам корректно. И сейчас мне очень неприятно, мисс, огорчать вас. Но не далее как три дня назад ко мне в руки попали фотографии интимного характера. Я надеюсь, что они интересуют вас.

Кроуфорд открыл ящик стола, извлек оттуда толстый конверт и передал его Пэт. Она вынула одну — и кровь

ударилась ей в лицо. На фотографии обнаженный Уолт сжимал ее в объятиях. Она быстро перетасовала снимки — вечер, который они провели вместе с Уолтом у нее в особняке, был заснят от начала до конца. Ни одна подробность не ускользнула от объектива. Пэт была готова провалиться со стыда. Подавленная, разбитая, униженная, она сидела, опустив голову, чувствуя на себе пристальный взгляд Кроуфорда. Так вот кто был этот электрик, приходивший чинить проводку. Он проник, оказывается, чтобы установить в гостиной и спальне крохотные кинокамеры. Пэт с ужасом думала, что попала в ловушку. Она понимала, что эти люди ее не пощадят. Не помогут никакие связи.

— Надеюсь, мисс, — участливо спросил Кроуфорд, — вы не хотите, чтобы эти снимки стали достоянием многих? Известная журналистка, дочь крупного финансиста. Думаю, что те, кто в этом заинтересован, дали бы хорошую сумму, чтобы заполучить эти снимки.

Пэт не поднимала глаз.

— А теперь можете идти. И подумайте над моим предложением, я вас не тороплю. Мы еще вернемся к нашему разговору. До свидания.

Пэт поднялась и, пошатываясь, направилась к двери.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДВА ГАНСА

Мюллерштрассе — узенькая улочка на окраине Западного Берлина. Дома здесь двух-трехэтажные, старинные, с лепными карнизами и подъездами и высокими стрельчатыми окнами. Нижние этажи занимают магазины, лавочки, крохотные кафе, мелкие конторы, малоизвестные агентства и бюро. Вдоль обочины плотной шеренгой выстроились припаркованные машины. В обычные часы на улице тихо, малоллюдно, и только в часы пик становится оживленно. Чиновники и продавцы высыпают из своих контор и магазинов на улицы, чтобы перекусить в ближайшем кафе.

Дом № 31 мало чем отличается от своих соседей: трехэтажный, из красного потемневшего от времени кирпича, с высокими окнами в частом переплете, с цоколем, облицо-

ванным коричневым мрамором. Козырек его единственного подъезда поддерживают два мускулистых бородатых титана. В глубокой входной нише — стеклянные двери, задернутые изнутри шторами.

Дом несколько отнесен в глубь улицы, перед фасадом его зеленеет аккуратно подстриженный газончик и разбиты цветочные клумбы. Можно подумать, что особняк принадлежит преуспевающему адвокату или доктору с богатой частной практикой. Но металлическая табличка на решетчатой ограде, отделяющей газон от тротуара, гласит, что здесь располагается учреждение с малопонятным названием: «Агентство по розыску пропавших без вести». Впрочем, вы можете нажать кнопку звонка на ограде, и ворота вам откроет служащий агентства. Он проведет вас в просторный холл и осведомится о цели вашего визита. Вы будете приняты с безукоризненной вежливостью, если даже в этот дом вас привело простое любопытство. Служащий подробно объяснит вам цели и задачи учреждения. Агентство основано исключительно с благородными и гуманными целями: оно разыскивает участников минувшей войны, пропавших без вести или погибших при неизвестных обстоятельствах. «Да, да, — вздыхает служащий, — столько несчастных, которые не могут отыскать своих родственников. Наша задача: помочь разыскать пропавших во время войны». Вам могут даже показать огромную картотеку, где хранятся самые подробные данные о пропавших без вести и их родственниках. Могут показать и фотографии тех, кого удалось найти в результате многолетних и тщательных поисков.

Если вас заинтересует, на какие средства существует агентство, то и тут служащий даст вам исчерпывающие пояснения: значительные суммы поступают от частных пожертвований, другая часть — от благотворительных обществ и фондов, какую-то часть бюджета составляют гонорары от клиентуры. «Мы весьма ограничены в средствах, — признается служащий, — но ведь прибыль не входит в нашу задачу».

Если вы зашли в этот дом, привлеченные вывеской, и вам действительно нужно разыскать пропавшего во время войны родственника, то этот же служащий попросит вас заполнить обширный формуляр. Вам необходимо указать свою фамилию, национальность, возраст, род занятий, вероисповедание, адрес, а также адреса ближайших родст-

венников. Вас попросят принести фотографии пропавшего, письма (если таковые имеются), описать его особые приметы. Когда с формальностями будет покончено, вам предложат зайти через месяц. Служащий примет вас и через месяц, и через другой, и через третий, и с выражением соболезнования сообщит вам, что, к глубокому сожалению, ничем не в состоянии вас порадовать. Увы, самые тщательные розыски, предпринятые агентством, ни к чему не привели.

Только узкий круг лиц, имеющих непосредственное касательство к делу, знал, что в доме № 31 на Мюллерштрассе находится одно из отделений английской разведывательной службы. В трехэтажном особняке с плотно зашторенными окнами действительно велась кропотливая и скрытая от посторонних глаз работа, не имевшая, правда, ничего общего с благотворительными целями. Отсюда, из этого дома, координировалась работа всей густой, многочисленной сети английской разведки в Западном Берлине. Что касается таблички с наименованием благотворительного агентства, она давала не только удобное прикрытие, но и позволяла иметь картотеку клиентуры, из среды которой черпались кадры осведомителей, связников, агентов.

В начале июля у дома № 31 остановился цвета слоновой кости «Мерседес-2505». Из машины вышел худой долговязый человек с бледным лицом, с брюзгливо отвисшей нижней губой. Он беспокойно повел серыми глазками в морщинах в обе стороны улицы и, сопровождаемый двумя вылезшими из того же «мерседеса» рослыми молодыми людьми, направился к подъезду дома. Служащий поспешно открыл перед ним ворота.

В холле приезжего встретили трое чиновников «агентства». Последовал обмен рукопожатиями и улыбками. Не трудно было заметить, что хозяева относятся к приезжему с исключительным вниманием, граничащим с подобо-страстием, которое гость принимал равнодушно-устало.

— Надеюсь, путешествие было приятным, сэр? — спросил один из трех плотный, розовощекий здоровяк с седыми висками, державшийся несколько независимей других. Это был шеф местного центра мистер Кларк.

— Спасибо, спасибо, — ответил приезжий. — Давно тебя не видел. Как ты?

Топчась на месте, Кларк пробормотал что-то в ответ.

— Ну, что же ты, — высказал нетерпение приезжий. — Веди в свой кабинет. Не будем терять времени. Приступим к делу.

Кларк сразу засуетился.

— О, простите, мистер. Вот сюда, наверх.

Хотя встретившие шефа сотрудники и были упреждены шифровками о приезде Лейнгарта (а это был он), никто из них не называл гостя по имени. К нему обращались просто «мистер». Имя Лейнгарта, как и факт его пребывания в Западном Берлине, являлись величайшей служебной тайной. В особняке на Мюллерштрассе о его приезде знали всего лишь трое — руководитель центра, его заместитель и начальник русского отдела. Для остальных Лейнгарт был обычным визитером, естественно, под чужой фамилией. По паспорту он значился представителем английской торговой фирмы, имеющей деловые интересы в Старом Свете. На самом же деле Лейнгарт совершал инспекционную поездку: он хотел проверить на месте, как идет подготовка в многочисленных разведцентрах к операции «Феникс» — так была названа серия мероприятий, направленных на то, чтобы вырвать у Советского Союза секрет новой антиракеты. Выполняя указания директора, Лейнгарт намеревался лично координировать усилия подчиненных и выработать четкий план действий. Кроме того, он верил, что его присутствие на месте окажет мобилизующее влияние на сотрудников секретной службы.

Каждое звено в операции «Феникс», кроме общего названия, имело еще и порядковый номер. То, что планировалось в особняке на Мюллерштрассе, значилось под порядковым номером — один. И поэтому можно было догадаться, какое важное значение придавали западноберлинскому варианту операции руководители разведки.

Кларк провел Лейнгарта в свой кабинет — просторную комнату с камином и тяжелым лепным потолком. В нишах под окнами убаюкивающе жужжали кондиционеры. В кабинете было тихо и прохладно, как в погребе.

Когда-то Кларк и Лейнгарт служили вместе в военной разведке и находились в довольно дружеских отношениях. Но, уже судя по первой реплике гостя, Кларк понял, что сейчас, поднявшись почти на самую вершину служебной лестницы, Лейнгарт не склонен был придавать их прежним дружеским чувствам слишком большого значения.

«Так оно бывает всегда, — думал Кларк, — власть и успех меняют людей. Кто я в глазах Лейнгарта? Мелкий неудачливый клерк».

Кларк считал, что судьба обидела его несправедливо. Ведь и он мог бы взобраться на вершину служебной пирамиды. Что он, хуже этого долговязого спирохета! Должна же когда-нибудь ему улыбнуться судьба!

Они уселись в просторные кожаные кресла возле низенького столика. На столе появились коктейли.

— К сожалению, сэр, — сказал Кларк, — нам до сих пор не удалось добиться прогресса. Я имею в виду дело по подготовке агента по кличке Физик, о котором я вам докладывал в шифрограмме.

Лейнгарт поднял белесые брови. Дорога утомила его, и он находился в дурном настроении.

— Что значит не добились прогресса? Нельзя ли выражаться поконкретнее.

— Физик в последний момент отказался от сотрудничества.

— Мгм... Но разве нельзя найти ему равноценной замены?

— Равноценной? К сожалению, сэр, ничем подобным пока не располагаем.

Нижняя губа Лейнгарта недовольно оттопырилась. В душе у него закипало раздражение против этого толстяка. Завалить мероприятие, на которое он, Лейнгарт, так рассчитывал! Ему хотелось бросить в розовое, упитанное лицо Кларка какую-нибудь колкость. Но Лейнгарт сдержал себя. «В конце концов в нашем деле никто не застрахован от неудач, — подумал он. — Да и потом ценно уже то, что Кларк, не в пример другим, говорит о своей неудаче прямо».

— Послушайте, Кларк, — уже примирительно сказал Лейнгарт. — Вы, надеюсь, понимаете, что срыв операции должен быть исключен. Вы уверены, что испробовали все методы?

— Да, сэр. Мы предлагали ему суммы, каких не предлагали еще никому, и по завершении миссии паспорт любой страны — на выбор. Но на него это не произвело никакого впечатления.

— Надеюсь, он психически нормален?

— Да, вполне, сэр. Он просто оказался под сильным влиянием коммунистической доктрины. Таких даже в век

«холода» настолько много, что их трудно учесть. Только по нашим специальным картотечным учетам, я бы сказал меченых душ, более четырех миллионов значится. А что будет, когда наступит потепление в мире? Хочу напомнить вам, сэр, что Физик провел в России пять лет.

— Что же все-таки он говорит? — чуть громче обычного и слегка раздраженно сказал Лейнгарт.

— Он говорит, что не может наносить вред стране, которая дала ему образование и где у него много друзей. Это тем более странно, сэр, что всего год назад он ничего не имел против контактов с нами. Все три года наши люди внимательно присматривались к нему и вели с ним работу.

— Что же случилось за эти несколько месяцев?

— Насколько я понял, сэр, у него в России появилась девушка, на которой он собирается жениться. Видимо, он изменил свои взгляды под ее влиянием...

— Мгм... — криво усмехнулся Лейнгарт. — Пожалуй, придется признать, что директор прав, утверждая, что один электронный прибор стоит десяти Мата Хари... — Он налил себе содовой и задумчиво отпил несколько глотков. Кондиционер мурлыкал свою нескончаемую песню. Высокие часы в футляре из красного дерева с готическим циферблатом пробили десять ударов.

Вдруг лицо Лейнгарта оживилось. Он поставил стакан на стол и, поднявшись, зашагал по комнате.

Кларк украдкой наблюдал за шефом. Пройдясь несколько раз по кабинету, Лейнгарт остановился возле столика и, думая о чем-то своем, рассеянно спросил Кларка:

— А как зовут этого... вашего Физика?

— Кушниц... Ганс Кушниц, сэр.

— Кушниц... Кушниц... Ганс Кушниц, — бормотал Лейнгарт. — Хорошее имя. В нем есть что-то истинно славянское... Да, Кларк, если бы Кушница не было, его следовало бы выдумать. Кто это сказал, Кларк?

— Кажется, Вольтер... Но о боге... — Кларк с интересом смотрел на шефа.

— Совершенно верно, Кларк. Вы неплохо знаете классиков, но у вас не хватает фантазии. Так вот, Кларк, у меня, кажется, появилась неплохая мысль.

Лейнгарт поспешно сел в кресло. Глаза его молодо поблескивали.

— Дайте-ка мне, Кларк, досье этого Кушница.

Ганс Кушниц, о котором с такой заинтересованностью беседовали два высокопоставленных английских разведчика, сидел в двухкомнатном номере «Отеля № 9» — так сотрудники разведки называли одну из своих служебных квартир в Западном Берлине — и пытался разобраться в случившемся.

Пока ясно было одно: он попал в беду.

Всего лишь несколько дней как он вернулся из Москвы. В кармане его лежит новенький пахнущий краской диплом, свидетельствующий, что он, Ганс Кушниц, гражданин ГДР, закончил физический факультет МГУ по специальности «квантовая физика». Ясно, до мельчайших подробностей он помнил проводы в общежитии на Ленинских горах. В последний вечер перед отъездом в его комнату набилось человек двенадцать однокурсников. Пили, спорили, обещали не забывать друг друга и регулярно переписываться. Потом откуда-то появилась гитара. До самого рассвета они горланили песни. Ганс был взволнован до слез: в этот вечер он с особенной остротой почувствовал, как привязался к своим товарищам за пять лет учебы.

Но был еще человек, особенно тесно роднивший его с Ленинскими горами, с Москвой. У этого человека были серые глаза, коротко стриженные русые волосы и слегка выступающие скулы. Все в этом человеке казалось Гансу особенным — и смеющийся взгляд, и редко расставленные передние зубы, придававшие ее улыбке удивительное обаяние, и подкупающая прямота в спорах. Даже имя ее, Татьяна, Ганс был готов повторять без конца. Она великолепно бегала на коньках и знала уйму русских песен. Голос у нее был чистый и сильный.

Утром после вечеринки на Ленинских горах она провожала его на Белорусском вокзале. Они приехали минут за сорок до отправления поезда. Ганс уложил свой багаж под сиденье и вышел на платформу. Было солнечное субботнее утро. На вокзале бурлили толпы — москвичи торопились за город.

До самого отхода поезда они стояли у вагона, не отрывая друг от друга встревоженных взглядов. Потом, когда раздался гудок, она впервые поцеловала его — торопливо, горячо. От нежности к ней у Ганса перехватило

дыхание. Прыгнув на площадку вагона, он помахал рукой и крикнул:

— Я скоро приеду! Жди!

Глядя на ее удалявшуюся высокую фигурку, он думал, что не пройдет и двух месяцев, как снова будет в Москве и снова увидит Татьяну. И тогда у него не было оснований думать иначе. Незадолго до защиты диплома его пригласили в посольство ГДР в Москве и спросили, как он смотрит на то, чтобы остаться еще на несколько лет в Советском Союзе и поработать в СЭВе. Правда, он мечтал о научно-исследовательском институте. Но была Татьяна, и Ганс с радостью согласился. Потом его пригласили в СЭВ, попросили заполнить анкету, объяснили, что для начала он будет назначен на должность эксперта. Через несколько недель его снова пригласили в СЭВ и спросили, может ли он приступить к работе сразу же после отпуска. Ганс сказал, что готов приступить хоть сразу же после защиты диплома.

— Прекрасно! — воскликнул начальник отдела кадров. — Ждем вас пятнадцатого августа. А пока отдыхайте.

Все устраивалось как нельзя лучше. Никогда еще Ганс не чувствовал себя таким счастливым, веселым, беззаботным. Впереди была интересная работа, Татьяна, встречи с новыми людьми — впереди открывалось заманчивое будущее.

Ганс жил в Восточном Берлине вместе с дедом. Это был глухой старик, тощий как вобла, но еще довольно бодрый для своих семидесяти трех лет. Дед был участником минувшей войны, называл себя «истинным немецким солдатом» и по этой причине считал обязанным, несмотря на возраст, держаться молодцевато.

Родителей Ганс почти не знал: отец погиб в последние дни войны, мать умерла в пятидесятых годах. Семилетним мальчиком, он остался на попечение тетки по матери да деда. Тетку Гертруду Ганс считал второй матерью, да это и не удивительно: все сознательные мальчишеские годы он провел в ее доме. Тетка Гертруда была красивая дородная женщина, веселая и, как впоследствии понял Ганс, несколько ветреная. В ее доме часто появлялись такие же веселые и дородные мужчины. Когда уже Гансу было лет шестнадцать и он заканчивал школу, один из них — преуспевающий делец, оказавшийся по делам своей фирмы в ГДР, — увез тетку в Западный Бер-

лин. С тех пор Ганс остался вдвоем с дедом. Других близких у него не было.

Ганс оказался в Москве благодаря стечению обстоятельств, во многом случайных. Не последнюю роль тут сыграло то, что дед его воевал на Восточном фронте, три года провел в плену, в лагерях в районе Свердловска, где и научился довольно бегло говорить по-русски. О России дед вспоминал много и охотно. Ему там нравилось далеко не все, но он не разделял озлобления против этой страны некоторых бывших фронтовиков.

— Нет, — любил говорить он, — что там ни говори, Ганс, а русские поступили с нами великодушно. Уж я-то видел, сколько горя мы им причинили.

Именно дед пробудил в Гансе интерес к суровой стране на Востоке. От него он научился самым обиходным русским оборотам речи.

— Мой тебе совет, Ганс, — говорил дед, — учи этот язык. Будем мы с русскими врагами или друзьями — он тебе пригодится. Ты приобретешь капитал на всю жизнь.

Тетка Гертруда не раз говорила, что Ганс унаследовал характер отца — военного инженера: его трезвость суждений, его страсть к точным наукам (по физике и математике Ганс получал всегда отличные оценки), его основательность. Если Ганс брался за какое-нибудь дело, он стремился познать его до конца. Так произошло и с русским языком. Ганс не мог остановиться на полпути, ему хотелось овладеть русским языком в совершенстве.

После школы Ганс поступил на радиозавод. По вечерам четыре раза в неделю он посещал курсы русского языка при обществе дружбы ГДР — СССР. Через два года Ганс уже читал в подлиннике Чехова, Толстого, Горького. В Доме дружбы на Фридрихштрассе, 75, Ганс стал своим человеком: он помогал устраивать вечера, концерты, встречи. У него было много знакомых среди советской колонии в Берлине. Однажды за активную работу в обществе его премировали бесплатной туристической поездкой в СССР. Наконец он увидел страну, о которой столько читал и слышал.

— Ну, как, — допытывался дед, — небось там нас, немцев, до сих пор не любят, а?

— Нет, — ответил Ганс, — я этого не почувствовал.

— Гм, — усомнился дед, — может, из вежливости не

показывают. А впрочем, я же говорил тебе, что русские — народ великодушный.

Потом случилось то, о чем Ганс и не смел мечтать. Как-то в правлении общества ему предложили поехать учиться в Москву.

— Какую специальность вы хотели бы избрать?

— Физика.

— Тогда готовьтесь к вступительным экзаменам. Есть место на физическом факультете МГУ.

Окрыленный Ганс засел за учебники. Осенью он был в Москве и по несколько раз в день вынимал из кармана студенческий билет: неужели это случилось с ним наяву, что он, Ганс Кушниц, студент одного из самых крупнейших и прославленных университетов мира?

Теперь, сидя в комнате отеля, Ганс в который раз вспоминал эти подробности своей короткой биографии. В номере было тихо, казалось, в гостинице нет ни души. Но Ганс знал, что стоит ему выйти в холл, как откуда-то бесшумно появятся немногословные здоровяки с подбородками боксеров и препроводят обратно в номер. Ганс недоумевал, почему его содержат под арестом. Разве он недостаточно ясно дал понять, что не может иметь с ними никакого дела. Что еще они хотят от него?

— Послушайте, — пригрозил он толстяку, называвшему себя Кларком, — если вы меня не выпустите немедленно, я разобью окно и позову полицию.

В ответ Кларк весело рассмеялся, а потом уже серьезно посоветовал:

— Не делайте глупостей. Окна выходят на глухой двор, и вас все равно никто не услышит. И потом — неужели вы думаете, что мои люди позволят вам это сделать.

— Но меня наверняка разыскивает тетя. Она уже, наверное, позвонила в полицию.

— Не волнуйтесь. Это мы тоже предусмотрели. Ваша тетя знает, что вы с приятелем уехали отдыхать в Альпы.

Ганс чувствовал полное бессилие. После беседы Ганс в тупом состоянии валялся на постели.

Вдруг в номер бесшумно вошел детектив: он принес поднос с ужином, бутылку виски, лед, содовую и блок сигарет.

— Не нужно ли что-нибудь еще? — вежливо осведомился он.

Ганс ничего не ответил. В тот же вечер он напился до бесчувствия. Первый раз в жизни.

Утром Ганс долго не мог понять, где он и что с ним происходит. Морщась от головной боли, он осмотрел из-под полуприкрытых век номер. Наконец вспомнил все и застонал от отчаяния. Как же он так мог влипнуть? Где и когда он совершил первую ошибку, повлекшую за собой серию других и в конце концов приведшую его в этот номер?

Пожалуй, все началось три года назад, когда, вернувшись в Берлин на летние каникулы, он впервые поехал в Западную зону навестить тетку Гертруду. Дела у ее мужа шли, видимо, неплохо: тетка жила в большой квартире в лучшем районе города; она разъезжала в собственном «фольксвагене», он, отправляясь на службу, садился в «мерседес». Гансу были искренне рады. Детей у тетки Гертруды не было, всю скопившуюся материнскую нежность она тратила на племянника.

Но, пожалуй, главное началось не с тетки, а со знакомых ее мужа. Один из них — пожилой, лысый, с тонкими бледными губами, узнав, что Ганс только что вернулся из Москвы, воскликнул:

— О, это любопытно. Расскажите нам о России. Как там?

Лысого интересовало все: и как в России относятся к немцам, и каков уровень жизни в Москве, и что Ганс думает о советской молодежи. Ганс был польщен, что нашел столь благодарного слушателя.

— Ну и как вы оцениваете успехи русских в борьбе за мир? — допытывался новый знакомый.

— Пока еще я плохо знаю Россию, — отвечал Ганс. — Но в Москве я все-таки скучаю по дому.

— Правильно! — воскликнул лысый. — Истинный немец должен быть прежде всего патриотом. Кстати, был бы рад видеть вас у себя дома. Заходите завтра ко мне пообедать.

В доме лысого Ганс познакомился еще с одним человеком — веселым, общительным и еще довольно молодым. Ганса он называл не иначе, как наш «московский друг».

Новые знакомые спорили о будущем единой Германии, о национальных чувствах немцев, восхищались Штраусом и ругали Брандта. Гансу нравилось, что эти

люди, как тогда ему казалось, принимают беды Германии близко к сердцу, как свои личные.

— Ганс, что вы думаете о разделении Германии? — спросил его лысый.

Ганс ответил, что принимает это как свершившийся исторический факт, как расплату за ошибки прежних правителей Германии.

— Но когда-то это ненормальное положение должно кончиться, — возразил хозяин дома. — Согласитесь, что всякое наказание должно иметь свой предел.

— Вы правы, — согласился Ганс. — Возможно, в ближайшем будущем Германия снова станет единой.

— Но каким образом это произойдет?

Ганс пожал плечами. По этому вопросу у него не было определенного мнения.

— А я вам скажу, — вмешался в разговор весельчак, — что русские никогда не допустят воссоединения. Это должны сделать сами немцы — и никто другой.

— Да, да, — поддержал его лысый, — несмотря на разделяющие нас границы, мы здесь, в Федеративной республике, и вы там, в Восточной зоне, должны всегда помнить, что мы — единая нация, единая семья.

Ганс решил, что его новые знакомые приятные люди, и, когда они попросили его передать пакет их другу, работающему в посольстве ФРГ, посчитал, что отказать им в этой, в сущности, пустяковой просьбе неудобно.

Потом он стал навещать тетку Гертруду каждое лето, и каждое лето встречался с друзьями. Их по-прежнему интересовало все, что касалось его жизни в Москве, и Ганс не видел ничего предосудительного в том, чтобы удовлетворить их любознательность. Не видел он ничего плохого и в том, чтобы выполнить их мелкие просьбы, касавшиеся передачи в Москву посылок и писем.

Когда через неделю после возвращения из Москвы с дипломом Ганс поехал навестить тетку Гертруду, в ее доме он встретил своих старых друзей. Он с гордостью сообщил, что через месяц едет в Москву на постоянную работу в СЭВ.

Его горячо поздравляли. Весельчак поднял за Ганса тост и пожелал ему успехов.

— Да, Ганс, — сказал он, — надеюсь, ты веришь, что здесь сидят твои друзья, которые искренне гордятся тобой.

В конце вечера весельчак пригласил Ганса к себе в гости, сказав, что сам заедет за ним. И действительно, на завтра в точно назначенное время весельчак заехал за ним в черном «мерседесе». Через четверть часа «мерседес» остановился у «Отеля № 9». Ничего не подозревавшего Ганса провели на служебную квартиру разведки.

Тут он впервые встретился с Кларком.

* * *

— Так вот, Кларк, — начал Лейнгарт, закрывая папку с материалами на Ганса Кушница, — насколько я помню, вы собирались использовать его в качестве связника с вашим московским агентом, а также в качестве одного из технических руководителей операции.

— Совершенно верно, сэр.

— Насколько я вас понял, вас прельстили в этой кандидатуре два обстоятельства. Во-первых, как его... К-к-к...

— Кушниц, — подсказал Кларк.

— Да, да, Кушниц — человек со специальной научной подготовкой. Во-вторых, как гражданин социалистической державы, он, вероятно, будет избавлен от слежки со стороны службы безопасности русских.

— Да, сэр. Вы поняли мою мысль совершенно правильно. Есть и еще один довод: отец девушки, за которой ухаживает Ганс Кушниц, крупный ученый — физик. В его квартире можно почерпнуть кое-какую полезную для нас информацию. Но это еще не все. Есть у Кушница и еще одно преимущество. Человек, к которому он выйдет на связь, работает в посольстве ГДР в Москве. И поэтому Кушниц может встречаться, не навлекая подозрений русской контрразведки.

— Прекрасно! Теперь скажите, где находится Кушниц в настоящее время?

— На нашей конспиративной квартире.

— Очень хорошо! — воскликнул Лейнгарт. — Поскольку этот Кушниц не устраивает нас своим образом мыслей, мы должны создать другого, который будет устраивать нас во всех отношениях.

Кларк пристально посмотрел на Лейнгарта; лицо шефа побагровело от возбуждения.

И вдруг Кларк догадался.

— Сэр, — спросил он, — вы предлагаете двойника?

— Вы не лишены сообразительности, приятель.

Кларк задумался, вертя в руках бокал. Почему же эта мысль не пришла в голову ему. «Ох, Роберт, опять ты упустил счастливую возможность».

— Это интересно, сэр. Но слишком рискованно и трудновыполнимо. Двойника могут опознать родственники, друзья.

— Ну, что касается риска, — возразил Лейнгарт, — то это специфика нашей с вами профессии. И насчет трудностей — посмотрите еще раз досье. Вы говорите родственники... Но кто? Здешные? У нас есть способ повлиять на них. Если потребуется для дела — признают за Ганса, кого мы пожелаем. В Восточном Берлине — глухой дед, которому восьмой десяток. Берлинские друзья? Но они не видели Кушница целый год. А ведь время, как вам известно, меняет человека. — Лейнгарт на мгновение задумался. — Есть, правда, — медленно проговорил он, — одна реальная опасность: девушка Кушница. Но так ли необходимо нашему двойнику с ней встречаться?

— Не обязательно, сэр. Но она может встревожиться по поводу молчания Ганса. Чего доброго, станет разыскивать его, наводить справки.

— Вы правы, Кларк. Но и здесь есть выход. Допустим, она получит от своего жениха из Восточного Берлина письмо: так и так, я передумал и решил остаться на родине. Мне предлагают интересную работу...

— Такое письмо подготовить не трудно. У нас есть хорошие специалисты по подделке почерка. Ну а вдруг, сэр, девушка встретит нашего Ганса на улице Москвы?

— Это маловероятно, Кларк. Москва — большой город. Шансы равны нулю.

— И все же. Надо подготовить двойника и с этой стороны. Правда, в нашем распоряжении очень мало времени.

— Сколько же?

— Кушниц должен пробыть в гостях у тетки еще неделю.

— Неделю? Не так много, конечно, но вполне достаточно. Только не теряйте ни минуты времени. Немедленно снимите Кушница на цветную пленку, запишите его голос, словом, подготовьте все данные и разошлите в наши разведшколы. Возможно, у них найдется подходящая кан-

дидатура. Подключите к этому делу наших немецких коллег. Действуйте, Кларк, действуйте. У нас действительно мало времени.

Лейнгарт поднялся — высокий, суровый, решительный.

— Простите, сэр, еще один вопрос. А что нам делать, так сказать, с оригиналом?

Лейнгарт в задумчивости пожевал губами.

— У меня еще нет готового мнения на сей счет. Но я обещаю подумать о его судьбе. Да, и вот что еще, Кларк... Не хотели бы вы и сами поехать в Москву? Говорят, красивый город!

Вопрос застал Кларка врасплох.

— Я никогда не думал, сэр...

— Налейте-ка, Кларк, себе виски, а мне соку. Я хочу выпить за ваши успехи в России.

Кларк суетливо наполнил бокалы и подал один шефу.

— Да... — задумчиво проговорил Лейнгарт, — я вам завидую, Кларк, вам предстоит интересная работа. Мне бы ваши годы... Ваше здоровье, господин резидент.

Лейнгарт с удовольствием выпил сок со льдом.

* * *

Для Ганса начался какой-то кошмар. Его доселе тихий номер заполнили неизвестные люди. Они нацеливались на него кино- и фотокамерами. Они записывали его голос и снимали отпечатки пальцев. Ганса заставляли сесть, лечь, встать, пройти по комнате, улыбнуться, засмеяться, нахмуриться, потом раздеться и пройти по комнате обнаженным. То же самое продолжалось на улице: Ганса посадили в машину и повезли в какой-то глухой парк. И там непрерывно жужжали кинокамеры.

Ганс чувствовал себя униженным, подавленным, запуганным. Но люди с аппаратурой не обращали на его эмоции никакого внимания. Они были молчаливы и деловиты. Для них он был просто объектом. Ганс чувствовал себя редкостным зверем в клетке, перед которой собралась толпа зевак.

Ганс согласился на всю эту унижительную процедуру только потому, что Кларк дал слово отпустить его по окончании съемок на все четыре стороны.

Наконец люди с аппаратурой оставили его в покое, но в номере появился сам Кларк с помощником,

— Ну, Ганс, — весело начал он, — ваши мучения, можно сказать, окончились. Сегодня же вы будете свободны. Но что у вас за вид! Мы же с вами не на похоронах. Нет, нет, так не годится. Послушай-ка, Джек, — обратился он к одному из помощников, — распорядись, чтобы нам принесли обед. Надеюсь, Ганс, вы не откажетесь со мной пообедать?

Ганс метнул на своего мучителя мрачный, затравленный взгляд — и ничего не сказал.

Вскоре подали обед — большие куски бифштекса, зелень, апельсиновый сок. Джек открыл бутылку «Лонг Джона». Решив все вынести до конца, Ганс сел за стол и молча выпил поданные виски и апельсиновый сок.

— Не надо обижаться, Ганс, — говорил между тем Кларк, кладя себе на тарелку большой кусок говядины. — Мы не желаем вам зла. Сейчас мы побеседуем — и вы свободны. Тетя, наверное, вас заждалась.

Ганс тоже положил себе порцию бифштекса, хотя есть ему и не хотелось. Украдкой он наблюдал за своими тюремщиками, но ничего угрожающего на их лицах прочесть не мог. Обычные, даже добродушные лица, розовые жующие рты.

Скоро Ганс почувствовал необыкновенную легкость. Все его страхи улетучились. По телу разлилось удивительно приятное тепло, жесты стали стремительно-свободными. «Чего же я боялся, — думал он, — все оказалось не так уж и страшно. В конце концов Кларк не гангстер. У него такой респектабельный вид. Да и остальные — приятные ребята».

— Послушайте, Ганс, — вкрадчиво попросил Кларк, — расскажите мне немного о себе. Опишите вашу берлинскую квартиру, ваших друзей в Москве...

— О, пожалуйста, — согласился Ганс, — если вас это интересует.

— Да, да, конечно, — подтвердил Кларк.

— У нас с дедом три комнаты и большая кухня на втором этаже в новом доме на Фридрихштрассе... Самая большая комната — гостиная, там висит несколько репродукций с работ Дюрера, на полках — сувениры...

Мысли Ганса были необыкновенно ясны, фразы текли плавно, как бы сами собой, воображение работало с необыкновенной живостью. «Что со мной сделалось? — думал Ганс. — Откуда эта легкость, неужели виски? Нет,

не может быть. Но тогда что же?» Но задерживаться на этой мысли Гансу не хотелось, его неудержимо тянуло говорить. И он говорил без умолку, тем более что Кларк проявлял интерес даже к пустякам: где в квартире лежат его вещи, какой бритвой он бреется, что готовит себе на завтрак, где обедает, есть ли у него любимые блюда. Вопросы сыпались один за другим. И Ганс отвечал с необычной для него словоохотливостью.

Покончив с подробностями квартирной обстановки и привычками Ганса, перешли на разговор о Москве. Кларк попросил его рассказать о его русской знакомой.

— Она красива?

— Мне кажется, да.

— И вы собираетесь на ней жениться?

— Если она согласится, то обязательно, мы...

— Опишите, как она выглядит, как одевается, где работает, кто ее родители? Кстати, вы с ними знакомы?

Ганс вспомнил Танину квартиру в Черемушках, шумный зеленый двор, где много детей и летом с тополей падает пух. Таниного отца с широким добродушным лицом и крупными сильными кистями рук — он был известным ученым-физиком. Танину мать — полную женщину с удивительно добрыми черными глазами. Рассказывая об этом, Ганс не переставал удивляться, насколько живо он все себе представляет.

Потом Кларк перешел к другому вопросу: он спросил, кого Ганс знает в посольстве ГДР в Москве, попросил подробно описать этих людей, их характеры и привычки...

Кого он знал в посольстве? Близко — никого. Только, пожалуй, третьего секретаря — Штропа. Они учились в одной школе и неожиданно встретились в Москве. Потом он назвал еще несколько фамилий, описал их внешность.

Вопросы следовали один за другим. Сколько времени длилась беседа — час, два, а может, три, Ганс сказать не мог. Он только обратил внимание, что в комнате стало темней. Неожиданно Ганс почувствовал страшную усталость. Говорить ему стало невмоготу. Ему хотелось поваляться на постель и заснуть.

— Извините, — пробормотал он, — я хочу...

— Да, да, — спохватился Кларк, — вы устали. Вам надо отдохнуть. У вас был тяжелый день.

Кларк с помощниками поднялись и, пожав Гансу руку, оставили одного. Уже засыпая, он подумал, что за-

был спросить хозяев, когда же они его отпустят. Но подумал об этом равнодушно, как о чем-то постороннем.

Ганс проспал четырнадцать часов тяжелым глубоким сном. А в это время на Мюллерштрассе, 31, несколько машинисток переписывали с магнитофонных лент его показания. Кларк торопился: к прибытию двойника ему хотелось подготовить все документы, ведь перед отъездом в Восточный Берлин двойник должен выучить все эти показания наизусть, успеть вжиться в новую роль.

Назавтра допрос повторился. Опять последовал обед, опять в бокал Ганса всыпали небольшую дозу допинга, опять магнитофоны, установленные в соседней комнате и соединенные невидимой проводкой с микрофоном под столом, накручивали сотни метров беседы.

Так продолжалось несколько дней.

* * *

Чем больше Кларк занимался операцией «Феникс», тем больше он увлекался ею. Идея Лейнгарта, показавшаяся ему сначала невероятной, слишком смелой и необычной, приобретала очертания реального конкретного дела. Впрочем, так ли уж она была необычна? История шпионажа знает немало примеров, когда для получения информации использовался двойник. Но одно дело читать и слушать о подобных примерах, совсем другое — самому быть участником подобной операции.

Мысль о том, что перед ним открываются блестящие возможности сделать карьеру и наверстать упущенное, подстегивала Кларка. Его охватила творческая лихорадка, подобно той, которая овладевает писателем, приступающим к роману, или художником перед полотном, на котором прорисовываются первые контуры его замысла. Пожалуй, вот ради таких минут Кларк и любил свою профессию.

Самое главное, думал Кларк, не упустить ничего. Любая мелочь могла погубить или спасти все дело. Двойник должен был знать об оригинале все, или почти все, и поэтому три дня Кларк тщательно препарировал память Ганса Кушница, пытаясь проникнуть в ее самые глухие закоулки. Кларк особо настаивал, чтобы Ганс вспомнил всех своих знакомых как в Москве, так и в Берлине и описал подробно их внешность. Стоило упустить хотя бы

одного — и встреча двойника с этим упущенным знакомым могла иметь печальные последствия. Допустим, на улице Москвы к двойнику Ганса подойдет товарищ по университету, достаточно хорошо знающий подлинного Ганса, поздоровается или окликнет его. Поведение двойника сразу же покажется странным, если тот не узнает «своего знакомого». В худшем случае это обстоятельство может привести к провалу. «Вспомните других ваших знакомых, — без конца настаивал Кларк, — их приметы, род занятий, при каких обстоятельствах вы встретились в первый раз».

Допросы Ганса продолжались все время, пока готовился двойник.

На следующий день после беседы Кларка с Лейнгартом несколько сотрудников были направлены в разведывательные школы секретной службы, в школы разведки стран НАТО. Десятки лиц по обе стороны Атлантики подключались к операции «Феникс», конечная цель которой была известна только очень узкому кругу лиц.

Через два дня после начала операции Кларк почти одновременно получил две шифровки: одну — из Англии, другую — из Турции. Адресаты сообщали, что, как им кажется, они нашли среди курсантов школ подходящие кандидатуры. В тот же день специальными самолетами ВВС Англии двойники были доставлены на военно-воздушную базу близ Франкфурта-на-Майне, а оттуда по фальшивым паспортам с группой голландских туристов — в Западный Берлин.

Кларк ждал двойников с нетерпением. Он подолгу рассматривал сильно увеличенный снимок Физика-Кушница. С фотографии на него смотрел молодой человек не то испуганно, не то удивленно. Обычное лицо, которое в толпе не привлечет внимания: глубоко посаженные светлые глаза, прямой, немного коротковатый нос, светлые гладко зачесанные волосы. Только подбородок — широкий, красиво очерченный, с ямочкой посередине — придавал этому лицу некоторую индивидуальность.

Внешность Физика, как называли Ганса на Мюллерштрассе, 31, вполне устраивала Кларка. Именно тем, что в ней не было ничего бросающего, кричащего, неповторимого. Даже рост — 178 см — был самым обычным для мужчин. Все это облегчало работу по подбору двойника. «Да,

да, — твердил себе Кларк, — подыскать человека с такими данными — задача вполне реальная».

Был уже десятый час вечера. Кларк еще работал, когда ему позвонили и доложили по телефону о прибытии двойников. Через полчаса на столе у Кларка лежали две толстые папки — досье двойников. Заметно волнуясь, Кларк из приклеенного внутри конверта торопливо достал крупные цветные фотографии. Их было три — на одной курсант был снят в фас, на другой — в профиль, на третьей — в полный рост. Взглянув на снимки, Кларк почувствовал некоторое разочарование: да, сходство с Гансом, несомненно, улавливалось — тот же раздвоенный подбородок, так же глубоко посаженные светлые глаза, много общего и в овале лица. Кларк достал из стола фотографию Ганса и положил ее рядом со снимками курсанта, переводя взгляд с одной фотографии на другую. Да, сходство бесспорное. Но все же далеко не полное, которого так хотелось добиться Кларку. Разница улавливалась даже не столько в чертах лица, сколько во внутренней индивидуальности каждого. У Ганса в лице было больше открытости, ясности, человеческой теплоты. В лице Физика чувствовались замкнутость, холодноватость, какая-то внутренняя настороженность, недоверчивость к внешнему миру. Гораздо больше Физик походил на Кушница там, где он был снят в полный рост, на фоне какой-то кирпичной стены. Окончательный вывод Кларк решил сделать завтра, понаблюдав обоих молодых людей, так сказать, в натуре. А пока, отложив снимки, Кларк принялся изучать личное дело.

«Эрнст Краузен, гласило досье, 26 лет, холост, рост 179 см, вероисповедания протестантского, канадский подданный. Отец эстонец, мать русская, оба выходцы из России. Закончил технологический колледж в Торонто. Владеет эстонским, русским, английским языками. В школе обучается четвертый год, имеет хорошие оценки по радиodelу и шифровальному делу, тайнописи и карате».

Дальше следовало описание характера Краузена, его поведения в школе и обществе, его взглядов и убеждений. Как явствовало из короткой характеристики, Эрнст Краузен не пьет, не курит, отличается редкой физической силой и спокойным, уравновешенным, но несколько замкнутым характером, что мешает ему быстро сходиться с людьми.

Не дочитав характеристики, Кларк отложил первую папку и принялся за вторую. Здесь его тоже прежде всего заинтересовали фотографии. Едва Кларк взглянул на них, как у него вырвался вздох облегчения. Да, пожалуй, этот был значительно ближе к оригиналу: веселое, озорное, простецки-обаятельное лицо. Правда, Кларку показалось, что курсант несколько моложе Ганса. «Физику-Кушницу 27, сколько же этому?» — подумал он, поспешно перелистав досье.

Юзефу Полонски было 25. Как свидетельствовало его личное дело, он родился в Англии, в Дортсмуте, в семье польского офицера Армии Крайовой. Его отец, спасаясь от уголовного преследования, бежал в 1947 году в Англию, где женился на дочери русского эмигранта — Екатерине Сленцовой. Спустя два года после рождения Юзефа родители перебрались в Федеративную Республику Германии, где Полонски-старший проводил пропагандистскую работу среди польской эмигрантской организации. В 1955 году он погиб при загадочных обстоятельствах в автомобильной катастрофе. Когда Юзефу было семнадцать лет, умерла его мать. Он оказался в чужой стране, без всяких средств к существованию. Ему удалось устроиться официантом в один из мюнхенских ресторанов, где однажды вечером он познакомился с пожилым офицером — сотрудником разведки НАТО. Выслушав биографию юноши, он предложил ему более интересную работу. Юзеф был честолюбив. Профессия официанта давала достаточный заработок, но у многих из тех, кого он обслуживает, были свои виллы и яхты, а у Полонски — жалкая конура с убогой мебелью. «Нет, нет, — твердил он себе, — я обязательно должен выбиться в люди».

Теперь счастливый шанс представился.

Юзеф Полонски оказался в Англии. «Хозяева» устроили его в закрытый технологический колледж, по окончании которого он два года занимался на специальных курсах разведчиков.

«Юзеф Полонски, сообщало досье, владеет польским, немецким, английским и русским языками. Два года прослужил в отделе морской разведки натовского флота. Общителен, обладает большим личным обаянием, хорошей наблюдательностью и прекрасной памятью. Пользуется успехом у женщин».

Кларк откинулся на спинку кресла, набил трубку и

закурил. Ну что ж, с этим Полонски стоит познакомиться поближе. Из таких обычно получаются толковые агенты. Правда, в России придется ему нелегко, но для человека молодого, с честолюбием успешное участие в операции «Феникс» — прекрасный шанс сделать блестящую карьеру, а заодно и состояние. Да, этот парень родился в рубашке. Жаль, что Кларку выпал такой случай только теперь. Большую часть своей жизни он просидел под безопасными крышами различных посольств, в удобных, кондиционированных кабинетах. Рискованную азартную игру вели другие. На долю Кларка выпадало главным образом составление планов и писание отчетов.

Но, если быть откровенным, наконец-то и ему досталось настоящее дело. Только бы операция «Феникс» прошла успешно, и тогда Кларк может вернуться домой на коне. А сейчас главное — не ошибиться или чего не упустить. «Спокойно, Кларк, — сказал он себе, — только не горячиться. Нужно еще решить, кто из двоих больше подходит для замены Физика. Нужно проверить свое впечатление на других — оно может оказаться субъективным. Но это он сделает завтра».

Утром, войдя в свой кабинет, Кларк первым делом нажал кнопку внутренней связи и вызвал сотрудника «специального сектора». Через минуту в комнату вошел человек огромного роста, с крупной и совершенно лысой головой. Легкий костюм темно-серого цвета сидел на нем с исключительным изяществом. Человек остановился у стола шефа в торжественной позе посла, вручающего верительные грамоты. Рядом с ним приземистый Кларк в рубашке с распахнутым воротником казался мелким, незначительным провинциалом.

На Мюллерштрассе, 31, вошедшего звали Бароном. Он действительно был отпрыском остзейских баронов. Впрочем, Барон откликнулся, когда к нему обращались «мистер Розенберг». Розенберг был всегда так серьезен, настолько лишен элементарного чувства юмора, что сотрудникам доставляло огромное удовольствие позубоскалить над ним. Как бы примитивно они ни шутили, Барон все принимал за чистую монету. Но зато в других отношениях Розенберг не знал себе равных. Никто с таким мастерством не мог организовать обед или ужин в ресторане, произнести застольный спич, встретить и проводить гостей. Само присутствие этого человека придавало любому свет-

скому мероприятию солидность и даже аристократический лоск.

— Доброе утро, сэр Розенберг, — сказал Кларк. — Как отдыхали? Присаживайтесь.

— Благодарю вас, сэр. — Барон церемонно изогнул свой стройный, несмотря на возраст, корпус и опустился в кресло, расправив полы пиджака.

Кларку претила церемонность Барона и его замашки выпускника Кембриджа, но сейчас он думал о другом.

— У меня к вам поручение, сэр Розенберг.

— К вашим услугам, сэр. — Барон вежливо раскладывался.

— Китайский ресторан готов к приему гостей?

— Как всегда. Я как раз только вчера все проверил. Аппаратура в полной исправности, сэр.

— Прекрасно. Организуйте сегодня там ленч на четверых, включая вас. Скажем, так... к часу дня.

Барон вынул маленькую записную книжку и пометил в ней: «Ленч на 4 персоны. К часу дня».

— По какому разряду, сэр?

— Можно по первому.

Барон отметил в своей книжке и это обстоятельство.

— К часу дня к вам в ресторан доставят двух молодых людей, — продолжал Кларк, — но не сразу, а по очереди, с промежутком в десять — пятнадцать минут. Молодые люди не знакомы друг с другом, и надо сделать так, чтобы они не встретились. Посадите их в разные залы. Вы поняли?

Барон, правда, ничего не понял, но за много лет службы он привык ничему не удивляться и не задавать лишних вопросов. Поэтому он бодро ответил, что ему все ясно.

— Так слушайте дальше. Несколько позже в зале появится наш сотрудник и подсядет к одному из молодых людей. Если он подсядет к тому, с которым беседуете вы, посидите несколько минут и оставьте их одних. Займите другого молодого человека, попытайтесь с ним сблизиться. Держитесь с ним попроще — не корчите из себя барона.

Последняя фраза покорила Розенберга своей вульгарностью, но он промолчал.

— Сегодня же вечером, — продолжал Кларк, игнорируя молчаливую обиду Барона, — обо всем доложите мне.

— Слушаюсь, сэр.

— Вы свободны.

Едва за Розенбергом закрылась дверь, Кларк снова нажал кнопку селектора. В динамике раздался веселый женский голос.

— Бетси, зайдите ко мне, — распорядился Кларк.

В ожидании сотрудницы Кларк набил трубку и, выпустив к потолку, где тихо жужжал вентилятор, облако дыма, удовлетворенно потёр руки. Вчера вечером в голове его родился план, и чем больше Кларк его обдумывал, тем больше он ему нравился.

Вошла Бетси, высокая девица со скупающим лицом и танцующей походкой. Бетси вяло улыбнулась, что, видимо, должно было изображать, что она рада встрече.

Кларк приветствовал ее легким взмахом руки, вспомнив вчерашний вечер. Воспоминание было не из приятных: как мужчина Кларк вчера окончательно скомпрометировал себя в глазах Бетси. Еще сегодня утром он пытался реабилитировать себя, но безуспешно. Кларк похлопал ее по бедру.

Бетси ничего не имела против подобной фамильярности: за легкое отношение к нравственности она получала хорошие деньги и в глубине души не совсем понимала нерешительности шефа.

Она села в кресло без приглашения, закинув ногу за ногу.

— У вас ко мне дело, шеф?

— Конечно, Бетси. — Кларк не переставал улыбаться.

— Опять какой-нибудь клиент?

— Что-то в этом духе.

— Но, надеюсь, не такая лысая развалина, как в прошлый раз.

— Наоборот, приятный молодой человек.

— Гм... — усомнилась Бетси. — Посмотрим, но имейте в виду, шеф, если вы мне будете подсовывать стариков с вставными челюстями, я попрошу прибавку к зарплате.

Кларк расхохотался:

— Нет, нет, Бетси, отныне у вас будут мальчишки, которых не стыдно поместить на обложку «Плейбоя». Но поговорим о деле. Сейчас вы увидите, что на сей раз я позаботился о том, чтобы вы проводили время в приятном обществе.

Кларк нажал кнопку на панели маленького столика у кресла, и шторы на окнах медленно задвинулись. Кабинет погрузился в темноту. Потом он нажал другую кнопку, и на стене раздвинулись шторы тут же замерзавшего экрана — из маленького окошка над головой Кларка бил конусообразный молочно-белый пыльный столб света.

На экране появился Ганс Кушниц-Физик: он шел по дорожке парка, опустив светловолосую голову. Вдруг он остановился, поднял голову, камера приблизилась вплотную, и он рассмеялся вымученно и неестественно.

— Ну, как он вам нравится? — спросил Кларк.

Бетси согласилась, что внешность у молодого человека приятная.

Потом Ганс смеялся, прохаживался по комнате, беседовал с кем-то за кадром. Впрочем, лента была не озвучена, и что говорил Ганс, было не ясно.

— Вы хорошо запомнили его лицо? — спросил Кларк, когда экран потух и шторы на окнах раздвинулись. — Вам придется опознать его в толпе.

Бетси заверила, что ей это будет сделать нетрудно.

— Тогда слушайте меня внимательно, — продолжал Кларк, встав из-за стола и прохаживаясь по кабинету. — Сегодня в час двадцать вы должны быть в китайском ресторане. Молодой человек, которого вы только что видели, будет там.

— Я должна подсесть к его столику и завести беседу? Простите, я первый раз в этом ресторане, не можете ли вы мне с меню? — скороговоркой выпалила Бетси.

— Я не сомневаюсь, — улыбнулся Кларк, — тут вы окажетесь на высоте. Но ваша задача сложнее: в соседнем зале будет другой молодой человек, очень похожий на первого. Вы должны не ошибиться и сесть за столик человека, которого вы сейчас видели.

— И все?

— Почти. Вы можете поморочить ему голову, но, разумеется, не настолько, чтобы тому взбрело в голову на вас жениться. Это бесполезно: он пробудет в Берлине недолго, а когда вернется — неизвестно.

Закрыв глаза, Бетси вздохнула.

— Ах, шеф, вот так всегда. Если мне понравится человек, то ему обязательно нельзя на мне жениться. Нет, вы хотите, чтобы я состарилась в одиночестве.

Кларк засмеялся.

— Думаю, Бетси, что вам это не грозит. Да, кстати, там вы встретите Барона, но, разумеется, сделаете вид, что с ним не знакомы. Вечером я вас жду с докладом.

Бетси поднялась. Кларк вышел из-за стола и потрепал ее по щеке.

— Ну, девочка, без глупостей. Смотри не влюбись сама.

Бетси дернула плечами и под пристальным жадным взглядом Кларка, покачивая бедрами, направилась к дверям.

Китайский ресторан находился в американской зоне, на одной из крупнейших улиц — Бисмаркштрассе. По соседству с ним было много отелей, универсальных магазинов, контор, кинотеатров. На тротуарах Бисмаркштрассе можно было услышать речь почти на всех языках, в окрестных магазинах купить все, начиная от новейшей марки «мерседеса» или европейского «форда» до таблеток от изжоги.

Скромный «опель-рекорд» Кларка с трудом двигался в диком скопище машин и, теснимый со всех сторон, остановился у двухэтажного ярко освещенного здания в китайском стиле — с изогнутой крышей и такими же изогнутыми козырьками над узкими окнами. Кларк с трудом нашел место у тротуара, чтобы припарковать машину.

В прохладном низком холле с бамбуковыми занавесками, закрывающими дверные проемы, и цветными фонарями под потолком Кларка встретил китаец в темно-синем костюме, с лица которого, по-видимому, никогда не сходила тошнотворно-сладкая улыбка. Кларк попросил провести его к управляющему. Китаец, непрерывно кланяясь, засеменил впереди Кларка по полутемному коридору.

Толкнув дверь, Кларк оказался в маленькой комнатке.

— А, Кларк! — воскликнул седовласый человек и протянул ему руку. — Рад тебя видеть! — Они обменялись рукопожатием. — Ты, как всегда, по делу? — спросил управляющий, хорошо знавший гостя, поскольку сам был сотрудником того же отделения разведки. Они-то и устроили его на эту должность.

— Да, Брэнн, по делу. Срочно ключи от пультавой.

Брени открыл стоявший в углу сейф, достал ключи и вручил их Кларку.

— Пойдем, провожу.

По узкой лестнице в конце коридора они поднялись на второй этаж и оказались на узкой лестничной площадке с единственной дверью. Здесь управляющий оставил гостя одного. Кларк отпер дверь и вошел в довольно просторную комнату. Переднюю стену ее занимал телевизионный пульт, на щитке которого шеренгой расположилось несколько экранов, а под ними система разноцветных кнопок. Скрытые в стенках и потолочных нишах маленькие телекамеры и магнитофоны передавали в эту комнату звуки и изображение так, что, сидя перед пультом в одном из широких кресел, можно было слушать и видеть все, что происходит в зале. Если беседа за каким-нибудь столиком представляла интерес, то достаточно было нажать одну из кнопок — и скрытые в той же металлической коробке магнитофоны запишут эту беседу. Запишут с необыкновенной чистотой, поскольку соответствующая аппаратура отсеет все посторонние шумы. А поскольку посещение этого ресторана входило в программу всех туристических маршрутов по Западному Берлину, то Кларк и его сотрудники черпали отсюда немало полезной информации, что полностью окупало и установку сложных приборов и ту сумму, которая переводилась на счет владельца ресторана.

Кларк взглянул на часы. Было десять минут второго. Двойники должны быть в зале, а до появления Бетси оставалось еще десять минут. Он открыл дверцу низенького шкафа, достал оттуда бутылку «Куин Энн», сифон с содовой и металлическую коробку со льдом. Приготовив себе виски, он включил несколько кнопок на панели и опустился в кресло.

Все экраны молочно засветились. Камеры медленно ощупывали зал. Перед взором Кларка проплывала вереница сидящих за столами людей, жующих, смеющихся, скучающих, весело переговаривающихся друг с другом. Проплывали лица, молодые, старые, женские и мужские, красивые и безобразные.

Не отрывая от экранов взгляда, Кларк лениво потягивал виски. «До чего же смешон человек, — думал он, — когда он не знает, что за ним наблюдают. Взять хотя бы вон того толстяка — уставился на блондинку за соседним

столиком так, что даже отвисла нижняя губа. Эх, людишки, людишки», — вздохнул Кларк. Он почувствовал презрение к этой жрущей ораве.

Но вдруг камера вырвала лысину Барона и хорошо знакомое лицо с ямочкой на подбородке. Кто это был — Краузен или Полонски, — Кларк затруднился бы сказать наверняка. Молодой человек был одет в светло-коричневый костюм, гладко зачесанные напомаженные волосы блестели. Кларк впился в его лицо, пытаясь в жестах, улыбке отыскать индивидуальные характеристики, отличавшие этого курсанта от Физика. Кларк поставил стакан с недопитым виски и нажал две кнопки. Камера остановилась. Кларк убавил звук, показавшийся ему излишне громким.

Разговор шел пустяковый: вежливые расспросы Барона о дороге, о впечатлениях гостя о Западном Берлине. Кларк переключил звук на запись и снова нажал кнопку, приводящую телекамеру в движение.

Наконец в дверях появилась Бетси. Метрдотель тут же подошел к ней и предложил провести ее к свободному столу, она отказалась от его услуг, сказав, что ищет друзей. Метрдотель отошел с несколько огорченным видом, а Бетси пошла по залу своей вызывающей походкой; подбородок ее был гордо вздернут, казалось, что она смотрела прямо перед собой, и, только приглядевшись внимательно к экрану, где ее лицо показывалось крупным планом, Кларк заметил, что взгляд Бетси под длинными опущенными ресницами шарит по залу. Вот она прошла мимо столика Барона и курсанта, но и виду не подала, что узнала Барона, только ресницы ее слегка вздрогнули, когда взгляд ее наткнулся на курсанта. «Узнала, — удовлетворенно подумал Кларк, — значит, сходство все-таки большое».

Потом он увидел Бетси в другом зале. И почти сразу же — второго курсанта. Откинувшись на спинку низенького кресла и заложив ногу на ногу, он сидел у колонны со скучающим видом.

Кларк затаил дыхание. Бетси нерешительно остановилась, как бы раздумывая, где ей сесть. Курсант посматривал на нее с интересом. Но Бетси повернулась и пошла в другой зал: ей не хотелось ошибаться.

Шеф потянулся к панели и нажал кнопку: теперь на экране лицо второго курсанта показывалось крупным

планом. Кларк подумал, что перед ним Юзеф Полонски. Но он не был уверен в этом до конца. Почти в то же мгновение его догадку подтвердила Бетси. Она подошла к столу курсанта и, улыбаясь своей великолепной улыбкой, спросила:

— Вы разрешите?

— О, конечно, мадам, — ответил Полонски, поднимаясь, — с удовольствием.

Бетси поблагодарила курсанта взглядом и грациозно села, достав сигареты. Полонски щелкнул зажигалкой.

— Герберт Спарк, — представился он. (Под этой фамилией Полонски прибыл в Западный Берлин.)

— Меня зовут Бетси... Бетси Крамер, — представилась его собеседница.

— Вы, вероятно, из Англии? — поинтересовался Полонски.

— О, да! Я здесь с группой туристов, — охотно пояснила Бетси. — Знаете, я никогда не была в китайском ресторане. И вот решила посмотреть, что это такое. Кстати, вы не можете мне выбрать что-нибудь съедобное. Я совсем не разбираюсь в китайской кухне.

— Признаться, я тоже не большой специалист. Давайте выберем что-нибудь вместе и испытаем на мне, если я не отравлюсь, тогда рискнете вы...

Оба весело рассмеялись...

— Скажем так, по порции Мао-Тай, яйца в глине, телятина с грибами, — предложил Полонски.

Кларк включил запись и отправился на Мюллерштрассе, 31.

В тот же вечер Кларку позвонил Лейнгарт откуда-то из Франкфурта-на-Майне. Его, естественно, интересовало, как идет подготовка к операции «Феникс». Шеф западно-берлинского отделения ответил, что все идет по плану: замена найдена, с ней ведется работа.

— Завтра я буду у вас, — предупредил Лейнгарт. — Хочу поговорить с ним сам.

Работа с Юзефом Полонски действительно началась. Вечером Барон и Бетси докладывали ему о своих беседах с двойниками. Кларк слушал рассеянно. Перед этим он уже успел прослушать запись, и вряд ли сотрудники могли сообщить ему что-то новое. Кларка интересовало главным образом поведение Бетси. Почему она выбрала именно Полонски?

— Я долго колебалась, — рассказывала Бетси, — но потом решила: второй все же больше похож на того человека, которого я видела на экране. Но и в другом много сходства.

— И как вам показался второй?

— Он очень мил. Завтра мы договорились встретиться.

— Не возражаю. Но сегодня вы проболтали о пустяках. Надеюсь, что завтра вы принесете более ценную информацию.

Отпустив своих людей, Кларк еще раз прокрутил пленки с изображением Ганса Кушница-Физика и его двойников и еще больше укрепился в своем первоначальном решении. Да, Полонски подходил вполне для роли Кушница: сходство между ними было поразительным.

Кларк позвонил в отель и предупредил охрану, чтобы Полонски оставался на месте. Уже часов в девять вечера Кларк сел в свой «опель» и направился на служебную квартиру. Закрылись лавочки и магазины; кое-где уже вспыхнули огни реклам. После дневной суеты и зноя город умиротворенно отдыхал.

Но Кларк не обращал внимания ни на что, кроме огней светофоров на перекрестках. Мысли его были заняты предстоящим разговором с Полонски.

Через четверть часа он был в отеле. Полонски сидел в своем номере и смотрел телевизор, но, увидев вошедшего Кларка, выключил его и с интересом посмотрел на гостя.

Кларк назвал себя. Полонски отрекомендовался Гербертом Спарком.

— Здесь конспирация ни к чему, — улыбнулся шеф западноберлинского отделения. — Нас вполне устраивает ваша настоящая фамилия — Юзеф Полонски. Я только недавно просмотрел ваше личное дело. И у меня к вам серьезный разговор. Но, может быть, у нас найдется что-нибудь выпить?

Полонски развел руками:

— Но я здесь еще не обжился. Не знаю, может быть, и есть... — Он все время не спускал с гостя испытующего взгляда.

— Тогда откройте тот бар в углу. Там должно быть.

Действительно, в низеньком шкафу стояло с полдюжины бутылок и лед в кубиках. Полонски быстро приготовил виски. Парень Кларку понравился. На нем были хорошо подогнанные кремовые брюки, перехваченные в

узкой мальчишеской талии тонким ремешком, зеленая рубашка с короткими рукавами, обнажавшими сплетение развитых бицепсов. «Такой должен нравиться женщинам», — с завистью подумал Кларк.

Кларк завидовал всему: молодости, деньгам, служебному успеху.

Они молча выпили.

— Юзеф, — начал Кларк, — как вы себя чувствуете? Нет ли у вас жалоб на здоровье?

Полонски ответил, что чувствует себя превосходно.

— Вы догадываетесь, зачем мы вас вызвали?

— Понятия не имею. Мне просто сказали, что я должен лететь в Западный Берлин, и все.

Полонски отхлебнул виски. Кларк чувствовал, что молодой человек слегка волнуется и что ему не терпится узнать в чем дело. Но молчит, ожидая, что скажет его собеседник. «Хорошая выдержка», — отметил про себя Кларк.

— Вам предстоит трудная миссия, Юзеф. Не хочу скрывать, что она связана с риском. Вы готовы к этому?

— Меня готовили к риску много лет, — после короткой паузы ответил Полонски.

Ответ Кларку понравился.

— Вам предстоит выехать за «железный занавес».

Некоторое время Полонски молчал.

— Куда именно? — наконец спросил он.

— В Москву.

Полонски поставил бокал на столик.

В номере стало тихо. Кларк пристально наблюдал за лицом собеседника. Полонски, казалось, замер, потом, судорожно сглотнув, заинтересовался:

— И что я должен там делать?

— Вы, наверное, слышали об этом новом русском оружии? Последней антиракете. Наша задача — овладеть ее секретом. И вы будете одним из тех, кто поможет нам это сделать.

— Я не первый раз слышу о новом оружии русских. А потом оказывается, что его вовсе не было, — смущенно ответил Полонски.

Не дождавшись последних слов фразы, Кларк торопливо сказал:

— Мы были бы рады, если бы и на этот раз было так. Но и это мы должны доказать.

Полонски поспешно достал сигарету, щелкнул зажигалкой. Кларк заметил, что пальцы курсанта слегка дрожат.

— У нас в Москве есть свой человек, — продолжал Кларк, — хотя у него есть хорошие возможности и прочное положение, сам он всего лишь шофер — возит одного восточногерманского дипломата. Ему нужен технически подготовленный руководитель.

— Но разве в Москве нет такого человека?

— Разумеется, есть. Но их возможности ограничены. Вы знаете, как русские подозрительны в отношении западных дипломатов и журналистов. С них не спускают глаз. Для вас же мы подыскиали удобную крышу — Совет Экономической Взаимопомощи, «Комэнком», как называют эту организацию в нашей прессе. Вы поедете туда техническим экспертом.

— Но каким образом? — удивился Полонски.

— О, дело довольно просто и в то же время весьма сложно. Здесь находится человек из Восточного Берлина, который через три недели должен выехать в Москву, в СЭВ. Мы следили за ним давно и рассчитывали, что он согласится стать нашим сотрудником. Но он попал под влияние коммунистической идеологии и отказался от нашего предложения. Тогда мы решили найти ему замену и остановились на вас. Дело в том, что вы, как две капли воды, похожи на него. Завтра вы его увидите.

— Но родственники могут догадаться о подделке?

Кларк усмехнулся.

— Не волнуйтесь. Мы предусмотрели все. Из родственников у него только дряхлый дед. В последние годы он довольно редко видел внука и вряд ли заметит разницу. В Москве мы знаем всех его знакомых, даже его подружку. Нам удалось выжать из него все подробности. Вам остается только хорошо их усвоить, и вы будете гарантированы от случайностей.

— Но меня могут опознать в посольстве Восточной Германии или в этом... СЭВе...

— Это исключено. В посольстве он бывал не так часто, а в СЭВе всего два раза.

Полонски задумался.

— Вы можете отказаться, если хотите, — продолжал Кларк, — но подумайте вот о чем. Вам выпало задание,

о котором другие агенты мечтают всю жизнь. В случае успеха вы сделаете блестящую карьеру. Вы станете богатым человеком...

— Богатым? — переспросил Полонски. — И сколько же я буду получать?

— Десять тысяч долларов ежемесячно и сто тысяч по окончании операции.

— Деньги! — воскликнул он. — Что не сделаешь за деньги! Сколько я помню, я всегда нуждался в них.

— Вы будете иметь их. Но это еще не все. Вы войдете в историю разведки и со временем станете национальным героем. На карту, Юзеф, поставлено слишком много, и риск оправдан.

Юзеф молча курил, изредка отхлебывая виски.

— Подумайте, у нас есть время до утра. В случае вашего согласия завтра же начнем готовиться. В понедельник мы должны выехать в Восточный Берлин.

— Так скоро? — Кажется, в первый раз Полонски открыто высказал удивление. — Я согласен. У меня нет иного выхода. Собственная голова — единственный товар, на котором я могу заработать.

— Каждый зарабатывает как может, — изрек Кларк, — но времени, к сожалению, у нас действительно мало... Итак, до завтра. — Кларк поднялся. — И вот еще что, — добавил он, пожимая Юзефу руку: — Не стесняйтесь себя в расходах. Можете через наших сотрудников заказать все, что вам потребуется. Ну, там виски, хороший ужин... девочек. Вам не мешает сейчас хорошо встряхнуться...

Наутро началась подготовка Полонски. Приехавший Лейнгарт целый час беседовал с Юзефом и признал, что сходство между оригиналом и двойником поразительное. Лейнгарт подчеркнул военно-стратегическое и политическое значение миссии Полонски и обещал со своей стороны ему всевозможную помощь.

— Вклад, который вы вложите в дело защиты свободного мира, — сказал Лейнгарт, — будет поистине неоценимым.

Полонски не знал, кто именно беседует с ним: ему лишь сказали, что это большой человек из НАТО.

— Вы должны научиться черпать информацию повсюду, — продолжал Лейнгарт, — в разговорах на работе и в метро, в газетах, журналах и книгах. Часто ценная информация поступает оттуда, откуда ее не ждешь. Исто-

рия знает примеры, когда разведывательные сведения черпались, например, даже из такой невинной книги, как библия. Да, да, из библии... Вам не рассказывали в школе об этом классическом случае...

— Нет, — признался Полонски.

— Тогда вам будет полезно послушать следующее.

«В феврале 1918 года, — начал заместитель директора, — генерал Алейби отдал приказ шестидесятой английской дивизии атаковать Иерихон и оттеснить турок за Иордан. Готовясь к нанесению главного удара, англичане должны были захватить деревушку Мичмаш, расположенную на скалистом холме в направлении наступления. Для штурма холма была выделена целая бригада. Мичмаш требовалось взять фронтальной атакой и выбить из этой деревушки укрепившиеся там довольно значительные турецкие силы.

Когда на предварительном совещании было упомянуто название деревни Мичмаш, начальнику штаба бригады Вивьену Джилберту показалось, что он где-то слышал это название. Затем он вспомнил, что встречал его в библии. Он ушел в палатку и при свете свечного огарка начал просматривать библию, ища упоминание о Мичмаше. Он нашел это упоминание. Там говорилось:

«И Саул и Ионфан, сын его, и люди, которые были с ними, пребывали в Гибес Вениамина, но филистимляне стали лагерем в Мичмаше...

И случилось так: Ионфан, сын Саула, сказал юноше, который носил его оружие: «Пойдем к войску филистимлян, которое на той стороне». Но он не сказал своему отцу... и люди не знали, что Ионфан ушел.

И над черным проходом, по которому Ионфан хотел пройти в лагерь филистимлян, была острая скала на одной стороне и острая скала на другой стороне, и имя одной было Бознас, а имя другой Сенех.

И одна выходила к северу от Мичмаша, а другая к югу над Гибеей.

Ионфан сказал юноше, который носил его оружие: «Пойдем в лагерь... может быть, господь поможет нам, потому что господь может творить свою волю и через многих и через немногих».

В этом отрывке, — продолжал Лейнгарт, — заключалась важная военная информация о подходах к Мичмашу. Начальник штаба прочел дальше о том, как Ионфан

поднимался по склону, пока вместе с оруженосцем не вышли на высоту. Спавшие филистимляне проснулись. Они решили, что их окружила армия Саула, и бежали в беспорядке. Тогда на них напал Саул вместе со всей своей армией. Согласно библии это была его первая победа над филистимлянами.

Начальник штаба разбудил командира бригады и показал ему библию. «Этот горный проход, — сказал он, — эти скалы и высота, возможно, все еще существуют». Командир согласился. Посланные разведчики сообщили, что проход находится точно там, где сказано в библии, и что высота над Мичмашем ясно видна в лунном свете. «Мало что изменилось в Палестине, — сказал командир бригады, — за все эти века».

План штурма был немедленно изменен. Вместо всей бригады командир послал против спящих турок одну роту. Несколько часовых, которые встретились роте, были бесшумно сняты, и библейская высота была достигнута без всяких происшествий. Перед зарей турки проснулись, как когда-то проснулись филистимляне, и, думая, что их окружили, «рассеялись»...

Учитесь черпать информацию повсюду, — заключил свой рассказ Лейнгарт, — и вы обратите в бегство филистимлян...

Трое специалистов по России почти неотлучно находились при Полонски. Его экзаменовали на знание русского языка, русских обычаев. Перед ним расстелили карту Москвы без всяких обозначений и попросили указать наиболее известные площади, улицы, театры, музеи, исторические памятники, а также наиболее рациональный способ добраться до них городским транспортом. Особый текст был посвящен правилам уличного движения в Москве.

Убедившись, что Полонски подготовлен в школе по этим вопросам хорошо, перешли к изучению подробнейшей биографии Ганса Кушница.

Полонски доказал, что память у него превосходная. Через два дня он уже бегло пересказывал основные жизненные этапы своего оригинала, называл имена родителей, родственников, друзей, описывая их внешность и привычки. Десятки раз перед ним прокручивали пленки с изображением Кушница, и Полонски копировал его манеру ходить и улыбаться. Впрочем, никто из работавших с ним

ятовских разведчиков не называли его Юзеф Полонски. Теперь он звался Ганс Кушниц.

Несколько раз ему показывали и самого Ганса. Правда, двойник видел его из соседней комнаты, через стекло в стене. Один из сотрудников беседовал с Кушницем, а Полонски наблюдал. Кушниц выглядел растерянным и подавленным. Систематический допинг окончательно вывел его из душевного равновесия. Воля его была парализована. Он был покорен и тих.

Кларк не отходил от своего агента ни на шаг. Он подробно объяснял ему, как вести себя в России, как держаться в общественных местах, в учреждениях и на протокольных мероприятиях.

В заключение договорились о способах связи. Инструкции Полонски будет получать через передачи «Свободной Европы». Несколько закодированных фраз в передаче последних известий. Один раз в две недели по пятницам в 18 часов 05 минут по московскому времени. Для отправки сообщений в Западный Берлин на Новодевичьем кладбище существовал тайник — богатое надгробие на могиле купца. Кларк ознакомил Полонски с фотографией этого надгробия и на специальном плане кладбища указал его расположение... Из тайника информация будет передана в Западный Берлин...

В воскресенье Полонски уже был готов, и ему были переданы документы Ганса, ключи от его квартиры, костюм и другие личные вещи, взятые с квартиры тетки Гертруды. Один из сотрудников, делая последнее сличение между оригиналом и копией, обнаружил у Ганса маленькую родинку на виске, которую как-то впопыхах не заметили при первых осмотрах. Пришлось срочно разыскивать хирурга по пластическим операциям и к часам двенадцати ночи у Полонски на виске сделали искусственную родинку.

В понедельник рано утром Полонски, теперь Ганс Кушниц, выехал в Восточный Берлин.

— Ну что же все-таки нам делать с оригиналом? — спросил Кларк Лейнгарт при очередной встрече. — Насколько мне помнится, сэр, вы обещали подумать о его судьбе.

— Ах, да, да, — согласился Лейнгарт, — припоминаю. По-моему, дорогой Кларк, этот человек невменяем.

Кларк с удивлением посмотрел на шефа: уж не шутит ли. Но серое лицо Лейнгарта было серьезно.

— Ну, посудите сами, Кларк. Мы предлагали ему деньги, огромные деньги, паспорт любой страны по окончании операции, мы хотели обеспечить его будущее — и он все отверг. Согласитесь, что нормальный человек так поступить не может.

— Пожалуй, сэр, — осторожно согласился Кларк.

— А как он ведет себя сейчас?

— Он очень подавлен, сэр.

— Вот видите, — восторженно Лейнгарт, — это только подтверждает мои догадки. Я бы на вашем месте, Кларк, обратился к помощи психиатров. Этого человека надо лечить. Мы должны, Кларк, поступить с ним гуманно, хотя он и не оправдал наших надежд.

— Но, сэр... — начал было Кларк.

— Разве, Кларк, — перебил Лейнгарт, — трудно найти специалистов, которые поймут наше затруднение.

— Думаю, что нет, сэр.

— Вот и прекрасно. И, пожалуйста, не скупитесь на гонорар.

— Слушаюсь, сэр.

Так была решена участь настоящего Ганса Кушница. Через несколько дней его перевезли во Франкфурт-на-Майне и поместили в частную клинику. Врачи согласились с заочным диагнозом Лейнгарта. У Кушница признали тяжелое расстройство психики.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КТО ОН?

— И все-таки, как это могло случиться? — в который раз спрашивал начальник специальной группы контрразведки Анатолий Васильевич Петраков. — Каким же образом англичанам удалось получить сведения о работе над новой антиракетой?

Анатолий Васильевич медленно прохаживался по кабинету, вертя в руках шариковый карандаш. Полковнику Петракову было за сорок, из коих семнадцать он проработал в органах контрразведки. Плотное сжатое лицо и

сросшиеся на переносе брови придавали его облику суровость и даже некоторую неприступность. Многие в управлении считали Петракова человеком суховатым, с трудным характером. В его присутствии как-то не располагало потрепаться, скажем, о последнем хоккейном матче или поделиться свеженьким анекдотом.

Кроме работы Петраков питал слабость еще только к своей пятилетней дочке. Все свободное время полковник отдавал этому белокурому существу с бантиками в косичках. С ней он ходил на хоккей, с ней проводил отпуск, с ней появлялся иногда в клубе — во время праздничных утренников. Казалось, все его душевное тепло ушло на эту худенькую, светлоголовую девочку.

— Попробуем, Анатолий Васильевич, проанализировать все сначала, — предложил стоявший у окна сотрудник отдела Сергей Николаевич Рублев, высокий молодой человек лет двадцати семи. Скрестив на груди руки, он покусывал нижнюю губу, что бывало с Рублевым, когда мысль его напряженно работала. — На минуту допустим, что эти сведения попали к англичанам даже не от их агентуры, а от наших друзей. Попали случайно. Знаете, как это бывает? Иногда нашим доброжелателям хочется подчеркнуть мощь Советского Союза, и они приписывают ему то, чем он иногда и не располагает. Так порой рождаются слухи.

— Нет, Сергей Николаевич, — продолжал Петраков, — этот вариант исключен. Почтайте-ка внимательно статью в «Дейли миррор». Там прямо сказано: состоялось очередное совещание. Значит, у разведки противника есть все основания считать сообщение о новом топливе для антиракеты абсолютно достоверным. Иначе они не подняли бы тревогу. Хотя, как известно, зачастую они поднимают шумиху с тем, чтобы оказать давление на парламент и добиться дополнительных военных ассигнований. А иногда просто, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение и еще больше нагнетать обстановку.

— Но если они действительно располагают какими-либо сведениями в этой области, то получить их они могли только агентурным путем, — высказал предположение Рублев.

Они помолчали. На столе Петракова шмелем гудел вентилятор. Косые лучи солнца били в широкие распахнутые окна и рассыпались на полу квадратами.

— Скажите, — нарушил молчание Петраков, — у вас есть соображения, кто мог оказаться первичным источником информации из числа лиц, имеющих касательство к этой проблеме?

— Пока еще нет. Мне нужно время, чтобы разобраться в этом вопросе.

— Гм... — Петраков на минуту задумался. — И все же мне кажется, что щель, через которую просочилась информация, нужно искать в институте. В том, который занимается проблемой прогрессивных видов топлива. Стало быть, так...

— Над жидкостью «зет» работает фирма Смелякова... Я не раз слышал эту фамилию, но познакомиться с ним мне не довелось. Говорят, блестящий интеллект, великолепный организатор, фанатик от науки. Вам не приходилось с ним встречаться?

— К сожалению, нет, Анатолий Васильевич. Но слышал, что это любопытный человек. Говорят, беспощаден к себе и подчиненным. В чем-то экстравагантен. Как-то мне рассказывали, что однажды на организованный прием в институте явился в спортивном костюме, чем немало шокировал старичков...

— Кстати, а сколько ему лет?

— Точно не знаю. Но что-то около пятидесяти. Для своей должности Смеляков еще довольно молод. В тридцать лет он уже стал доктором наук. Говорят, необычайно работоспособен. Честолюбив, не выносит дутых авторитетов и поэтому имеет немало врагов. Но и поклонников. Его хорошо знают и в научных кругах Запада. Мне рассказывали, что в Англии Королевское научное общество даже провело опрос: «Что вы думаете о докторе Смелякове?»

— Чем объясняется эта популярность?

— Видите ли, Анатолий Васильевич, Смеляков ярый приверженец теории энергетической инверсии. Вы, вероятно, знаете, какие горячие споры идут вокруг этой гипотезы?

— Да, я что-то читал. Второй закон термодинамики... Энергия не исчезает, она рассеяна в атмосфере и ее можно концентрировать... Что-то в этом духе?

— Да. Проблема проблем. Спор вокруг этой теории ведется уже семьсот лет. Смеляков математически обосновал эту гипотезу. Естественно, это вызвало интерес

к его личности во всем научном мире. Он заявил даже, что в ближайшее время построит прибор, что-то вроде электрической лампочки, которая будет гореть, черная рассеянную энергию из атмосферы. Вы понимаете, конечно, что подобное открытие имело бы более важное значение, чем, скажем, расщепление ядра атома. Оно дало бы человечеству практически неиссякаемый источник энергии. Многие сочли это заявление Смелякова за шарлатанство. Но многие отнеслись к нему всерьез.

— Да, это интересно, — задумчиво проговорил Петраков. И после паузы спросил: — Сергей Николаевич, а не могла ли просочиться информация из самой фирмы Смелякова?

Рублев ответил не сразу.

— Видите ли, Анатолий Васильевич, насколько мне известно, в институте Смелякова строго соблюдаются все меры по предотвращению утечки секретных данных...

— Да, да, — нетерпеливо перебил Петраков, — это я знаю. Но все же... Разумеется, мы не можем, просто не имеем права подозревать в небрежности руководство института. Но все же... Практика показывает, что сведения просачиваются там, где они хранятся. Я вовсе не подозреваю кого-то в злом умысле. Возможно, кто-то проболтался хвастовства ради. Ведь пока о ведущихся работах знает узкий круг людей, работающих в институте. Познакомьтесь поближе с теми, кто посвящен в курс дела. Но, разумеется, поделикатнее. Мы не имеем права оскорблять кого-то недоверием. Кстати, что вы знаете о личной жизни Смелякова?

— Очень немного. Боюсь, что его личная жизнь — это работа. Смеляков бывший офицер технических войск Советской Армии. У нас многие офицеры из военной оборонной промышленности перешли на штатские должности. Он очень строгий, сосредоточенный и внутренне организованный.

— Да, у людей такого рода оно так и бывает. Но каков его, так сказать, матримониальный статус? Он женат? Есть дети? Кто родственники?

— Насколько я знаю, у него жена и дочь.

— Кто жена?

— Врач. Работает в педиатрическом отделении.

Дочь — журналистка. Окончила Иняз.

— Замужем?

— Да.

— Хорошо. Завтра к концу дня жду от вас плана действий. Хорошенько продумайте все. Жду вас в пятнадцать ноль-ноль.

Рублев встал, намереваясь уйти, но Петраков остановил его жестом.

— Да... Сергей Николаевич, чуть не забыл. С этим англичанином... как-то неудобно получилось.

Рублев вопросительно посмотрел на своего шефа.

— А в чем дело, Анатолий Васильевич?

— Ну, все-таки... Зачем вам нужно было выезжать самому?

— Хотелось убедиться...

— Разве у вас нет людей... Вы меня простите, Сергей Николаевич, но я давно заметил, что вы все пытаетесь делать сами.

— Да, но... — начал было Рублев.

— Нет, вы послушайте. Вы — руководитель группы. Ваше дело организовать работу. А вы все сами. Предоставьте такие дела вашим подчиненным.

— Хорошо, я учту... — Рублев вспыхнул, а Петраков, заметив это, продолжал:

— Ничего, ничего, не расстраивайтесь. Привыкните. И не обижайтесь...

— Да что вы, Анатолий Васильевич!

— Я понимаю, такие вещи неприятно выслушивать. Но что поделаешь, — Петраков улыбнулся и протянул руку. — Со временем научитесь. Пока... желаю удачи.

* * *

Эпизод, о котором упомянул Петраков, произошел два дня назад. В конце дня Рублеву позвонил оперативный сотрудник его группы Георгий Максимов, которого в дружеском кругу они звали просто Гошей, и сообщил, что опять на горизонте появился Рыжий.

— Что-то понадобилось ему на Новодевичьем кладбище, — докладывал Максимов.

— Но, может, просто памятниками пришел полюбоваться?

— Нет. Он приехал не на служебной машине, а на такси...

— Ну, это еще не довод...

— Да, конечно, — согласился Максимов, — но зачем тогда ему скрываться? Он петлял, крутил, явно пытался оторваться от «хвоста».

— Он что-нибудь заметил?

— Не думаю... Что-то ему здесь нужно. Скорее всего, с кем-то у него встреча.

Да, странно вел себя в последнее время Джозеф Маккензи, которого в группе Рублева называли Рыжий: то зачем-то в двенадцатом часу ночи поехал за город, то видели, как он околачивался около одного научно-исследовательского института, то тайком спешил на какую-то явно секретную встречу. И вот теперь появился на Новодевечьем кладбище. И опять тайком.

— Не выпускай его из поля зрения, — приказал оп Максиму. — Я подъеду сейчас сам...

Рублеву казалось тогда, что если он сам проследит за Рыжим, то ему удастся расшифровать загадочное поведение англичанина. Через десять минут машина Рублева уже была у ворот Новодевечьего кладбища. Было начало шестого, но на улицах жара еще не спала, а здесь, в тени деревьев, уже затаилась вечерняя прохлада. По аллеям кладбища бродили толпы народа. Рублев прошел сквозь шпиренгу гранитных памятников военачальникам и свернул на дорожку, ведущую в старую часть кладбища. Максимов сидел на скамейке и читал газету. Сергей Николаевич присел с ним рядом.

— Ну, что?

— Ушел. — Максимов сложил газету и закурил. Его светлые глаза сощурились от дыма.

— Что он здесь делал?

— Любовался старинными надгробиями. Особенно вон тем. — Максимов указал подбородком в сторону склепа из темно-зеленого мрамора.

— С кем-нибудь он встречался?

— Нет. Просто не пойму, почему он хотел, чтобы его визит на кладбище остался незамеченным.

Сергей Николаевич подошел к памятнику, на который указал ему Максимов. Это был куполообразный склеп. В сводчатой нише коленопреклоненный ангел из белого мрамора, воздев незрячие глаза к небесам и сложив на груди тонкие персты, молился беззвучно. Золотая славянская вязь на цоколе:

«Под сим камнем покоится прах купца первой гильдии Федора Васильевича Маклакова, 1886—1916 гг.».

И чуть пониже:

«Господь, ты душу раба своего успокой

И дай в небесах ему вечный покой...».

Рублев молча обошел надгробие.

— Так что же здесь понадобилось Рыжему?

— По-моему, у него было назначено randevu. Но оно не состоялось.

— Ты так думаешь? — переспросил Рублев, рассеянно оглядывая рослую фигуру Максимова.

— Да. Возможно, что я плохо сработал и Рыжий или его партнер догадались о слежке.

— Может быть, и так, — согласился Рублев. — Не думаю, что Рыжий будет тратить время и любоваться памятниками и надгробиями. Что-то ему здесь было нужно. Но вот — что?

Оба контрразведчика помолчали.

— Он должен прийти сюда еще раз, — сказал Максимов.

— Если догадался, что за ним наблюдали, то вряд ли...

— И все-таки придет. Мне показалось, что Рыжий бывал здесь не один раз. Он шел сюда уверенно, как человек, хорошо знающий дорогу.

— Мгм... Это интересно. В таком случае, старина, нужно выставить здесь нашего человека. Побеспокойся, пожалуйста, об этом.

Конечно, отправляясь на кладбище, Сергей Николаевич действовал из лучших побуждений. Руководителем специальной группы он был назначен совсем недавно и никак еще не мог привыкнуть к этой роли. Он старался все делать сам: будь то составление планов или выезд на оперативное задание.

«И действительно, — размышлял Рублев, — зачем я поспешил на кладбище сам? Ведь можно было послать в помощь Максиму кого-нибудь из группы». Хотя Петраков сделал ему замечание в мягкой форме, он чувствовал, что шеф недоволен его действиями. В глубине души Сергей Николаевич восхищался Петраковым, его покоряла присущая этому человеку властная мужественность. Поэтому услышать от шефа даже пустяковое замечание было для Рублева мучительно неловко. «Нет, — думал он, — не выйдет из меня руководитель. Для этого мне не хватает

данных. Вот шеф — это руководитель. От природы». И Рублев вспомнил неторопливые манеры Петракова, трезвость и точность его оценок, твердость и в то же время мягкую предупредительность в отношениях с людьми.

Рублев еще долго чувствовал в душе неприятный осадок.

* * *

В конце рабочего дня Сергей Николаевич нашел у себя на столе пригласительный билет. Машинописный текст гласил:

«Настоящим ставлю Вас в известность, что 17 июня в 19.00 в доме Г. П. Максимова имеет быть скромное торжество по случаю рождения сына, продолжателя славного рода Максимовых. При себе иметь жен (мужей), пенужное зачеркнуть.

Явка строго обязательна. Опоздавшие подвергаются штрафу.

Супруги Максимовы».

В верхнем углу был изображен орущий младенец.

Рублев невольно улыбнулся. Правда, он собрался еще поработать. Но и отказаться от приглашения нельзя — Максимов обидится. Рублев решил, что заедет попозже поздравить супругов, но тут вспомнил о подарке. «Детский мир» открыт до девяти. Значит, до этого времени нужно успеть что-то купить. Настроение у Рублева было вовсе не праздничное, и общаться с людьми, среди которых будут и вовсе незнакомые, ему не хотелось.

Он снял трубку и набрал телефон Максимова.

— Старина, спасибо за приглашение...

— Мы тебя ждем...

— Но, видишь ли...

— Никаких «но». Надя будет рада тебя видеть. Из-за тебя яблочный пирог испекла... А я два вечера бегал по магазинам.

— Там будет много незнакомых, а я, как ты знаешь...

— Каких незнакомых! — воскликнул Максимов. — Все свои. Мы с женой, ты, Тарков.

С этой фамилией у Рублева были связаны не очень приятные воспоминания, и он твердо решил отказаться.

— Да еще Катя...

— Какая Катя?

— О, холостяки! Вам имя вероломство! — с шутилым пафосом продекламировал Максимов. — Уже забыл! А ведь сам просил познакомиться. Помнишь ту длинноногую на первомайской демонстрации? Она, кстати, тобой тоже интересовалась.

Катя... Он вспомнил последнюю первомайскую демонстрацию. Рядом с ним шла девчонка с длинными распущенными волосами, в джинсах с широким ремнем, которые как-то удивительно ловко обтягивали ее длинные ноги. Беспашанно веселая, она почти непрерывно смеялась. Даже непонятно чему. Скорее всего, просто от избытка энергии и сознания, что она хороша собой и что каждый из шедших рядом ребят пойдет за ней по первому ее зову.

— Хорошо, — сдался наконец Рублев. — Я буду, но чуть позднее.

Он положил трубку, но мысли его невольно возвращались к тому солнечному первомайскому дню. После демонстрации они — он, Максимов, еще трое бородатых ребят в толстых свитерах (они оказались научными сотрудниками какого-то института) — отправились в кафе. Собственно, инициатива насчет кафе принадлежала Кате:

— Эх, мальчики, закатиться бы сейчас куда-нибудь...

Все дружно поддерживали это начинание и, главным образом, потому, что никому не хотелось расставаться с этим веселым длинноногим существом. Даже Максимов, который всегда торопился домой, к «старушке», как он шутиливо называл свою жену Надю, и тот согласился часок посидеть.

Зашли в «Поплавок». Там было шумно, сутолочно и не очень чисто. Но никто не обращал внимания ни на несвежие скатерти, ни на скверные шашлыки. Все невольно заразились беспашанностью Кати, которая рассказывала забавные истории, с удовольствием пила вино и как-то лихо, по-мужски, курила сигареты. Рублева и привлекала и пугала эта беспашанность и несколько обескураживала та откровенность, с какой она отдавала ему предпочтение перед другими. Он видел, что коренастый бородач в свитере и с трубкой сник, замолчал, ушел в себя. Он был явно равнодушен к Кате. Сергей Николаевич ожидал, что бородач устроит ему «сцену у фонтана». Но все каким-то образом устроилось так, что, выйдя из кафе, они

сразу остались одни. Максимов со своим бородачом куда-то исчез. Это было очень кстати. Наконец-то Рублев оказался с девушкой наедине.

«Наверняка Гошка пригласил ее ради меня», — улыбнулся про себя Рублев. Он уже привык, что все друзья и знакомые непременно хотели его женить. Стоило ему прийти к кому-нибудь в гости, и рядом с ним оказывалась приятельница хозяина, или хозяйки дома, или кто-нибудь из его знакомых.

Чаще всего это раздражало Рублева. Но в тот майский день он был признателен другу. Катя была интересной собеседницей. Она окончила театроведческое отделение ГИТИСа и работала в отделе искусства журнала. Она рассказывала Рублеву о последних спектаклях и фильмах, об актерах и интересных статьях. Они пробродили по праздничной Москве до вечера.

Катя сама предложила ему свой телефон.

— Будет скучно — позвоните. Свожу вас на какую-нибудь премьеру.

Но позвонить ей Рублеву так и не представился случай. Вскоре после праздника он уехал в командировку. Вернувшись в Москву, вспомнил новую знакомую, вернее, то радостное ощущение, которое она оставила в нем. Но позвонить не решился. Представил себе разговор: «Здравствуйте, это Сергей». — «Какой Сергей?» — «А вот тот, с которым вы познакомились Первого мая»... Нет, это было не для него.

В начале восьмого Сергей Николаевич вышел из управления, добрался на такси до «Детского мира», бродил по этажам, ломая голову: что же выбрать в подарок двухнедельному Илье Максиму. Наконец остановился на упакованном в коробке и перевязанном голубой лентой комплекте для новорожденных, куда входили распашонки, ползунки, простынки, и, довольный своим выбором, отправился в гости.

У Максимовых гремел магнитофон. Ритмы шейка и сиплый, истеричный голос певца проникали сквозь дверь и слышались еще на лестничной площадке. Гоша открыл дверь и приветствовал Рублева с преувеличенно шумной радостью подвыпившего хозяина. За столом Сергей Николаевич заметил несколько незнакомых лиц, вероятно родственников Максимова. Возникла маленькая суматоха — обычное явление при запоздавшем госте.

Когда церемония приветствия была закончена, хозяин дома потащил Сергея Николаевича в спальню. Там, в кровати из-под кружевных простыней выглядывала крошечная курносая мордашечка.

— Тише, — шепотом предупредил его Гоша, — только что отужинал. Спит богатырским сном. Представляешь, моя-то четыре с половиной кило отгрохала! Кто бы мог подумать! — И он смеющимся взглядом окинул стоявшую рядом с ним жену. Она была невысокого роста, хрупкой, совсем еще девчонкой.

— Как назвали? — спросил Рублев, наклоняясь над кроватью и пытаясь разглядеть в сморщенном круглом личике знакомые черты своего друга.

— Илья, — подсказала жена.

— Хорошее имя...

— А что! Илья Георгиевич звучит...

— Звучит, — согласился Сергей Николаевич. — Что-то прочное, исконно русское. Теперь это имя стало редкостью. Не то, что Сергей. У нас на курсе было три Сергея. А в школе целая дюжина. Я родился, когда в моде были Сергей и Андрей.

Гоша не мог оторвать взгляда от лица сына. Таким наивно-счастливым Рублев не видел его никогда.

— Как ты находишь — похож он на меня?

— Конечно, — соврал Сергей Николаевич. Ему казалось, что все дети в этом возрасте одинаковы.

— Ну, вот видишь? — с торжеством подхватил отец, оборачиваясь к жене. — Что я говорил? А вот Надя утверждает, что он похож на нее...

— Ладно, ладно, хватит шуметь, пойдем к столу. — Надя снисходительно улыбнулась, беря под руку мужа. — А то проспится и поговорить не даст...

Еще из прихожей, сквозь приоткрытую дверь большой комнаты, где был накрыт стол, Рублев заметил длинные светлые волосы Кати и тонкие пальцы с дымившейся сигаретой. Она о чем-то оживленно разговаривала с Игорем Тарковым, сотрудником их управления, тоже близким приятелем хозяина дома. Сейчас, направляясь к столу, Рублев почувствовал, что волнуется перед этой встречей. Он не знал, как себя держать с Катей, как объяснить то обстоятельство, что он ни разу ей не позвонил. Он заметил, что при его появлении в комнате Катя не сразу под-

няла взгляд, а какое-то мгновение еще продолжала беседовать с Тарковым, а подняв глаза, изобразила удивление, будто только что увидела Сергея, хотя он по какой-то еле уловимой напряженности в ее плечах понял, что она ждет его появления, ждет с беспокойством. На ней было простенькое платьице из ситца с глубоким вырезом на груди. На тонкой длинной шее поблескивала золотая цепочка. Она уже справилась с минутным смущением и, когда Рублев пожимал ее узкую сухую руку, смотрела на него своими серыми глазами с прежней уверенностью и даже вызовом.

— А мы вас заждались, — сказала она. — Налейте ему штрафной.

Гоша с готовностью потянулся к бутылке с водкой. Но Рублев остановил его жестом и налил себе «Фетяски».

— Бережете здоровье? Или служба не позволяет? — насмешливо спросила Катя.

— Ни то и ни другое. Просто люблю вино. А к водке не привык.

— Вы, кажется, рационалист.

— А этого надо стыдиться?

— Нет. Но, помните, у Горького: «Терпеть не могу пьяниц, понимаю пьющих и с подозрением отношусь к испьющим».

— Катерипа! — зашумел Гоша. — Дай человеку поесть. Не забывай, что мужчину нужно покорять после хорошего обеда.

Поднялся Игорь Тарков, невысокий, в замшевом пиджаке, в белой водолазке. Жидкие белесые волосы были расчесаны на пробор с какой-то особой тщательностью. Тонкий в талии, с румяной, почти юношеской кожей лица, этаким ухоженный мальчик из хорошей семьи. Впрочем, таковым он и являлся. Отец Игоря занимал крупный пост в Министерстве иностранных дел.

— Я предлагаю выпить за здоровье счастливых родителей!

Позже, когда стол был убран и включили магнитофон, Игорь пригласил Катю потанцевать. Сергей и Гоша вышли на лестничную площадку покурить. Хитровато щурясь, хозяин дома обронил как бы между прочим:

— Послушай, а ведь Катька, кажется, к тебе того...

— С чего ты взял?.. — смущенно пробормотал Сергей.

— Да уж я ее знаю... А хороша? Согласись.

— Хороша — ничего не скажешь. Но, кажется, она правится не только нам с тобой?

— Ты имеешь в виду Игоря? Да он уж давно старается. Но, по моим наблюдениям, — с ничейным результатом.

— Кстати, каков ее статус? — спросил Сергей.

— Обычная история. Замужем, но, по моему наблюдению, номинально. Чего-то там не ладится. То ли уже развелась, то ли собирается. Жалко, не повезло девчонке. Я его не видел, но, говорят, добродетелями не отличается. Типичный плейбой и к тому же выпивоха. Ну да ладно, пойдем разомнемся. Давно со своей «старушкой» не танцевал.

Надя разливала чай. Родители деликатно оставили молодежь одну. Игорь и Катя изгибались в шейке. Танцевала она увлеченно, но с каким-то сдержанным изяществом: ее длинные ноги в белых туфельках на толстом каблуке, только что входившем в моду, передвигались по ковру легко и стремительно, и так же легко и непринужденно двигались ее обнаженные тронутые первым загаром руки.

Свинг Сергей танцевал плохо, но когда его сменило танго, он подошел к Кате. Она с готовностью положила ему руки на шею.

— А вы, оказывается, прекрасный танцор! — сказала она, когда сделали первый круг.

— У меня вообще масса добродетелей! — засмеялся Сергей.

— Но обязательность не входит в их число.

— Ну, почему же...

— Сейчас вы скажете, что потеряли мой телефон...

— Нет...

— Могли бы тогда и позвонить... Или дел по горло?

— Да нет... Я из тех, кто решения принимает медленно...

— А я наоборот... Так что мой недостаток будет компенсироваться вашей добродетелью.

У нее было прекрасное чувство ритма. Но что-то настораживало в ней Сергея. То ли эта напористость, то ли ничем не скрываемая уверенность, что все будет так, как она хочет, и что не родился еще мужчина, который мог бы сопротивляться ее обаянию.

К ним подошел Игорь. Он был слегка навеселе, но из всех сил старался этого не показать.

— Знаете что, ребята, — предложил он, — забрели бы как-нибудь ко мне в гости. У меня есть неплохие записи...

— С удовольствием, — пробормотал Сергей.

— Мы все-таки держимся как-то отчужденно. Вот вы, Сергей... сколько уже мы работаем с вами вместе... А вы еще ни разу не были у меня в гостях. И вы, Катя, приходите...

Она небрежно тряхнула волосами в знак согласия. «Так вот чем объясняется это неожиданное гостеприимство», — подумал Сергей, удивленный неожиданным приглашением.

Его одного Тарков наверняка не пригласил бы. Дело в том, что в прошлом году у них возник конфликт. Тарков, конечно, делал вид, что, собственно, ничего не случилось, но это ему плохо удавалось.

Он здоровался с Сергеем подчеркнуто-дружелюбно, но в светлых глазах Таркова таилась холодинка.

А столкнулись они вот на чем. Тарков, входивший тогда в группу Рублева, занимался делом сотрудницы одного военного завода Людмилы Н. Она проболталась на вечеринке о вещах, о которых посторонним говорить не положено. Тарков довольно остроумно выяснил, каким образом и через кого утекли важные для оборонной промышленности сведения. Он предложил передать дело Людмилы Н. в суд.

Ознакомившись с документами, Рублев убедился, что доказательства вины Людмилы Н. были неопровержимы. Но вместе с тем он обратил внимание, что сотруднице едва исполнилось девятнадцать лет, что она комсомолка и что никогда ничего подобного за ней раньше не наблюдалось. Рублев прямо сказал Таркову, что считает его предложение о передаче дела в суд крайней и неоправданной мерой.

— Не лучше ли обойтись мерами административного воздействия?

— Но ведь вина ее налицо! — доказывал Тарков.

— Налицо. Но зачем изолировать человека от общества, если можно его исправить?

Словом, они так и не пришли к единой точке зрения. И Тарков обратился к Петракову. Тот, прежде чем при-

пять решение, вызвал Рублева и, выслушав его доводы, с ним согласился. Тарков обращался и к начальнику управления, но и там не нашел поддержки.

— Ну, спасибо, старик, удружил, — как-то однажды вырвалось у Таркова в беседе с Рублевым. — Такое дело загубил! Ладно, если бы руководствовался соображениями гуманизма...

— А чем же еще?

— Ножку ближнему подставить...

— Ну, знаешь. — Рублев пожал плечами. Существовала порода людей, чуждых и непонятных ему. Такие люди обычно отказывались верить, что кем-то могут двигать благородные побуждения. Тарков, как он понял, относился к их числу.

Но все это было год назад. А сейчас, стоя с бокалом в руках перед Катей, он допытывался:

— Вы не коллекционируете записи? — Та отрицательно покачала головой, а Тарков продолжал: — А я коллекционер. Музыка, книги и еще африканские маски. У меня приличная коллекция африканских деревяшек. Есть из Конго, с Берега Слоновой Кости, Сьерра-Леоне. Я еще студентом был на практике в Африке...

— А я вот нигде, кроме дачи, не была, — заявила Катя. Ей явно был скучен этот разговор.

— Ну, у вас еще все впереди...

Катя заявила, что она хочет погулять. Сергей счел своим долгом ее проводить. Тарков увязался было за ними, но Катя явно дала ему почувствовать, что хочет остаться с Сергеем. Стараясь не показывать обиды, Игорь подчеркнуто-вежливо распрощался.

— Терпеть не могу таких... — вырвалось у Кати, когда Игорь сел в такси. — Он любит африканское искусство. Никого и ничего он не любит, кроме собственной персоны.

— Ну, вы чересчур строги...

— Нет, я таких на расстоянии вижу насквозь...

Сергею показалось, что в этом неожиданном припадке раздражительности есть что-то от лично пережитого. Но расспрашивать он ее не стал. Они медленно прошли несколько кварталов по опустевшему Комсомольскому проспекту.

— Знаете что, Сергей, — прервала молчание Катя. — Я бы не отказалась выпить кофейку. У вас не найдется?

Сергей сказал, что, конечно, найдется.

— Тогда, может быть, вы пригласите меня к себе в гости?

— Мой дом к вашим услугам, мадам, — шутливо ответил Сергей.

— Прекрасно. Хотя ничего прекрасного нет. Я знаю, что веду себя ужасно. Но ничего не могу с собой поделать.

Дома Рублев открыл бутылку «Гурджаани». Кофе Катя вызвалась сделать сама.

— Я люблю крепкий, с солью, — заявила она, закиная плитку. — Я и на работе всех приучила. У нас в комнате прекрасная немецкая кофеварка.

Пока она возилась на кухне, Сергей разлил вино, сделал сандвичи. Его немного смущала ее инициативность. Но он отгонял эти мысли, ведь главное, что она рядом, что он слышит ее веселый голос, любит ее стремительными, красивыми движениями.

— А у вас здесь очень уютно, — сказала она, входя в комнату с «туркой», над узким горлом которой шапкой возвышалась дымящаяся пена. — Просто не верится, что это квартира холостяка.

— Я когда-то учился в суворовском училище, — ответил Сергей. — Бывало, старшина заправку коек по натянутому шнуру проверял.

Разлив кофе по чашечкам, Катя уселась напротив в кресле.

— А меня никто к порядку не приучал. Да и кому? Папа вечно занят, мама занята. Можно сказать, — засмеялась она, — я продукт собственного воспитания.

— И как, довольны результатом?

— Не совсем. Чего-то я в жизни не поняла. Вам Гоша, наверное, говорил, что я замужем? Это было мое первое самостоятельное решение. И неудачное. А вы не пытались?

— Нет.

— Почему?

— Я же говорил, что решения принимаю медленно и трудно. Наверное, поэтому.

— Вы не производите впечатление тугодума. В вас есть спокойствие и уверенность в себе.

— По-моему, — улыбнулся Сергей, — вы тоже не страдаете недостатком решительности?

Она покачала головой.

— Нет. На самом деле я не уверена в себе. Но боюсь это показывать. Придумала себе маску решительной женщины. Но, кажется, я чересчур откровенна. Давайте выйдем.

Сергей предложил потанцевать. Касаясь ее, он чувствовал, как медленно тает его сдержанность. Он точно не помнил, как случилось, что они поцеловались. Потом, задыхаясь от волнения, не могли долго оторваться друг от друга.

Пластинка крутилась на одной ноте. За окном с шипением проносились последние троллейбусы и машины. Ветер колыхал занавески сквозь открытую балконную дверь.

Первой опомнилась Катя.

— Что же это происходит? — С трудом переводя дыхание, она оттолкнула его. — Я, кажется, сошла с ума...

— По-моему, со мной творится тоже что-то неладное, — хрипло выговорил он.

Она поправила упавшие на глаза пряди волос.

— Мне пора идти...

— Не уходи... — попросил он.

Она посмотрела на него.

— Я, кажется, совсем потеряла голову. Я ждала твоего звонка каждый день.

— Если бы я знал!..

— Я хотела позвонить сама, но не решилась.

— Ты ведь не уйдешь?

Она опустила голову на тахту, глядя перед собой. Сергей сел рядом. Молчание длилось целую томительную минуту.

— Наверное, нет, — шепотом выговорила она и уткнулась ему в грудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВАЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

В посольстве одной ближневосточной страны давался прием по случаю национального праздника. Узкий переулок был забит машинами всех современных марок. Рядом с тяжелыми, солидными «чайками» теснились маленькие «Пежо-404», «татры», «вольво», изящные «мерседесы», длинные черные «кадиллаки» — степенные и чопорные.

как метрдотели из дорогих ресторанов. В холле, у лестницы, ведущей в зал, гостей встречал сам посол, полный, смуглый человек в темных роговых очках и в смокинге из темной, тончайшей шерсти. Он постоянно улыбался и, отвешивая поклоны, пожимал руки все прибывающим гостям, среди которых были представители почти всех стран, имеющих свои посольства или представительства в Москве. С теми, кого посол хорошо знал, он перебрасывался вежливо-шутливыми фразами, при этом его темные восточные глаза были печальны, хотя белые, по-видимому, искусственные зубы сверкали в зауценной улыбке. Рядом стояла его супруга, маленькая, хрупкая женщина, очень молодая, с точеным кукольным личиком и гладко зачесанными, отливающими вороньим крылом, жесткими волосами. На тонкой длинной шее поблескивало бриллиантовое кольцо, на узких запястьях позванивали золотые браслеты; из-под длинного белого платья выглядывали узенькие носки лакированных туфель. Она протягивала гостям узенькую крохотную ладонь и улыбалась, хоть и заученно, но так искусно, что улыбку ее можно было принять за искреннюю и сердечную.

Наверху в огромном зале с лепными потолками и высокими зашторенными окнами гудела толпа гостей. Было шумно, хотя кондиционеры работали на полную мощность. Дамы, в большинстве своем сильно декольтированные, обмахивались платочками. Особенно страдало от духоты несколько пожилых генералов — рослых, тучных, с розовыми лысынами, с широкими колодками орденов и медалей на мундирах. Они беседовали у открытого окна, откуда тянул прохладный ветерок. Пожалуй, лучше всех себя чувствовали африканцы в своих свободных цветных одеждах да индусы в белых чалмах и белых хлопчатобумажных кителях.

Сновали с подносами официанты в белых смокингах и белых перчатках, разносили виски и джин, минеральную воду и фруктовые соки.

В соседнем зале, поменьше, были накрыты длинные столы на сто пятьдесят персон; сверкали хрустальные рюмки и бокалы, громоздились горы фруктов, нежно розовела на тарелках лососина, слезилась в баночках икра...

Страна была богатой, она поставляла нефть всему миру, и прием обещал быть пышным...

...Павел Рудник сидел за рулем «Волги» и со скучающим видом просматривал газету. «Трудающиеся «Трехгорки» стали на трудовую вахту»... «Динамовцы выполнили план досрочно», «Высокий урожай овощей»... Рудник поморщился: каждый день одно и то же — выполнили, перевыполнили, даже почитать нечего. Несколько подразвлек его спортивный комментарий. Борис Федосов из Англии сообщал подробности международного матча по футболу. Пробежав комментарий, Рудник взглянул на часы, было половина восьмого. «Хозяин», как он про себя называл представителя посольства ГДР в Москве Рихарда Штрассера, личным шофером которого Рудник был, наверняка прибудет не скоро. Часа через полтора-два — не раньше. Рудник вынул красивую шариковую ручку и принялся за кроссворд. «Предмет мебельного гарнитура» — по вертикали. Семь букв — «сервант» — сообразил Рудник. Быстро отгадал он и государство в Латинской Америке, и оперу Чайковского, но застрял на «птице из отряда куликов». Отложил газету и стал раздумывать чем бы заняться. Пойти потрепаться с другими шоферами, что ли...

«Машину представителя посольства ГДР», — раздался хриплый голос в динамике. И Рудник не сразу догадался, что это вызывают его. Неужели «хозяин» уже собирается домой? Но ведь прием только начался... Рудник включил зажигание и, с трудом выбравшись из тесного каре машин, подал «Волгу» к подъезду посольского особняка.

В дверях посольства стоял Штрассер — тучный, взмокший, жадно глотающий ртом свежий воздух. Рядом с ним молодой человек в темно-синем костюме прижимал рукой щеку.

— Пауль, — сказал Штрассер, — отвези молодого человека в аптеку. Товарищ вышел у нас из строя...

— Слушаюсь, — бодро откликнулся Рудник.

Штрассер в прошлом был офицером, и Рудник считал, что военный стиль должен ему импонировать. Он открыл перед молодым человеком дверцу и тот, по-прежнему держась за щеку, сел на заднее сиденье.

— Когда прикажете подать машину? — спросил Рудник.

— Часок-полтора я здесь побуду. Вы, Пауль, покажете тем временем товарищу Москву. Он здесь новичок.

Советник помахал молодому человеку и скрылся в дверях посольства. Рудник нажал акселератор.

— Так вам, значит, аптеку? — спросил он, когда машина выехала из тесноты переулков на Суворовский бульвар.

— Мгм... — промычал молодой человек с заднего сиденья.

«Вот пижон, — подумал Рудник, — зеленый совсем, а уже зубы болят... Хиляк».

— Советую анальгин, — сказал Рудник. — Как рукой снимет. Проверил на себе. — Он сделал сложный разворот у Арбатской площади и выехал на Старый Арбат. — Одну минутку, сейчас принесу, — бросил он, припарковавшись у аптеки и выскакивая из машины.

Минуты через три он вернулся с двумя пакетиками анальгина.

— Вот, пожалуйста, верное средство. Советую проглотить сразу пару таблеток.

Молодой человек взял пакетик, поблагодарил шофера и достал деньги.

— Ну что вы, — запротестовал Рудник. — Пустяки. Мелочь. Куда сейчас?

— На Ленинские горы, — ответил молодой человек после небольшой паузы. — Говорят, оттуда красивый вид на Москву.

— Ну что же, можно и на Ленинские...

На Комсомольском проспекте ревел густой автомобильный поток. Но «Волга» с дипломатическим номером шла по резервной зоне. Минут через пятнадцать они оказались на зеленых аллеях Ленинских гор. Воздух здесь был чище, свежей. Рудник остановил машину у обочины, неподалеку от смотровой площадки с балюстрадой. Здесь уже стояло несколько машин иностранных марок.

— Приехали, — сказал он пассажиру.

— Тут где-то есть маленькая церковь, — сказал молодой человек, выйдя из машины. — Вы не проводите меня?

Зубная боль у него, видимо, прошла (он уже не кривился и не держался за щеку), хотя Рудник не заметил, чтобы по дороге его пассажир глотал таблетки. Что-то вроде смутного беспокойства шевельнулось в душе Рудника. Он пристально посмотрел на пассажира: светлые, гладко зачесанные волосы, небольшие серые глаза, широкий раздвоенный подбородок. Неужели этот?

— Так проводите? — Молодой человек, как показалось Руднику, тоже изучал его.

Они вышли на смотровую площадку. Внизу за изгибом Москвы-реки лежала гигантская подкова стадиона. Дальше утопали в вечерней дымке трубы многоэтажных домов. Отсюда не слышно было уличного шума и оттого казалось, что город погрузился в тишину и покой. На площадке прогуливалось много туристов. Щелкали фотоаппараты. Сухопарая старушка, по всей вероятности америкашка, прицеливалась в подернутую дымкой панораму Москвы крохотным «кодаком».

— О, какой прекрасный вид! — то и дело восклицала она, обращаясь к своему спутнику, долговязому, розоволицему старику, обвешанному кино- и фотоаппаратурой.

Сопровождаемый молодым человеком, Рудник спустился к прикорнувшей у обрыва церквушке. Был канун какого-то религиозного праздника: на паперти скучало несколько старушек, из открытых дверей доносилось пение. Рудник и молодой человек вошли в церковь. С полдюжины старушек в черном у амвона отвешивали поклоны. У бокового притвора перед иконой Иверской богородицы теплилась лампада. В высоких подсвечниках потрескивали свечи. На вошедших никто не обратил внимания. Глядя в толстую книгу на пюпитре, краснощекий, толстый священник с густой окладистой бородой читал ектенью. Голубоватый чад стлался над низкими сводами, с которых святые угодники, укоризненно поднимая тонкий костлявый указательный перст, строго взирали огромными впалыми глазами на двух стоявших в углу у притвора грешников.

— Не знаете, где можно купить гвоздики? — спросил вдруг молодой человек, глядя прямо перед собой на царские врата.

Рудник замер. Все эти дни он ждал этого вопроса. А вот теперь растерялся. Ладони его вдруг стали влажными.

— Можно достать у знакомого, — еле слышно проговорил он наконец, вспомнив записку, которую две недели назад он изъясил из тайника на Новодевичьем.

— Павел Рудник?

— Да.

— Меня зовут Ганс... Ганс Кушниц... — Молодой человек по-прежнему смотрел прямо перед собой. Лицо его было непроницаемо. — Вам привет от Кларка. Он вами доволен.

Дрожащей рукой Рудник достал из кармана пачку «Явы».

— Вы что! — сердито шепнул ему Кушниц. — Забыли, что мы в церкви. Возьмите себя в руки...

— Ах да... виноват, — пробормотал Рудник, поспешно пряча пачку.

Речитатив священника оборвался. Возникшую тишину нарушил хор. Плавное печальное многоголосье полилось под сводами. Высокие женские голоса улетали куда-то ввысь. Тоскливо и вместе с тем торжественно жаловались на тщету жизни басы. На мгновение Руднику показалось, что все это происходит с ним не наяву. Кушниц, лики святых, выворачивающий душу хор. Какой-то дурной малярный кошмар.

— Ваша информация о работе русских над новой ракетой оценена в Лондоне очень высоко, — продолжал вполголоса Кушниц. — Оплачена тоже. На ваш счет в Цюрихе переведено двадцать пять тысяч долларов.

— Передайте от меня спасибо. — Рудник стал приходить в себя. Двадцать пять тысяч! Дали ровно столько, сколько он запросил. Пожалуй, он дал маху — нужно было бы запросить больше.

— Кларк интересуется, как вам удалось добыть эту ценную информацию?

Губы Рудника скривились в подобие усмешки.

— Очень просто. Двое ученых после приема на улице, ожидая «Волгу», темпераментно спорили около моей машины, где я вроде спал, и они меня не видели. Мол, скоро Советский Союз станет недосыгаемым... Сейчас ведутся работы над новым оборонительным антиракетным... Ну, я весь этот спор записал на свой аппарат.

— Любопытно... Дело в том, что англичане давно догадывались, что русские ведут испытания какого-то нового вида ракетного оружия. Об этом они имели информацию и из других источников. Предстоит узнать как можно больше об этом. Проводятся специальные мероприятия с вашим активным участием. После окончания операции вас перебросят на Запад...

На Запад!.. Это была давнишняя мечта Рудника. Запад! Конец страхам, постоянному риску. Против воли руки у Рудника затряслись. Наконец он мог бы воспользоваться заработанными деньгами... А их накопилось немало.

— Нам необходимо как можно скорее приблизиться к

тайно этой ракеты, — продолжал Кушниц. — У вас есть какие-нибудь соображения?

— Кое-что... немного. Правда, я сделал главное — узнал адрес института, где ведутся работы.

— Так... Это уже немало.

— Главное сейчас — найти в этом институте людей, которые согласились бы нам помочь...

— Согласен, — кивнул головой Кушниц. — По-моему, нужно действовать в двух направлениях. Первое — искать подступы к главе фирмы. Второе — нужных людей в его фирме. Впрочем, обе части задачи взаимосвязаны. — Он помолчал, разглядывая росписи на стенах. — Значит, так. Прежде всего вам нужно почаще наведываться к институту. К самому зданию не подъезжайте. Впрочем, такие элементарные вещи вы должны знать. Ваша задача сейчас сблизиться с кем-нибудь из сотрудников института. Начнете с того, что подвезете кого-нибудь из института домой или в гости. Завяжете беседу. Может быть, пообещаете достать какую-нибудь дефицитную вещь. Впрочем, что вас учить: вы ведь знаете местные условия лучше меня.

— Да уж не первый год здесь живу, — пробормотал Рудник.

— Только никаких разговоров о деле. Прежде всего нам необходимо тщательно проверить нового знакомого. Без моего ведома не предпринимайте рискованных шагов. — Он помолчал, потом, искоса взглянув на Рудника, спросил вполголоса:

— Вам, конечно, понадобятся деньги... Сколько вам нужно?

— Тысяч пять в советской валюте.

— Получите в машине... О связи... Не пытайтесь вступать со мной в контакт по собственной инициативе. Если нужно, разыщу вас сам. А теперь пойдете...

Вот уже месяц, как Полонски прибыл в Москву и приступил к выполнению секретного задания. В Берлине с дедом настоящего Кушница ему пришлось туговато. Полонски, например, часто забывал, где лежат его вещи. И порой ему казалось, что дед смотрит на него уж слишком пристально. Но возможно, что это ему только казалось.

И в Берлине, и особенно здесь, в Москве, Полонски-Кушниц не мог избавиться от постоянно гнетущего стра-

ха. Ему казалось, что в Берлине дед Кушница догадывается, что имеет дело не с настоящим внуком, и если не показывает виду, наверняка по чьей-то подсказке. Каждую минуту Полонски ждал разоблачения. Он купил билет, распрощался с дедом и сел в поезд Берлин — Москва. Почему-то он был уверен, что возьмут его при проверке документов на границе. Он прочитал немало отчетов о мастерстве советских пограничников и границы ждал с ужасом.

Но и на границе все обошлось благополучно. По прибытии в Москву тоже ничего не произошло. Полонски-Кушниц поселился в новом здании гостиницы «Националь», без особой необходимости старался не покидать номера. Ему все казалось, что на улице он обязательно натолкнется на знакомого настоящего Кушница, растеряется и наведет на себя подозрение.

Первые дни в Москве Полонски-Кушницу казалось, что он живет в странном, нереальном мире. Далекий, чужой, враждебный для него город, ни одного знакомого лица. Странно, что столько лет он готовился к этой миссии, и все равно она застала его неожиданно.

Полонски-Кушниц немного успокоился, когда оформление на работу в СЭВ тоже прошло благополучно. «Значит, действительно никто не догадывается о замене оригинала двойником», — подумал он.

Но чувство напряженности не покидало его. Ведь ему предстояла еще одна важная и опасная операция — выход на связь с Рудником.

Кто знает, может, Рудник уже давно арестован, и оп, Полонски, угодит в засаду? Может быть, агент отказался от сотрудничества. Неуверенность в своих силах не покидала его. Да и потом он опасался Рудника: как бы он не сделал опрометчивого шага!

Вскоре Полонски-Кушница поселили в большом доме на Кутузовском проспекте, где жило много иностранцев. Вот здесь Полонски впервые увидел своего агента, когда вечером он привез с работы Штрассера. Оказалось, что он живет в соседнем подъезде. Кушниц несколько успокоился. Надо было найти хороший предлог для встречи с ним наедине.

Сегодня на приеме такой предлог был найден.

...Возвращались с приема в той же «Волге», когда вспыхнули уличные фонари.

— Ну, как ваши зубы, молодой человек? — Штрассер говорил с сильным акцентом.

— О, благодарю вас. Все в порядке. Апальгин — прекрасное средство. Мне посоветовал Пауль.

— О, Пауль, как говорят русские... — тодковый малый.

Все засмеялись. И польщенный Рудник тоже.

Штрассер, добродушный толстяк, в прошлом офицер танковой роты в корпусе Роммеля. Из Африки он вывез астму и ненависть к гитлеризму. После госпиталя его направили на Восточный фронт. Под Минском Штрассер сдался в плен и стал активным участником антифашистского движения, а после войны — членом Социалистической единой партии Германии.

В Москве Штрассер жил уже семь лет. Охотнее всего он говорил о своих девочка-близнецах. И еще о театре. Штрассер не пропускал ни одной премьеры. В московских театрах у него было много друзей и знакомых.

— О, я давно хотел побывать во МХАТе, — сказал Штрассеру Кушниц, когда их познакомили на приеме в посольстве ГДР.

— Это нетрудно сделать. Я иду в пятницу. Если вы свободны...

Кушниц был свободен. В ближайшие вечера он прочитал несколько монографий по театру. Когда в пятницу они отправились на премьеру, им со Штрассером пришлось о чем поговорить. Они стали друзьями. Штрассер с удовольствием приглашал Кушница домой. Они пили чай и говорили о театре. Вернее, говорил Штрассер, а Ганс слушал. Он надеялся, что со временем станет своим человеком в доме Штрассера и сможет спокойно, не таясь, видаться с Рудником. Такие встречи особенно были ему необходимы в экстренных случаях.

* * *

Ганс Кушниц разработал целый план, который подробно рассматривал даже такие мелочи: что Рудник должен говорить в первый вечер знакомства, что в последующие дни, как ему, Руднику, при этом следует одеваться, что заказывать в ресторане и тому подобное. Вспоминая пункты инструкции, Рудник усмехался: стоило такой огород городить, хотя всех и делов-то познакомиться с бабой.

Будто ему впервой! Может обойтись и без ихней науки. Но, видать, так уж у них там принято. Рудник не стал спорить с Кушником: если им так нравится — пожалуйста.

Рудник каждый вечер около шести часов подворачивал к высокому сероватому зданию с мраморным цоколем и зашторенными окнами. В начале седьмого высокие тяжелые двери из морского дуба распахивались: из них выплескивался густой, гомонящий, торопливый человеческий поток. Он тек по асфальтированной аллее между шеренгами лип, затем дробился на ручьи и ручейки и, словно у каменистого порога, бурлил у троллейбусной остановки.

Рудник ставил машину у обочины, не напротив института, а за квартал от него, и, поигрывая ключами от машины, шел к троллейбусной остановке, всматриваясь в лица людей. Они с Кушником решили единодушно: она должна быть не очень молода, безусловно, одинока и, желательно, недурна собой.

— Вы должны сказать, — наставлял Кушник, — что это ваша личная машина. Женщины в возрасте обычно любят солидных людей.

— Ну а вдруг она меня уличит? Насчет машины?

— Что значит уличит? Искусство обманывать есть альфа и омега нашего ремесла. Уличит! — фыркнул Кушник. — За то вам и деньги платят, чтобы не уличили...

Рудник обиделся. Сердито посмотрел на своего собеседника: этот пиджон из-за кордона его раздражал своим апломбом. Но все же смолчал. Единственно, чему он обучился в жизни, — покоряться тем, кто выше рангом и сильнее.

К зданию института он подъезжал много раз, пока не остановил свой выбор на женщине, которая соответствовала избранному ими типу. Ей было под сорок, невысокого роста, в платье, усеянном крупными ромашками, в белых босоножках, аккуратно причесанная, будто бы только от парикмахера. «Так тщательно в этом возрасте следят за собой только одинокие женщины», — отметил про себя Рудник. На ее лице не было той будничной озабоченности, которую он читал на лицах многих.

Обычно она садилась в троллейбус и тут же раскрывала книгу. И Рудник представлял себе, как приходит она в свою однокомнатную квартиру, готовит нехитрый

ужин (небось на ночь пьет кефир) и усаживается в кресло перед телевизором. Возможно, часами судачит по телефону. Наверняка была замужем и хотела бы выйти еще раз, но боится нарушить привычный уют и размеренность быта.

Но в этот вечер она торопилась. Металась в поисках такси. Рудник кинулся к машине и быстро, как только мог, притормозил у обочины рядом с ней.

— Вам куда? — Он постарался, чтобы его голос звучал безразлично.

— В Тушино. Я заплачу, — сразу же добавила она, явно боясь, что он откажется ехать так далеко.

— Надо же, — усмехнулся Рудник, — нам по пути. — Он открыл дверцу заднего сиденья.

Рудник вел машину как бог. По дороге выяснилось, что едет она в гости, на новоселье к подруге, что сама живет в центре, что она просто не представляет, как можно жить в таком отдаленном районе.

Когда Рудник, высаживая ее, предложил встретиться, она смутилась и ответила категорическим отказом. Это его не обескуражило. Ромашку, как условно он называл эту женщину, необходимо было приручить.

Теперь Рудник почти каждый вечер подъезжал к институту, отыскивал в толпе знакомую, аккуратную фигуру. Ромашка всякий раз удивлялась его появлению и смущалась. Однако она с явным удовольствием садилась в «Волгу». Он подбрасывал ее к дому. Ему не нужно было даже навязываться с расспросами: она охотно рассказывала о себе, что была замужем, давно разошлась, детей нет. Работает «в ящике» старшей лаборанткой.

— Работа и дом. Вот и вся жизнь. Разве иногда выберешься в гости к родственникам или подружкам. Поболтаешь, душу отведешь, вроде какое-то разнообразие.

— Такая женщина — и одна? Не верю. Куда же смотрят мужчины?

— Только не в мою сторону, — рассмеялась она, явно польщенная.

Он пригласил ее в ресторан. Она охотно приняла приглашение.

В ресторане «Прага» Рудник изображал щедрого поклонника. Стол украшали черная икра, коньяк и шампанское. Солидная сумма счета произвела на нее сильное впечатление.

— А вы, оказывается, мот, — заметила она шутливо. И Рудник услышал интонацию женщины, привыкшей считать каждую копейку своей небольшой зарплаты.

В этот вечер захмелевшая Лида много смеялась и говорила без умолку. Ее порозовевшее лицо было очень привлекательно. И Рудник впервые взглянул на нее как на женщину.

— А ведь она в самом деле ничего. — И обрадовался при мысли, что ему предстоит приятная связь. В успехе он теперь не сомневался.

И действительно, в тот же вечер он остался у нее почитать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТАЙНИК

Холостяцкое положение Рублева повергало в недоумение его родственников и знакомых. «Как же так могло случиться?» — удивлялись они. «Да все было как-то некогда», — шутливо отвечал Сергей. И это действительно было так. Вначале институт международных отношений, увлечение языками, которые отнимали у него почти все время, потом работа в управлении, возня с новой квартирой. Сколько Сергей себя помнил — ему всегда не хватало времени. Да и к женщинам он относился всегда серьезно: не любил интрижек — они казались ему пустой тратой времени.

У Рублева было четыре сестры, две из которых уже вышли замуж, а две жили с родителями. С родственниками Сергей встречался обычно по праздникам. Собираться в праздники всем за одним столом было семейной традицией, которую особенно ревностно оберегал отец Сергея — шофер агентства междугородных перевозок. В тесноватой родительской квартире за большим круглым столом по праздникам теснилось обычно человек пятнадцать — семнадцать — все Рублевы трех поколений. Сергей любил эти семейные обеды: на них было шумно, бестолково, но весело. Сестры считали своим долгом жепить брата и приводили с собой подруг. Но усилия сестер обычно оставались тщетными: знакомство Сергея с этими подругами почему-то не получало своего развития. «Разве тебе не понравилась Таня (или Валя, или Света)?» —

удивлялись сестры. Сергей смеялся и просил впредь избавить его от роли жениха. Но на следующий праздник все повторялось сначала: за столом опять появлялась какая-нибудь приятельница сестер, которая донимала Сергея вопросами и которую он после обеда отвозил на такси домой.

И Таня (и Валя, и Света) были милы. Сергей говорил это своим сестрам. Но никогда ни с кем он не делился тем, что вот уже много лет перед его глазами неотступно стояла девушка в короткой кожаной куртке и белом мотоциклетном шлеме. Она погибла, врезавшись в грузовик. Это было нелепо, обидно. Сергей Николаевич долго не мог прийти в себя. Мотоциклетный шлем преследовал его повсюду.

С тех пор, пока он не встретил Катю; он не мог найти женщину, которая заполнила бы его жизнь.

Для отца Рублева семейные праздники были лучшими часами его жизни: дети, которых он иногда не видел месяцами, собирались все вместе, на коленях у него резвились две внучки. «Вот, мать, — обращался он с довольной улыбкой к жене, — смотри, какой мы с тобой коллектив воспитали. За столом тесно». Он очень гордился, что, будучи сам малограмотным, дал детям высшее образование. Особенно он гордился Сергеем — единственным сыном, к профессии которого относился с уважением, хотя вряд ли имел точное представление, чем занимается его сын. Сергей ничего не рассказывал, а отец считал, что расспрашивать нетактично.

Скупой на слова и проявление чувств, отец после нескольких выпитых рюмок становился словоохотливым и даже немного хвастливым. Ему очень нравилось слово «клан», которое он выудил из газет, и любил его вернуть в застольной беседе.

Отец считал, что праздник не в праздник, если за столом не слышно песен. Начисто лишенный слуха, сам он питал особую слабость к пению. Репертуар его тоже не отличался богатством: в особом почете были две очень не похожие одна на другую песни: «Вышли мы все из народа» и сентиментальный романс начала века «Вот вспыхнуло утро, румянятся воды...»

И тут Сергей обычно приходил на помощь, идя на встречу молчаливой просьбе всей семьи. Поскольку у Сергея был приятный баритон, отец умолкал и, к радости всех

присутствующих, уступая место сыну, превращался из исполнителя в слушателя.

Двадцатого июля праздновали день рождения отца. Уже была почата третья бутылка вина и отец приступил было к «концертной программе», как вдруг в дверях раздался звонок. Вышедшая в прихожую старшая сестра вернулась через секунду в комнату, где был накрыт стол, и сообщила: «Сережа, тебя там спрашивают... С работы».

Сопровождаемый тревожно-вопросительными взглядами семьи, Сергей поспешил в прихожую. В дверях стоял Максимов.

— Извините, Сергей Николаевич, — пробормотал он. — Наш старый друг Рыжий прислал привет. Опять объявился на Новодевичьем кладбище. Просили вас сообщить.

— Маккензи?

— Он самый.

— Великолечно! — воскликнул Сергей. — Не выдержал, значит! Удалось выяснить, что ему там было нужно?

— Пока еще не совсем. Крутился вокруг памятника купцу Маклакову. Похоже, что там у них тайник!

— Тайник? — Сергей пристально посмотрел на скуластое лицо Максимова.

— Да, тайник. Точно выяснить не удалось. Подходить близко было рискованно. Но нашему товарищу показалось, что Маккензи взял или положил какую-то записку...

— Спасибо, дружище. Это хорошая новость. — Сергей горячо пожал шершавую руку Максимова. — Подожди меня. Машина здесь?

— Внизу.

— Я сейчас, мигом! — И он бросился переодеваться.

Узнав, что Сергей должен немедленно уехать, домашние были разочарованы. Особенно досадовал отец: день рождения, к которому он так тщательно готовился, был испорчен.

— Ничего, — утешал его Сергей, — через час — полтора я вернусь. И мы еще с тобой споем.

По дороге на Новодевичье Максимов рассказал, что на сей раз Рыжий появился на кладбище в толпе туристов из Западной Германии, так что не сразу его опознали. Когда туристы бродили по кладбищу, Маккензи незаметно отделился от толпы и направился к памятнику.

— Там он возился минуты три, — продолжал Максимов. — Из-за ограды и густого кустарника его было почти не видно.

— А он не заметил нашего человека? — спросил Сергей.

— По-моему, нет. Тот прогуливался с букетом цветов. Старался держаться не в одиночку, а поближе к прохожим.

— А больше к этому памятнику никто не подходил?

— Нет. Больше никого не видели.

Машина остановилась у ворот кладбища. На самом кладбище было многолюдно; по асфальтированным дорожкам бродили толпы туристов. Максимов размашисто зашагал по главной аллее мимо гранитных глыб и бюстов. Потом через ворота в высокой кирпичной стене они прошли на старую часть кладбища, где мелькали имена известных писателей, ученых, общественных деятелей. Вдоль высокой зубчатой монастырской стены Максимов провел Рублева в самый глухой угол кладбища, заросший сиренью и густыми липами.

— Вот здесь, Сергей Николаевич. Вот эта могила.

Рублев увидел памятник в виде небольшой часовенки. В глубокой нише с полукруглыми сводами ангел из белого снежного мрамора с прекрасным и скорбным лицом протягивал в мольбе руки с тонкими пальцами скрипача. Мраморные складки плотного хитона ниспадали упругими волнами. Столько было подлинной скорби, мольбы и покорности неизбежному во всей этой печальной фигуре, что на мгновение Рублев залюбовался изваянием. Потом его внимание привлекла надпись золотой славянской вязью на цоколе из темно-зеленого мрамора.

— Его степенство не жалел денег на бессмертие, — проговорил Рублев.

— Да, памятник что надо, — согласился Максимов. — Нам с вами такой не поставят.

— Нам наплевать на бронзы многопудье... Впрочем, нет. Сейчас нам придется обследовать это многопудье самым тщательным образом. Вы не пытались отыскать тайник?

— Можно сказать, нет, — ответил Максимов. — Успел провести только беглый осмотр, но, как говорится, с первой попытки высоту взять не удалось.

Однако Рублев и Максимов решили, что осматривать

памятник сейчас, когда вокруг столько посетителей, нельзя. Вполне возможно, что среди этой толпы находился и тот, с кем поддерживал связь Джозеф Маккензи.

— В семь кладбище закрывается, — сказал им служитель. — И тогда здесь не будет ни души.

Было половина седьмого. Рублев и Максимов, прогуливаясь по кладбищу, с нетерпением посматривали на часы. Как только аллеи опустели, приступили к осмотру. Сергей разбил всю площадь памятника на сектора. Сначала внимательно осмотрели ограду, затем нижние плиты, щели между ними и, наконец, приступили к нише и фигуре ангела. Особенно детально Сергей осматривал складки ангельского хитона. Он сунул руку во впадину под крыло ангела — и едва не вскрикнул: пальцы наткнулись на свернутую бумажку.

— Нашел! — радостным шепотом сообщил Максиму. — Нашел тайник.

— Что-нибудь есть там? — почему-то тоже шепотом спросил Максимов.

— Есть. Записка. Вот она. — Сергей осторожно, двумя пальцами извлек вчетверо сложенный пожелтевший квадратик бумажки.

С утра шел дождь. Вероятно, струйки воды затекли во впадину — записка была мокрая, голубоватые строчки расплылись. Но текст все же можно было прочесть. Рублев и Максимов склонились над запиской.

«Отче наш иже еси на небесах! — читали они. — Да святится имя твое, да придет царствие твое. Хлеб наш насущный даждь нам днесь. И не введи нас во искушение, да избави нас от лукавого. Аминь».

— Молитва, что ли? — растерянно пробормотал Максимов.

— Наверное, молитва. — Сергей повертел в руках малограмотно написанную записку. — Бумага не старая, пожелтела, но не сильно. Видно, положена сюда недавно.

— Вероятно, шифр, а? Как вы думаете, Сергей Николаевич?

— Может быть. Во всяком случае, Маккензи — человек осторожный. Если бы его схватили за руку, попробуй притерись: невинная молитва.

— Сергей Николаевич, а может, это не все? — спросил Максимов. — Может, продолжить поиски? Терпенье и труд...

— Что же, давайте попробуем, — согласился Сергей. Он воткнул записку в щель между постаментом, на котором крепилась фигура ангела, и боковой плитой ниши. — Пусть подсохнет, — сказал он Максимову и снова взялся за обследование памятника.

Они продолжали поиски еще целых полчаса. Солнце уже скрылось за верхушками деревьев, косо падая через густую листву. Кладбище затопила сизая вечерняя дымка. С Москвы-реки донесся протяжный гудок баржи. Рублев и Максимов обследовали каждый сантиметр памятника, но больше ничего не нашли.

Нужно было уходить, Сергей искал записку глазами, но в щели, в которую он сунул ее посушить, записки не оказалось. Он внимательно осмотрел нишу и траву у постаментов, но бумажки нигде не было.

— Что за чертовщина! — воскликнул он. — Какой-то ребус!

— Скорее всего, — высказал предположение Максимов, — записка провалилась в щель. Больше ей некуда деться.

Сергей заглянул в щель: там в темноте белел еле различимый уголок записки.

— Так оно и есть! — воскликнул Сергей. — Провалилась в щель. Наверно, от порыва ветра. Но что же делать?

Максимов сбегал на соседний участок, где велись реставрационные работы, и раздобыл там кусок тонкой проволоки, из которой он сделал крючок. Но вытащить этим крючком записку не удалось.

— Послушай! — воскликнул Рублев, осматривая плиту. — Она прикреплена четырьмя винтами. Придется вызвать мастера, чтобы поднял плиту. Втроем, думаю, мы ее поднимем. Другого выхода я не вижу.

Максимов отправился в контору кладбища за мастером. Сергей закурил и присел на ближайшую скамейку. Что означала эта записка? Есть ли какая связь между ней и появлением у купеческой могилы Джозефа Маккензи? Может быть, записку положил кто-то другой? Ответ на эти вопросы даст внимательное изучение текста молитвы. Не исключено, что текст молитвы — шифр. Возможно, что между строк написано послание невидимыми чернилами. Во всяком случае, за тайником придется по-прежнему вести наблюдение, а записку после экспертизы придется сразу же положить на место.

Максимов вернулся в сопровождении небритого старичка, который нес в руках небольшой фанерный чемоданчик. Старичок не торопясь набил табаком крохотную трубку, так же не торопясь осмотрел винты и достал отвертку и маленький ломик. Рублев почувствовал, что от мастера изрядно пахнет спиртным. Старичок работал молча, как бы не замечая присутствия Рублева и Максимова.

Три винта он освободил довольно быстро, но четвертый ему никак не удавалось извлечь из отверстия.

— У тебя, отец, как с квалификацией? — не утерпел Максимов. — Разряд имеется? С каким-то винтом не справишься!

— Старина! — изрек наконец мастер... — Раньше все делали на совесть. Ишь как изладили — не вынешь.

Старик возился с винтом, наверное, с четверть часа, что-то бормоча себе под нос и чертыхаясь. Наконец Рублев тоже не выдержал и подошел к мастеру.

— Уперся, окаянный, хоть ты лопни — не лезет.

Сергей молча осмотрел все три винта, потом сравнил их с тем, над которым возился старик. Винт вылез только наполовину.

— Послушайте, — сказал он старичку, — а ведь этот винт сделан из другого металла. Вот посмотрите — три из меди, а этот, четвертый, из более светлого металла. Какой-то сплав...

— А ведь верно! — согласился старичок, присматриваясь к винту. — Точно. Этот винт поновей будет.

— А ну-ка, дайте-ка мне вашу отвертку, — попросил Сергей.

Рублев вначале закрутил винт до упора, потом стал его медленно выворачивать. При каждом полуобороте Рублев потягивал его на себя. На шестом обороте винт вылез из отверстия. Он оказался коротким и полым внутри. Это, собственно, был не винт, а тонкая гильза с наружной резьбой. Нехитрая штука и не слишком оригинальная. Хорошо известна в практике разведки.

Сергей заглянул вовнутрь: там виднелась свернутая тонкой трубочкой бумажка.

— Вот он, настоящий тайник! — Сергей радостно сверкнул глазами. — А тот, за крылом ангела, ложный... для отвода глаз.

Рублев осторожно извлек из полого винта бумажную

трубочку и также осторожно развернул ее. На ней пестрели колопки цифр.

Рублев оглянулся на деда: «Вот что, отец, погуляй, пожалуйста, минут десять». Дед, что-то бормоча себе под нос, удалился.

— Вот где настоящее послание, — прошептал Рублев. — Будет нашим шифровальщикам работа. — Он передал бумажку Максимову. — Интересно, кому предназначается это сообщение?

Максимов ознакомился с шифровкой и вернул ее Рублеву.

— Глаз не спущу с этого тайника.

Они подняли плиту, достали бумажку с молитвой и положили ее за крыло ангела. Потом Рублев переписал шифровку, сунул ее обратно в полый винт, плиту водрузили на место.

— Теперь самое главное, — сказал Рублев, — не упустить адресата.

— Уж об этом, Сергей Николаевич, не волнуйтесь — не упусти.

Вскоре появился дед. Он явно не понимал, что здесь происходит, лишь вопросительно поглядывал на молодых людей.

Когда контрразведчики собрались уходить, на лице деда появилось страдальческое выражение.

— Ломота в костях, — сказал он. — К дождю.

— Все болезни от недопития, — пошутил Максимов.

— Правильно, сынок. Врач бы из тебя добрый получился. Не чета нынешним.

— Ладно, дед. Болезнь твоя известная, — сказал Рублев. — На тебе трояк, сбегай подлечись.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗАДАНИЕ ГАНСА

Рудник встречался теперь с Матвеевой почти ежедневно. Иногда он заезжал за ней на работу, как всегда, квартал не доезжая до института. Лидию Павловну заинтересовала эта его привычка. Ей больше бы нравилось, чтобы он подъезжал прямо к подъезду, чтобы сослуживцы видели, как она ныряет в распахнутую дверцу черной

сверкающей никелем и зеркалами заднего обзора новой «Волги».

Однажды она села в машину явно не в духе.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

Она пожала плечами и обиженно поджала губы. Только когда они приехали к ней домой, уступая его настойчивым расспросам о причине плохого настроения, Лидия Павловна задала вопрос, который все объяснил ему:

— Почему ты не подъезжаешь прямо к институту? Не хочешь афишировать наши отношения!

Рудник весело рассмеялся и затем обнял ее за плечи.

— Да что ты! Как тебе могло прийти такое в голову! — Его возмущение звучало искренне.

— Тогда в чем же дело?

Сочутив глаза, он посмотрел поверх ее головы.

— Помнишь, как-то в начале нашего знакомства я сказал, что эта «Волга» принадлежит мне. Так вот она служебная... Ну и приходится быть осторожным...

— Зачем ты мне лгал? — Голос ее звучал скорее сочувственно, чем осуждающе. — Неужели ты думал, что мне так важно, есть у тебя машина или нет!

Он вскочил, заходил по комнате.

— Знаешь, как это бывает... Хотелось поразить, пустить пыль в глаза.

— Ты ведешь себя как мальчишка... — Тронутая его виноватым видом, она встала, прижалась к нему и погладила по волосам. Он понял, что инцидент улажен. Он был и вовсе забыт, когда в день ее рождения Рудник подарил ей элегантные французские туфли, сумочку и туалетный набор. (Все это передал ему Ганс Кушниц.) Она была и поражена, и польщена.

— Боже мой! Ты с ума сошел! Откуда ты все это достал?

— Неважно. Тебе нравится?

— И ты еще спрашиваешь! — Она бросилась к нему на шею, осыпая его лицо поцелуями.

Она радовалась как дитя. Кинулась все примерять, а потом походкой манекенщицы прошла перед ним со счастливой улыбкой на лице.

На какое-то время Руднику передалась ее радость. И он вдруг ощутил острую, до щемящей боли тоску по обычным человеческим радостям: по дому, по семье. И главное, по душевному спокойствию. Судьба его сло-

жила́сь так, что он никогда не чувствовал себя спокойным. А с приездом Кушница меньше всего. Рудник всегда завидовал тем, кто мог жить легко, беззаботно, не оглядываясь на прошлое. Почему его жизнь сложилась так, что он должен вздрагивать при каждом неожиданном звонке в дверь, при каждом вызове к начальнику автоколонны или в отдел кадров? Говорят, что нельзя привыкнуть к смерти. К страху — тоже. Он привязывался к Лидии Павловне, потому что она давала ему ощущение уюта, иллюзию беззаботности. И в этот вечер где-то в самых дальних закоулках мозга впервые шевельнулась мысль: не бросить ли все к чертовой матери и не посылать ли туда «хозяев». Но испугался этой мысли и поспешил отогнать ее прочь. Знал, что они не позволят. Его скомпрометируют, выдадут, если надо — уберут.

И Рудник послушно выполнял задание Ганса Кушница — выпотрошить из Лидии Павловны все, что она знает об институте, его шефе, своих сослуживцах. Рудника раздражало, что этот мальчишка из-за кордона, видимо, не очень-то высоко ставит его способности. Каждая беседа с Лидией Павловной тщательно обговаривалась, хотя Рудник больше доверялся не заготовленной схеме, а своей интуиции. И все же однажды, когда они беседовали лежа в постели, Матвеева насторожилась.

— А что тебя так волнует наш шеф? Зачем он тебе?

— Видишь ли, — как можно равнодушной ответил Рудник. — Меня всегда интересуют большие люди. Я вот тоже стремился добиться большого поста, а стал всего-навсего шофером.

— И ты страдаешь из-за этого?

— Если откровенно — да.

— Ты, оказывается, честолюбив?

— Не в этом дело. Просто пытаюсь разобраться, почему им удалось, а мне — нет. Я имею в виду не только твоего шефа, а всех, кто добился успеха в жизни.

Лидия Павловна закурила и задумалась, глядя, как тянутся к потолку кольца дыма, а Рудник обрадовался: кажется, поверила.

— Наверно, они с самого начала знали, чего хотят. Но разве, чтобы быть счастливым, обязательно нужно занимать какой-то пост? Вот взять хотя бы нашего Главного. Вроде бы все у него есть... Говорят, квартира огромная.

— А где он живет?

— Да, говорят, где-то рядом с институтом, в каком-то переулке... Да... и машина служебная, и зарплата огромная, и почет, уважение — шутка ли, директор такого института!

— Да уж представляю себе, — проворчал Рудник.

— А вот тоже в семье неприятности.

— Какие же?

— Да, говорят, дочка вышла неудачно замуж.

— Ну разве по нынешним временам это неприятность? Теперь по несколько раз замуж выходят.

— Не скажи... Она-то, говорят, и умница, и красива, а он — балбес, гулена, хоть и тоже, по правде говоря, красавец. На это наверняка и клюнула... Красивому-то мужику что стоит девку окутить...

— А ты-то его видела?

— Один только раз. Подъехал зачем-то к институту. На своем «мерседесе». Ну, мне одна знакомая и говорит: «Вон зять нашего Главного».

— А откуда же у него такая машина? — как бы между прочим спросил подругу Рудник, с радостью отметив, что сегодняшний вечер не пропал даром.

— Этого я не знаю.

— Да... Такой вот плесени, как зять твоего шефа, везет. Тоже небось чей-нибудь сынок...

— А ты завистлив... Но ведь и тебе повезло, — прошептала она, кокетничая. — У тебя есть я... Или ты не согласен?

Рудник обнял ее, думая при этом о том, что нужно поскорее увидеться с Кушницем.

* * *

Ему пришлось ждать недолго. Через два дня после этого разговора в квартире Рудника раздался звонок. Попросили Марию Степановну. Он раздраженно ответил, что здесь таких нет. Звонок повторился трижды: условленным при последней встрече путем Ганс Кушниц приглашал Рудника в скверик Большого Харитоновского переулка. В девять вечера Рудник должен был прийти в скверик.

Этих встреч Рудник боялся больше всего. Он не знал, чем еще занимается Кушниц: возможно, он «засветится»

где-то и притащит за собой «хвоста». И тогда он, Рудник, пропадет из-за чьей-то ошибки, глупости или неосторожности.

Обычно Рудник приходил на связь, исходя из предположения, что за ним следят. Поэтому он принимал все меры предосторожности: пересаживался с одного транспорта в другой, входил в подъезды и следил за улицей, неожиданно поворачивался и шел в противоположную сторону, украдкой прощупывая взглядом прохожих. Только окончательно, на все сто процентов убедившись, что «хвоста» нет, что все в порядке, Рудник подходил к условленному месту.

Увидев Ганса Кушница в скверике, Рудник отметил про себя: тот оделся так, чтобы не быть похожим на иностранца: и брюки, и рубашка, и сандалеты — все куплено в наших магазинах. Сидит себе обычный московский парень, покуривает, почитывает «вечерку».

Рудник сел рядом с ним и, дождавшись, когда молодая женщина встала и, толкая перед собой коляску, отошла на приличное расстояние, заговорил с Кушницей.

Он вкратце изложил новости, выуженные из разговора с Максимовой. Кушниц отложил «вечерку», затаился сигаретой (Рудник отметил, что и сигареты были наши, «Столичные»), с минуту молчал. Не высказав ни одобрения по поводу услышанного, ни скепсиса, сразу приступил к делу.

— Значит, так. Запомните твердо. Завтра же отправляйтесь в район института. Разыщите дом Главного. «Мерседес» — это опознавательный знак. Познакомьтесь с этим молодым человеком. Найдите предлог.

— Это несложно, — буркнул Рудник. — Например, запасные части к его машине.

— Да, да. Хорошая мысль. Я слышал, с запасными частями у вас сложно. Предложите все, что ему нужно. Я достану. Вообще подружитесь с ним. Прощупайте его как следует. Он нам может пригодиться.

Рудник делал вид, что любитесь резвящимися детьми в дальнем углу сквера.

— Вы забываете, что квартира Главного может охраняться. Появляться там, значит, попасть в их поле зрения...

— Не появляйтесь близко у квартиры. Машину оставьте где-нибудь в людном месте...

— Допустим. Что конкретно узнать от хозяина «мерседеса»?

— Фамилия тестя... Уточнить, то ли это лицо, что нам нужно... Если да, то его привычки, слабости, в первую очередь слабости... Может ли кто-нибудь из наших вступить с ним в контакт?

— Черт побери, — прошептал Рудник, — вы суете мою голову в петлю... Вы не знаете наших условий. Вы думаете, что советская контрразведка не предприняла мер по охране Главного...

— Может быть. Но вас и не просят вступать в контакт с Главным. Вы должны стать на короткую ногу с его зятем. Сделайте так, чтобы он сам обратился к вам за помощью. Купите его деньгами, если надо.

Рудник хмурился. Не нравилось ему это особое задание. И почему-то вспомнилась Лида, ее детская, наивная радость тогда, в день рождения, ее фраза: «Но ведь у тебя есть я». Эх, послать бы этого слащавого гада куда-нибудь подальше! И зачем только он свалился на его голову!

Заметив его колебания, Кушниц уже мягко, даже тепло сказал:

— Да не волнуйтесь! Я тоже рискую. Не меньше вас. У меня ведь нет дипломатического иммунитета. Я намного моложе вас. И мне еще хочется вернуться домой.

— А у вас есть дом?

Кушниц пожал плечами:

— Кто при деньгах — тот везде желанный гость.

Может, при других обстоятельствах Рудник и согласился бы с этим афоризмом. А сейчас он подумал: «Был бы у тебя дом, семья, разве бы ты стал ввязываться в это грязное дело!»

— Не рискуйте, — продолжал Кушниц. — Никто вас на это не толкает. Действуйте осмотрительно, в пределах благоразумия...

— Ладно, ладно, — проворчал Рудник, — не утешайте. Сам знаю, почем фунт лиха.

— Фунт лиха? — переспросил Кушниц. — Что значит эта идиома?

— Ну беда, неприятность...

А мысленно добавил: «Вот завалишься, тогда узнаешь, что такое эта... идиома».

Кстати, какой точный смысл таит в себе это выражение, он тоже не знал. И поэтому решил при случае заглянуть в словарь.

Договорившись о встрече через неделю, они расстались, недовольные друг другом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЧЕРНЫЙ «МЕРСЕДЕС»

Рублев просыпался с ощущением светлой радости и спросонья не сразу понимал ее источника. Потом вспоминал волну светлых волос, большие серые глаза, прерывистый шепот, джинсы с широким солдатским ремнем... «Ах да, Катя! Вот в чем дело!» И невольно улыбался.

У него давно не было такого солнечного ощущения бытия. Пожалуй, с самого детства, когда он жил в деревне у бабушки. Из того времени он запомнил летние июльские дни. Он вставал в девятом часу, отяжелевший от сна, выходил из темного сеника в сад, где щебетали птицы и еще не жаркое июльское солнце пронизывало мокрую листву яблонь. Какое это было ощущение блаженства — то ли от прекрасного летнего утра, то ли от предвкушения ласковости бабки и длинного соблазнительного в своей позе дня.

Примерно тоже ощущение он испытывал и теперь. Он бежал под душ, торопливо брился, варил кофе и, наспех позавтракав, выходил на улицу, чувствуя прилив бодрости и необычайной доброжелательности к окружающим. Максимов сразу заметил и просветленность его лица и необычайно хорошее расположение духа. Насмешливо прищурившись, он заметил:

— По моим наблюдениям, вы с Катей поладили?

— Что за вопрос! — добродушно возмутился Рублев. Ему, правда, очень хотелось поделиться с Гошей своей радостью, но останавливал страх перед чужой бесцеремонностью. Ведь все, что происходило между ним и Катей, — это так трепетно, сокровенно, потаенно.

— Ну, ну, молчу, — Максимов изобразил на лице возмущение собственной бестактностью и дружески добавил: — Хорошая девчонка! Вот только ей не повезло. Впрочем, хорошим обычно и не везет...

В это утро у подъездов управления Сергея Николаевича ждала служебная машина. Через четверть часа он должен был отправиться в «фирму Смелякова», как называли они с шефом научно-исследовательский институт, где впервые удалось получить высокоэффективное ракетное топливо — жидкость «зет».

— Ваши предложения утверждены, — хмурясь, проговорил Петраков. — Хотя где-то в душе я с ними не согласен. Свои сомнения высказал «генералу» (так они называли заместителя начальника управления генерала Заглодова), но он меня не поддержал. — Петраков вытащил из пачки «Ява» сигарету, оторвал фильтр и всунул ее в инкрустированный мундштук. Эта привычка шефа всегда удивляла Рублева. Зачем тогда он, собственно, покупал сигареты с фильтром?

— Могу я узнать, почему? Что вам показалось в моем плане сомнительным?

— Видите ли, Сергей Николаевич, по-моему, ваш план операции слишком мягкий, деликатный.

— Но ведь мы имеем дело с крупнейшим ученым. У него огромные заслуги перед нашей страной. Главное, к чему я стремлюсь, — это ни в коем случае не давать ему повода для обид. Ведь он, чего доброго, может подумать, что мы проверяем его... Мы ни в коем случае не имеем права оскорбить его подозрительностью.

— Да, это все так. Но все же не забывайте: где-то рядом с нами действуют наши противники. Выявить их как можно скорее — вот наша задача. А ваш план операции рассчитан на медленное прощупывание...

— Мы сделаем все возможное...

— Хорошо. Прошу вас действовать энергичней. Время в нашем деле — чрезвычайно важный фактор. Помните главное: не дать противнику уползти с добычей в зубы.

Собственно, план Рублева не отличался изощренностью. Весь расчет в нем строился на том, что, поскольку противник интересуется фирмой Смелякова, значит, рано или поздно его присутствие можно будет обнаружить именно в этой зоне. «Моя задача, — писал он, — исследовать квадрат за квадратом зоны, особенно на направлениях его вероятного движения».

Через полчаса «Волга» Рублева остановилась у высокого здания с просторными зашторенными окнами. Перед фасадом был разбит красивый газон, пестревший цветами.

Шеренги лип и тополей бросали на аккуратно подстриженную траву ажурные тени.

Дежурный, пожилой старшина, долго изучал его удостоверение, переводя взгляд с фотографии на оригинал. Снимок этот был сделан пять лет назад. Сергей Николаевич выглядел на нем юнцом. Вероятно, это обстоятельство и смущало старшину.

Рублев поднялся на второй этаж, прошел по пустому прохладному коридору (окна были зашторены) и толкнул дверь с надписью: «Спецчасть». Из-за стола поднялся седой человек в темно-синем костюме из толстого трико. «Такая жара, а он в шерстяном костюме. Какое-то самостязание!» — подумал Рублев.

— Басов... Митрофан Иванович, — представился хозяин кабинета. У него был глуховатый голос, впалые щеки и глубокие глазницы в коричневых тенях. Держался Басов суховато, подчеркнуто официально. Наверное, в глубине души он был недоволен, что какой-то мальчишка приехал ревизовать его деятельность. Почувствовав состояние начальника спецчасти, Сергей Николаевич заговорил как можно мягче:

— Мне нужна ваша помощь.

— А в чем дело? — насторожился Басов.

— Дело в том, что каким-то образом разведке противника удалось узнать о работе над жидкостью «зет».

Басов, казалось, превратился в каменное изваяние. Он не спускал с Рублева немигающего взгляда.

— Так... — наконец выдал из себя. — Но как это могло случиться?

— Вот это я как раз и собираюсь с вашей помощью выяснить.

— Но мы строго соблюдали все меры предосторожности...

— Не сомневаюсь.

— Ума не приложу! — воскликнул начальник спецчасти.

— Пока ничего страшного не случилось, — успокоил его Рублев. — Насколько я понимаю, главное — формула жидкости — противнику еще неизвестно. Пока он знает только о самом факте исследований.

— Чем я могу помочь?

— Дайте мне список всех лиц, работавших над жидкостью «зет».

— Над ней работала довольно большая группа. Не меньше пятидесяти человек. В том числе трое ученых из Германской Демократической Республики.

— Сколько бы ни было...

— Я подготовлю такой список.

— Скажите, а вам не поступало сигналов о, скажем, необычном поведении тех, кто допущен к секретной работе, или об их родственниках, знакомых?

— Вы имеете в виду неделовые контакты с иностранцами?

— Да, это тоже интересно.

Начальник спецчасти ответил, что информацией такого рода он не располагает.

— Есть, правда, один человек, который нас несколько беспокоит. Дело в том, что он родственник Смелякова. Точнее, зять...

— И что же?

— Видите ли, у него машина иностранной марки. Подержанный «мерседес». Так вот мне недавно сообщили из милиции, что он скупает тряпки у иностранцев. Фарцовщик, словом.

— А сам Смеляков об этом знает?

— Да, он в курсе. Обещал принять меры. Но не знаю, как там на самом деле.

— А как фамилия этого зятя?

— Кухонцев Вадим Леонидович. Работает в каком-то научно-исследовательском институте...

— А где он живет?

— До последнего времени в квартире тестя. А сейчас не знаю. Говорят, что они не ладят с дочерью Смелякова. Кажется, пахнет разводом.

Рублев подождал, пока начальник спецчасти приготовил списки сотрудников, работавших над жидкостью «зет», записал домашний адрес Смелякова. Он жил поблизости от института, в одном из новых домов. Уточнив по телефону номер отделения милиции, которое обслуживало этот район, Рублев соединился с начальником отделения и попросил того быть на месте. Поблагодарив Басова за помощь, он покинул институт.

При виде приближавшегося Рублева шофер его машины, читавший «комсомолку», свернул газету и включил зажигание. Сергей Николаевич назвал ему адрес отделения милиции. В Москве была необычная жара — на пять

градусов выше средней температуры июля. У бочек с квасом стояли длинные очереди. По вечерам пригородные электрички и автобусы, уходившие за город, были битком набиты народом. Все старались вырваться на природу, в лес, на речку. Асфальт раскалился и дышал под ногами, как подошедшее тесто.

В отделении милиции было прохладно, пахло невыветрившимся табачным дымом, штукатуркой и чернилами. Начальник отделения, пожилой подполковник с остатками курчавых волос на затылке и висках, встретил Рублева с шумной приветливостью и тут же начал жаловаться на трудности своей должности. Район, правда, тихий, публика живет интеллигентная, но молодежь... С ней хлопот не оберешься. Кухонцев? Нет, о таком он ничего не слышал. Да разве всех упомнишь...

Подполковник нажал кнопку звонка, и на пороге появился лейтенант.

— Кто у нас обслуживает улицу Бехтерева?

— Капитан Карабанов... — после небольшой паузы ответил лейтенант.

— Разыщите. Пусть немедленно явится ко мне.

Минут через пятнадцать в кабинет начальника вошел пожилой капитан с усталым, морщинистым лицом. Он долго и шумно обмахивался платком, вытирал залысины, усыпанные бисером пота. Говорил он медленно, как будто спросонья. Да, некоего Кухонцева он знает. Как же не знать? Его участок. А на своем участке он, слава богу, вот уже пять лет работает. Долговязый красивый парень, у него еще «мерседес» свой.

— Как-то раз его задержали, — продолжал участковый, — был в нетрезвом состоянии за рулем. Так он инспектору нагрубил да еще пригрозил, что, мол, у того будут неприятности. Ну, а инспектор — кореш мой еще по армии. Он попросил меня навести об этом Кухонцеве справки. Вот так мы с ним и познакомились.

— Как вам стало известно, что он занимается фарцовкой?

— С Петровки сообщили. Его несколько раз у гостиницы задерживали за нарушения общественного порядка. Есть подозрения, что он и валютой балуется.

— Так, так...

— Тут недавно еще один сигнал поступил. Он одному своему знакомому ветровое стекло иностранной марки

продал, потом еще кое-какие мелочи. Ну, мне сообщили... Родственник такого уважаемого человека, а спекуляцией занимается. Да, не хотел бы я иметь такого зятя... Сомнительный тип. Получает сто двадцать, а живет на широкую ногу. Явно не на трудовые...

— И какие меры вы приняли? — поинтересовался Рублев.

— Какие меры, — недовольным тоном буркнул участковый. — Дело, конечно, заводить не стали. Из уважения к тестю. Неудобно его травмировать.

— Да, да, теперь я вспомнил! — встрепепулся начальник отделения. — Как же... как же! Сами понимаете, — пояснил он Рублеву, — крупный ученый... Решили просто поставить его в известность.

— А с кем из иностранцев он общается? — обратился Рублев к участковому.

— Не выясняли. Так что точно сказать не могу. — Капитан виновато улыбнулся и опять принялся вытирать платком свои залысины... — Впрочем, подождите... — Участковый задумался. — Тут к нему недавно приезжал какой-то тип. Правда, на «Волге». Но в ней лежали иностранные журналы. Смотрю, машину оставил в переулке, а к дому Смелякова пошел пешком. Повертелся вокруг, а скоро к нему вышел этот Кухонцев. Думаю, э-э, братец, чего-то ты скрываешь, раз к подъезду боишься подъехать!

— Кто, не выясняли? Или, быть может, номер запомнили?

— Нет, номера не запомнил. А выяснять причины не было. Он правил никаких не нарушал, а шофера описать могу. Высокий, горбоносый.

— Иностранец?

— Нет, по всему виду, наш. Представительный такой, лет пятидесяти, а может, меньше. На виске родинка. Лицо узкое и брови темные, густые.

— Любопытно. Значит, к дому Смелякова подъезжать не стал...

— Да, тайлся...

«Тайлся», — повторил про себя Рублев. Что кроется за этим словом? Кончик нити, которая может вывести его на след преступников? Или всего-навсего профессиональная подозрительность старого служаки — участкового.

Рублев был разочарован беседой. Он поднялся, чувствуя, что и у начальника отделения, и участкового на языке вертится вопрос: почему Кухонцевым заинтересовались товарищи из органов госбезопасности? Что он натворил? Но спросить они так и не решились: сочли неудобным.

Сергей Николаевич попросил капитана последить, что если у подъезда Кухонцева опять появится та самая «Волга», то сообщить ему. Прощаясь, он оставил свой телефон.

* * *

В конце рабочего дня Петраков устроил в своем кабинете небольшое совещание, на котором Максимов и Рублев докладывали о результатах начавшейся операции. Гоша, руководивший наблюдением на Новодевичьем кладбище, доложил, что вечером у памятника купцу Маклакову появился неизвестный гражданин, что-то долго там крутился, но установить, кто он такой, не удалось.

— Я пошел за ним, — виноватым тоном рассказывал Максимов, — но он затерялся в толпе.

— Как же ты упустил его? — искренне удивился Петраков.

— Сам не могу понять. Он вышел за ворота кладбища, и тут как в землю провалился.

— Наверное, он заметил, что за ним следят?

— Не думаю. По-моему, он скрылся просто из предосторожности.

Петраков осуждающе покачал головой.

— А как он хоть выглядел? Описать его сможешь?

— Конечно. Высокий, горбоносый, слегка сутуловатый, родинка на виске.

— Странно... — пробормотал Рублев. — С родинкой, говоришь?

— Да, — подтвердил Максимов. — Родинку эту я запомнил хорошо. А в чем дело?

— А в том, — прищуренным взглядом обвел Рублев присутствующих, — что тот самый шофер, который приезжал к Кухонцеву, тоже высокий, горбоносый и главное — с родинкой на виске.

Какое-то мгновение все молча смотрели друг на друга.

— Но, может быть, это простое совпадение? — проговорил наконец Максимов.

— А может быть, и нет, — возразил Петраков. — Во всяком случае, нам нужно срочно установить, кто этот ваш Горбоносый. Тут, вероятно, нам может помочь ваш участковый, — обратился Петраков к Сергею Николаевичу.

— Но где гарантия, что он опять появится у подъезда дома Смелякова? Нет, Анатолий Васильевич, тут нам может помочь Кухонцев. Ведь он-то наверняка знает, кто этот Горбоносый и где работает.

— Но Кухонцев может и не сказать, — возразил Максимов.

— Надо, чтобы он сказал. И думаю, что особых хлопот он не доставит. Кухонцев, насколько я понял, ведет широкий образ жизни, а стало быть, нуждается в деньгах. Допустим, что у меня есть пномарка, и я прошу его достать мне какую-нибудь деталь...

— Нет, — возразил Петраков, — этот вариант отпадает. Он вам достанет деталь, но где гарантия, что он познакомит вас с Горбоносым. Кроме того, здесь какая-то примесь провокации. Судя по всему, у него широкий круг знакомств среди иностранцев. И не обязательно Горбоносый достает ему запчасти. Возможно, они связаны валютной или импортными тряпками. У меня другое предложение. Вы говорите, что в милиции лежит заявление?

— Совершенно верно, — подтвердил Рублев.

— Пусть милиция даст ему ход. Я думаю, что Кухонцев и сам все расскажет. Такие, как он, обычно словоохотливы. Конечно, передавать дело в суд не стоит, главное — узнать от него фамилию Горбоносого. Кстати, Сергей Николаевич, поговорите с ним вы сами. А с начальником милиции я обо всем договорюсь.

* * *

Они встретились у метро «Фрунзенская» в начале седьмого. Катя пришла в легком цветастом платье, перехваченном в талии узким пояском. Сергей Николаевич видел ее в платье только второй раз, джинсы и мужские рубашки были ее постоянным нарядом. Сейчас она показалась ему необычайно привлекательной, женственной. Под пристальным взглядом Сергея она смутилась.

— Что, не нравится?

— Наоборот. Если можно, ходи в платьях.

Она засмеялась.

— Так и быть. Но только для тебя.

— Ты любишь джинсы?

— Да нет. Просто в них удобней. И сборы не занимают много времени.

— Практичная женщина!

— Нет. Скорее, лентяйка. Но буду воспитывать в себе трудолюбие. Куда сегодня двинемся? — И прежде чем он успел ответить, предложила: — Давай махнем куда-нибудь поужинать!

— Тебе надоела моя квартира? — спросил Сергей.

— Что ты! — Она прижалась к нему плечом. — Просто хочется с тобой где-нибудь показаться. Я тщеславная. Хочу, чтобы мне немного позавидовали.

Сергей засмеялся.

— Нечему завидовать.

— Ты ничего не понимаешь. Я обратила внимание, что девчонки так и стреляют в тебя глазами.

— Жаль, что этого не заметил я. Ну хорошо, тогда давай за город. Скажем, в Архангельское. Как?

Она кивнула головой.

Через несколько минут они уже сидели в такси и обменивались взглядами, которые были понятны только им одним и которые для них были полны значительного смысла. Никогда еще Рублев не чувствовал в себе такого прилива сил, такой внутренней легкости, такой доброты к окружающим. Он всегда боялся громких слов и сдержанность считал главным достоинством мужчины.

Даже про себя, наедине не осмелился бы произнести он слово «счастье», но на самом деле он был счастлив. И если бы завтра вдруг по какой-то причине Катя не оказалось рядом, действительность потеряла бы для него свои самые яркие краски.

В ресторане «Архангельское» было прохладно и не оченьлюдно, сидевшие в зале мужчины проводили Катю долгим оценивающим взглядом. Но странно: Рублева эти взгляды даже не раздражали. Он видел, что Катя их даже не замечает. А когда они сели за отдельный столик и она посмотрела на него счастливыми, сияющими глазами, то он и вовсе почувствовал себя уверенным и спокойным. Рублеву показалось, что официантка — пожилая полная женщина — обслуживает их с какой-то особой предупредительностью и даже удовольствием,

Странно, что Сергей Николаевич почти не говорил Кате о своих чувствах. Да она и не спрашивала. Просто бежала к нему по первому звонку, а по утрам расставалась неохотно. Но по ее просветленному лицу, по той готовности, с какой она шла навстречу каждой его просьбе или предложению, он видел, что Катя переживает период радостного подъема. Как-то он спросил ее о родителях. Она небрежно ответила, что «мама сидит дома», папа — ученый, работает в «ящике».

Сейчас в ресторане Рублев решил, что он должен сказать о своем отношении к ней. Но с чего начать разговор? Когда официантка принесла им дымят табака и бутылку «Ркацителл», она вдруг сама пошла ему навстречу.

— Иногда я просыпаюсь по ночам и думаю, а вдруг все это кончится. И мне страшно.

— Но все ведь зависит от нас, — возразил Рублев.

— Конечно, но человеческие отношения — хрупкая вещь... А вдруг я тебе надоем?.. — Это вырвалось у нее неожиданно. Она, видимо, и сама испугалась этих слов.

Поспешно сглотив, Сергей Николаевич прерывисто прошептал:

— Нет, Катя, нет... Знаешь что, если ты ничего не имеешь против... будь моей женой. — Он произнес эти слова и вдруг почувствовал всю серьезность сказанного. Он не отрывал взгляда от ее лица, такого прекрасного!

Она молчала, комкая салфетку.

— Ты это серьезно? — спросила она почти шепотом.

— Вполне!

Она отстранилась от стола, скрестив загорелые руки на груди.

— Считаешь, что после всего... ты, как честный человек, должен на мне жениться?

— Катя, что ты говоришь!

— Я говорю дело, Сережа. Ты прекрасный парень, и я с тобой счастлива... Но ведь женитьба — это совсем другое...

— Да, но...

— А ведь ты даже ни разу не сказал, как ты ко мне относишься.

— Наверное, просто потому, что не умею об этом говорить. Но разве ты не чувствуешь?

— Да, ты внимателен, ты нежен... Но разве это все..

— Катя, ты мне нужна! Я без тебя не могу.

Ресницы ее вдруг вздрогнули, глаза налились слезами. Она поспешно отвернулась, щелкнула сумочкой, достала платок.

Рублев мягко коснулся ее руки.

— Что с тобой?

Она по-детски шмыгнула носом и виновато улыбнулась.

— Ничего... Просто слишком счастлива... Никогда не надеялась от тебя этого услышать...

Рублев взял ее руку и, перегнувшись через стол, поднес к губам.

...Они вернулись из ресторана счастливые, возбужденные. Всю дорогу, перебивая друг друга, болтали, строили планы. Договорились, что поженятся, как только Катя разведется с мужем. Она объявила, что завтра же обо всем расскажет маме.

— Наверно, она очень расстроится? — спросил Сергей.

Катя вздохнула.

— Вероятно. Мама очень консервативна. Она приходит в ужас, когда кто-нибудь из наших знакомых разводится. Она считает, что брак — это навсегда, что если и ошибся, то должен нести свой крест с достоинством и терпением.

— В чем-то она права.

— Да, но если нет сил? Если ничего, ровным счетом ничего тебя не связывает с этим человеком? Зачем нести крест? Кому это нужно? Я понимаю, дети... Ради них...

Хотелось спросить Катю, почему ее семейная лодка дала течь, но он счел это неудобным.

— А твой папа? Как он отнесется к этому известию?

— Видишь ли... — она посмотрела в сторону, — папа у меня не родной... Отчим. Мой отец погиб — он был летчик-испытатель.

— Извини... — пробормотал Сергей.

— Ничего... Он погиб, когда мне было два годика. Я его знаю только по фотографиям. А теперешний папа... Я никогда не чувствовала, что он не родной. Мы с ним друзья...

— Ты ему рассказала обо мне...

— Нет еще. Но расскажу.

— Он придет в ужас?

— Нет, уверена, что ты ему поправишься. В тебе есть что-то прочное, настоящее. Потом ты «человек дела», как говорит папа. А такие ему нравятся...

— Послушай... а твой муж... почему...

У него впервые и нечаянно вырвалась эта фраза — «твой муж». Обычно они избегали говорить о нем. Он, конечно, присутствовал в их мире, незримый, как привидение, но на него не хотели оглянуться, боялись, что его тень омрачит их счастье.

— Почему его не влюбил папа? — Она глубоко затянулась. — Вадим — лефтяй... И вообще темный человек...

— Вадим?! — переспросил Сергей, и перед его глазами мгновенно всплыло холерное, спокойное лицо Кухонцева.

— Да, а что? — Катя приподнялась на локте и посмотрела прямо ему в глаза.

— Ничего... просто так...

Они помолчали...

— Давай условимся, — проговорила она наконец, — никогда о нем не говорить.

Он кивнул.

— Послушай, а как фамилия твоего отца? — спросил он после долгой паузы.

Катя ответила не сразу.

— Вообще-то, — проговорила она наконец, — я никому не говорю... У него закрытая работа. Ты это должен понять. Но тебе ведь все равно с ним придется познакомиться... Смеляков... Роман Алексеевич Смеляков. Тебе что-нибудь это говорит?

Рублев тоже потянулся за сигаретой. Катя, чиркнув зажигалкой, поднесла ему прикурить. При этом Сергей чувствовал на себе пристальный взгляд.

— Кажется, слышал, — пробормотал он, выпуская дым. — Но где — не помню.

Это была первая ложь с его стороны, и он надеялся, что последняя.

* * *

Рублев зашел к Максиму домой и рассказал ему все. Тот посмотрел на него озадаченно.

— Ну и что? Что ты страдаешь? Что ты из пустяков делаешь проблемы. Знаешь, старик, Катя — прекрасная женщина! Кто бы, скажем, не хотел иметь такую?

— Но ведь ты знал, кто она?
— Понятия не имел. Ты меня просто огорошил!
— А твоя жена? Почему она не сказала?
— Уверен, что и она не знала. Но что тебя волнует?
Ты что, недоволен?

— Да нет! Но пойми мое положение... Получается, что я впутал в служебные обязанности личные дела. Как-то неудобно! И перед своими, и перед Катей.

Максимов, наморщив лоб, взъерошил волосы.

— Ну, свои поймут. Поговори с шефом. Ведь не специально же ты сделал. А Катя... разве ей обязательно знать, что ты занимался делом, связанным с ее отцом?

— Не обязательно, конечно, — покусывая губы, проговорил Рублев. — Но все же. Но ведь я к ней серьезно... Ведь это па всю жизнь... Начинать с неправды... с утайки... А вдруг она узнает? Что подумает?

Гоша пожал плечами.

— Не знаю. Но ведь она интеллигентная женщина. Понимает специфику работы. Нельзя же говорить все, что связано с нашими делами.

Рублев сидел в кресле и смотрел, как Гоша расхаживает по комнате. Вернее, смотрел мимо него.

— Нельзя, конечно. Но ведь чем мы занимаемся? Поисками истины. Борьбой со злом, скрытым и потому особенно опасным.

— Ну, это ясно... — Гоша пожал плечами.

— Нет, неясно. Раз мы призваны защищать с тобой высшую правду, то мы во всем и до конца должны быть правдивы. А я ей сейчас должен лгать? Нет, не могу.

— Ну при чем здесь она? — сморщился Максимов.

— Как при чем? Она моя... будущая жена, самый близкий мне человек.

— Ну и прекрасно! — почти выкрикнул Гоша. — И радуйся! Чего тебе надо?

— Мне надо, чтобы я честно смотрел ей в глаза. А я ей сказал неправду.

— Но ведь во имя дела! Большого государственного дела!

— Я понимаю... Так надо. Но, пока я ей не могу сказать правды, мне трудно с ней встречаться.

Максимов пожал плечами.

— Я бы на твоём месте смотрел на это дело проще.

— Извини, проще не могу.

Перед тем как встретиться с Кухонцевым, Рублев на- вел о нем справки на Петровке. Но сотрудник этого отдела никаких конкретных сведений о Кухонцеве сообщить не мог. Да, задерживался в гостиницах за нарушения общественного порядка. Дважды вызывался на беседы. Давал слово, что покончит с фарцовкой. Просил только не сообщать тестю. Последние полгода в гостиницах Кухонцева не видели. Возможно, действительно покончил со спекуляцией тряпками. Но, вероятнее всего, действует через посредников.

Валюта? Да, однажды покупал в киоске «Националя» магнитофон на доллары. Объяснил, что доллары ему подарили друзья. На первый раз дела заводить не стали. Больше сведений такого рода не поступало.

«Если Кухонцев — мошенник, то достаточно ловкий, — рассуждал Рублев, — умеет по крупному не попадаться. Но возможно, просто дилетант».

Но главное выяснить: ищет ли Кухонцев сам встречи с иностранцами, или кое-кто из них ищет встречи с ним? И кто все-таки этот Горбоносый, с родинкой?

Рублев вызвал Кухонцева в отделение ГАИ. Поводом для этого вызова послужило то, что два дня назад Кухонцев на своем черном «мерседесе» в очередной раз нарушил правила уличного движения: проехал на красный свет в переулке недалеко от Кутузовского проспекта.

Почему-то Рублев представлял Кухонцева щуплым, невысоким, невзрачным. Но перед Рублевым предстал кинематографический герой-любовник: крупное, сильное тело, ленивые движения, обезоруживающая улыбка, часто вспыхивающая на холеном лице с большими голубыми глазами, свидетельствовали, что он уверен в себе, в силе своего обаяния, что он привык нравиться женщинам. Очевидно, это был жуир, бабник, любитель вкусно поесть, сладко поспать, весело провести время. Все на нем сидело как-то ловко, изящно — и зеленоватый пиджак из тонкой, переливающейся ткани, и коричневые брюки, и желтая рубашка с пуговичками на углах воротника. А галстук в косую узкую полоску был завязан очень тщательно. Несмотря на жару, Кухонцев был свеж, будто только что принял ванну, и сколько Рублев ни присматривался к нему, он не мог обнаружить никаких следов волнения

или страха. И Рублев подумал, что этот человек, чувствуя за спиной почтенную, всеми уважаемую фигуру тестя, не боится никого и ничего. Он уверен, что ему помогут выпутаться из самой затруднительной ситуации.

И эта уверенность Кухонцева в собственной неуязвимости вызывала в Рублеве раздражение, как, впрочем, раздражала ленивость его движений, ленивость крупного, сильного животного, и безмятежное выражение лица, характерное для людей, не знающих тягот жизни, не обременяющих свой мозг ни абстрактными, ни конкретными бытовыми проблемами.

Но Рублев подавил в себе это раздражение и, стараясь быть дружелюбным и непринужденным, задал Кухонцеву несколько формальных вопросов: какой институт окончил, где работает, давно ли водит машину, хотя все это было ему известно: накануне он навел о Кухонцеве все необходимые справки.

Он работал младшим научным сотрудником научно-исследовательского института, получал сто двадцать; «мерседес» раньше принадлежал его тестю и перешел к Вадиму Кухонцеву как свадебный подарок.

Кухонцев отвечал охотно, с видом человека, который и сам осознает свою вину, но относится к ней снисходительно и рассчитывает, что и другие отнесутся к пей так же. «Ведь все это пустяки,— говорили его глаза.— И зачем столько хлопот и разговоров из-за таких пустяков? Смотрите, какой я красивый, какой обаятельный, неужели мне нельзя простить этой маленькой шалости?»

Рублев догадывался, что его собеседник играет в парня милягу не только по привычке, но и с умыслом: инспектор ГАИ отобрал у него водительские права, и сейчас он надеялся, что вернут их ему без лишних хлопот.

— Вы ведь не первый раз нарушаете правила, — заметил Рублев. — Вот и за рулем вас видели в излишне веселом состоянии...

Кухонцев пожал плечами: мол, что поделаешь! — был такой грех.

— Случайно получилось, — пояснил он, улыбаясь, — был в гостях, ну, приятели уговорили.

Рублев помолчал, разглядывая собеседника.

— Уж очень много случайностей, Вадим Леонидович... Случайно в нетрезвом состоянии за рулем, случайно несколько раз нарушали правила движения, случайно при-

торговываете тряпками и запчастями. Не много ли случайностей?

Последнего Кухонцев не ожидал: улыбка исчезла с его лица.

— Кстати, — продолжал Рублев, — откуда вы все это берете? Детали к иностранным машинам, например, у нас не продаются.

— Ну зачем так грубо, капитан (Рублев был одет в форму капитана ГАИ), — опять засиял улыбкой Кухонцев. — «Приторговываете». Просто уступил хорошим людям то, что мне было не нужно самому.

— Уступили? Но не бесплатно?

— Этого я не помню... Возможно, какие-то деньги друзья мне и дали. Просто решили, что принять бесплатно им неудобно.

— Возможно... — Рублев сделал вид, что этот довод его убедил. — Ну, а откуда все же вы сами добыли это ветровое стекло?..

Кухонцев деланно засмеялся:

— Товарищ капитан, ставите меня в неудобное положение. Друзья достали мне кое-какие запчасти просто так, желая сделать мне приятное. А теперь я их должен выдать? Мне просто неудобно... Поставьте себя на мое место.

— Поставьте себя на мое, — после небольшой паузы возразил Рублев. — Дело в том, что за последнее время в Москве было несколько случаев угона машин иностранных марок. Их раздевали догола и бросали в лесу. Кто этим занимается? Не ваши ли великодушные друзья?

— Это исключено! — запротестовал Кухонцев. — У меня нет таких друзей. Они все порядочные, солидные люди.

— Допускаю. Но где ваши друзья могли взять эти запчасти? Согласитесь, не в магазине...

Кухонцев покусывал губы.

— Нет... нет... это исключено...

— А я такой возможности не исключаю. И поэтому вам придется назвать фамилии ваших друзей.

— Но я не помню. — Он пожал плечами.

— Придется вспомнить, Вадим Леонидович!

На лбу у владельца «мерседеса» проступили капельки пота. Дело принимало совсем неожиданный оборот. Он приготовился к нотации, штрафу, передаче правил улич-

ного движелия. Но только не к разговору на эту тему. Он вспомнил неприятное объяснение с тещей, с женой. Угодил он в историю! Черт знает, чем она кончится. Как заботливый садовник бережет цветущие яблони от холодов, так и Кухонцев беспокоился о своем хорошем настроении. Но в эти дни все как будто сговорились и непрерывно его угнетают. Может, назвать этому капитану фамилию Павла и тогда он отвяжется?

Но как ни беспечен был Кухонцев, он понимал, что делать этого не следует. А вдруг этот Павел достал детали незаконным путем? Тогда, пожалуй, привлекут к ответственности и его...

— Ну как, вспомнили?

Кухонцев опять сверкнул улыбкой:

— Ну хоть убейте, капитан, не помню...

— Хорошо. Тогда боюсь, что прав вам не видеть...

У нас есть все основания лишить вас годика на два...

Кухонцев остановил на Рублеве иронический взгляд.

— А вы, капитан, жестокий человек. Вы из тех, кому доставляет удовольствие делать гадость людям...

— Не будем говорить обо мне. Поговорим лучше о вас. Вам никогда не приходило в голову, что вы своим поведением бросаете тень на своего тестя? И если хотите знать, мы беспокоимся не столько о вас, сколько о нем.

— В этом мы разберемся с ним сами.

— Разберетесь? Думаю, что для этого он слишком занят. А чем заняты вы?

— Я? — удивился Кухонцев. — Служу. Как исправный чиновник каждое утро хожу на работу. Ровно к девяти.

— Вот именно ходите! И только... Что-то никто из ваших товарищей не слышал о ваших трудовых подвигах.

Кухонцев поднялся, расправив ремень.

— Послушайте, капитан... Не слишком ли много вы на себя берете? Как говорят англичане: «Mind your own business»¹.

— I'm afraid that this affair is not only yours, because it concerns your father-in-law.²

¹ Не суйте нос не в свое дело...

² Боюсь, что это дело не только ваше, поскольку оно касается вашего тестя.

— О! — Большие глаза Кухонцева расширились. — Капитан ГАИ говорит на прекрасном английском! Уж не Оксфорд ли вы окончили, капитан?

— На вашем месте я не настраивался бы на веселый лад, — заметил Рублев.

Кухонцев сел, не сводя взгляда с Рублева, достал пачку сигарет.

— Курить можно?

— Курите.

Кухонцев чиркнул красивой зажигалкой, выпустил облачко дыма.

— Что вы хотите, капитан? Чтобы я предал друзей?

— Можете называть это так. Я формулировал бы это иначе: помочь найти преступников.

— С вашей точки зрения они преступники, с моей — милые друзья, облегчающие нам жизнь. Поэтому ищите, я не возражаю, но без меня.

— Тогда «мерседесу» придется отдохнуть.

Владелец его пожал плечами и поднялся.

— I hope to see you again, captain¹. Не сомневаюсь, что права будут у меня.

— I don't think so².

— Хорошо, посмотрим. Но не переоценивайте свои силы, капитан.

Рублев сделал вид, что не слышал угрозы.

* * *

Кухонцев рассчитывал, что права ГАИ ему вернет. Если не добровольно, то под нажимом кого-нибудь из его влиятельных знакомых. К самому тестю он по этому вопросу обращаться, конечно, не решится. Больше он рассчитывал на друзей тестя, которые бывали у него в доме. «Подумаешь, какой-то капитанишко! Позвонят ему — сам принесет на блюдечке».

Кухонцев, конечно, не знал, что в тот же день Рублев позвонил в московское городское ГАИ и договорился с его сотрудниками, чтобы владельцу «мерседеса» ни в коем случае не возвращали права и не выдавали новые, даже если бы у Кухонцева нашлись влиятельные ходатаи.

¹ Надеюсь, что еще увижусь с вами, капитан.

² Уверен, что нет.

Рублев не сомневался, что, убедившись в бесполезности своих попыток, Кухонцев сам придет в ГАИ и назовет фамилию водителя той самой «Волги», который, как предполагал Сергей Николаевич, и поставлял Кухонцеву запасные детали.

Он был убежден, что дипломатическая машина появилась у дома Смелякова не случайно, что дело здесь не только в деталях к машинам иностранных марок. Вполне естественно было предположить, что запчасти служили только поводом для налаживания контактов с семьей Смелякова. Эту догадку Рублев и высказал на очередном совещании у Петракова. Тот согласился, однако распорядился вести проверку и в иных направлениях. Из милиции; из спецчасти института к Рублеву стекались сведения о других сотрудниках, причастных к работе над жидкостью «зет», но эти сведения не давали никакой зацепки. Сотрудники не были замешаны во внеслужебных контактах с иностранцами, около них не крутились подозрительные личности.

Мысли Рублева все чаще и чаще возвращались к показаниям пожилого уполномоченного, который упомянул горбоносого человека с родинкой на виске. Этот Горбоносый даже снился ему по ночам. Кто он? Чем он занимается? Почему он появился на кладбище у могилы купца Маклакова? По случайному стечению обстоятельств? Или все же между ним и Рыжим есть какая-то связь?

Насчет подлинной профессии рыжего англичанина у Рублева не было никаких сомнений: уж очень он активно вел себя в последнее время. Если этот «дипломат» встречается с Горбоносым, то тогда появление последнего у подъезда Смелякова никак нельзя назвать случайностью. Не есть ли это та цепочка, по которой информация о работе над жидкостью «зет» попала к разведке противника?

Кто же все-таки этот Горбоносый?

В пятницу, вернувшись с работы, Павел Рудник обнаружил в почтовом ящике конверт. Обратного адреса на нем не было. В конверте лежал счет за квартирную плату. Обычный бланк, в котором была проставлена сумма причитающейся квартплаты. Если бы он попал в посторонние руки, то вряд ли на него обратили бы внимание. Но Руднику он говорил многое: цифры обозначали не

только сумму, но и дату и место его встречи с Гансом Кушницей. Первые две цифры означали число и месяц, две вторые — время, помер бланка — место встречи.

Да, Кушниц вызывал его на связь.

Встреча должна была состояться 27 июля в 18 часов на семнадцатом километре по Ленинградскому шоссе, там, где оно пересекается с Окружной дорогой.

В назначенный день Рудник взял такси и отправился за город.

Жара еще не спала, и в старой «Волге» с продранными сиденьями было душно и разило бензином. Ленинградское шоссе было загружено машинами: все спешили после работы на дачи. Рудник то и дело смотрел на часы: он боялся опоздать на встречу, что строжайше запрещал шпионский кодекс. Но без пяти шесть Рудник уже был на семнадцатом километре. Кушница он заметил еще издали: тот стоял на автобусной остановке. Когда до остановки оставалось метров двести, Рудник попросил водителя остановиться. Он вышел из машины и неторопливо пошел вперед, по привычке скрыто оглядываясь. Не заметив ничего подозрительного, он подошел к Кушнице. Тот был в светлых брюках и полосатой рубашке с короткими рукавами, с синей авиационной сумкой через плечо, молодой, здоровый, лицо и шея покрыты легким заггаром.

— Пожалуй, пройдемся пешком. — Он встретил Рудника приветливой улыбкой.

И Рудник впервые подумал, что, собственно, заставило этого красивого молодого человека заниматься столь сомнительным ремеслом? Ведь он мог бы стать ученым, бизнесменом, инженером или даже артистом. Неужели он не понимает, что рискует головой? Эх, будь он в его возрасте, да еще с такой привлекательной внешностью, он нашел бы себе занятие получше теперешнего.

На лице своего партнера Рудник не обнаружил никаких следов тревоги, что подействовало на него успокаивающе.

Они спустились с автострады, прошли метров двести по узкому шоссе, которое вело в город Химки, а затем по пыльной тропе. Выбрались на берег канала. Кушниц шел уверенно, видимо, уже побывал здесь раньше.

— Устроим небольшой пикник, — сказал Кушниц, усаживаясь под кустом орешника. — Мы простые совет-

ские граждане, пришедшие после трудового дня искупаться и закусить на лоне природы.

Кушниц вынул из сумки целлофановый пакет, аккуратно расстелил его на траве, потом достал четыре бутылки чешского пива «Будуар» и полдюжины бутербродов. Он ловко открыл маленьким ножом одну из бутылок и протянул ее Руднику.

— Угощайтесь. Что-то не видно бодрости на вашем лице.

— Просто устал...

— А может быть, что-нибудь случилось?

— Ничего особенного.

— Тогда радуйтесь жизни, Павел. Вон как те люди внизу. Посмотришь на них и поверишь, что советский человек, как утверждает ваша пропаганда, оптимист со дня рождения.

«У него еще хватает духу острить», — подумал Рудник, глядя, как внизу, на пляже, ребята играли в волейбол, а в воде весело плескались люди.

— Ну, выкладывайте, что у вас нового?..

Рудник рассказал о знакомстве с Кухонцевым, о том, что передал тому ветровое стекло для «мерседеса», карбюратор, несколько зажигалок и две пары джинна.

— Мне удалось сделать главное — установить фамилию его тестя. Смеляков Роман Алексеевич, доктор химических наук. Ему сорок восемь лет, имеет жену и дочь.

— Прекрасно! Привычки, хобби, слабости?..

— Насколько я могу судить по рассказам Вадима, Смеляков — настоящий фанатик. Он не ездит ни на рыбалку, ни на охоту. Ничего не коллекционирует. Его интересует наука — и только. В деньгах, естественно, не нуждается.

Кушниц усмехнулся.

— Неужели бывают такие люди... Просто не верится...

— Вадим рассказывает, что Главный два года ходит в одном костюме...

— А вы говорите, что не нуждается...

— Да не в этом дело. Жена купила ему несколько костюмов, но он их не одевает. Говорит, что привык к старому и менять его не хочет.

— Странный тип!

— И в самом деле странный! Например, на работу он ездит не на служебной машине, а на велосипеде. Говорит, что это укрепляет здоровье...

— Любопытно!

— Ему, например, ничего не стоит появиться на работе в тренировочном костюме. Он уверяет, что это самая удобная и рациональная одежда, которую только изобрело человечество.

— Да... — протянул Кушниц. — Сподвижник от науки, бессребрепик. Не верю я этим бессребрепикам. Знаете, Павел, это мне напоминает один случай. Группа гангстеров хотела подкупить судью. С этой целью направили к нему агента. Вскоре агент вернулся и сообщил, что судья неподкупен, взятки не берет. «Что значит не берет! — возмутился главарь шайки. — Ну, десять тысяч не берет, ну — сто. Но миллион-то он возьмет!»

Рудник засмеялся, а его собеседник продолжал:

— Нет неподкупаемых, Павел! У каждого человека есть своя, как это по-русски... червоточинка! Вот в нее-то и надо бить!

— Насколько я знаю, — начал после паузы Рудник, — у этого человека только одна слабость — честолюбие! Профессиональное честолюбие!

— Вот видите! — восторженно воскликнул Кушниц. — Я же вам говорил! У каждого человека есть ахилесова пята — иначе как бы мы с вами работали, Павел! Честолюбие — это уже кое-что стоит. Спасибо, вы не плохо поработали, Павел!

Они помолчали. Рудник искоса наблюдал за своим соседом. Тот потягивал из горлышка бутылки пиво и смотрел на пляж. Впервые Рудник слышал, что его напарник высказывался откровенно. Рудник знал, что правила игры запрещают расспрашивать партнера о чем-то личном, вдаваться в детали, не относящиеся к делу. И все же любопытство сейчас взяло в нем верх.

— Ганс, извините за пескромный вопрос. Что вас заставило взяться за такое вот дело? Можете не отвечать, если хотите...

— А вас? — Кушниц скосил глаза в сторону своего собеседника.

— Меня? — Рудник замаялся. — Ну, я рыбка, которая однажды попала на крючок. С тех пор кто-то водит удочкой, а я мечусь в мутной воде... И уж, видно, никогда не всплыву на чистую.

— Все мы рыбки на крючке... — Кушниц покрутил бутылку. — Мои родители были эмигранты, апатриды, лю-

ди без гражданства. Мы жили в бараках для перемещенных лиц. Поверьте — это не такое уж счастье. Образование получить я не мог. Что меня ждало? Изнурительная работа на конвейере. За гроши. Нищета, вечная нищета! А знаешь, Павел, бедность особенно противна, когда под носом у тебя безрассудная и без интеллекта роскошь. И вот однажды мне предложили работу за хорошие деньги. Я мог себе сколотить приличную сумму и, вернувшись, зажить как человек...

— Но эти деньги за риск...

— Да, риск... Но как говорят у вас: «Кто ничем не рискует, тот ничего и не выигрывает».

«Зелен ты, — думал Рудник. — Будь у меня сын, не пожелал бы ему такой профессии, если шпионаж можно назвать профессией. Не от хорошей жизни занялся ты этим делом».

Размышления Рудника прервал грохот музыки: из-за поворота внезапно появился теплоход, ослепительно белый, и нос его гнал косую волну. Было что-то праздничное, торжественное в его облике, в его медленном движении. У поручней стояли люди и махали тем, кто был на пляже. Руднику вдруг захотелось оказаться там, на борту этого красавца. И хорошо бы, если рядом была Лида, веселая, беззаботная, а кругом грохотала музыка, и они танцевали бы с ней в толпе таких же веселых и беззаботных людей.

Рудник так живо себе представил эту сцену, что невольно поморщился, когда голос Кушница вернул его к реальности.

— Мы отвлеклись от дела. Как вы считаете, может ли этот, как его... Кухонцев быть нам полезен?

— Вряд ли. Он сообщил все, что знает. Думаю, что поддерживать с ним контакт и дальше не стоит. Он болтлив, особенно когда выпьет, и вообще... ненадежен.

— Тогда прекратите с ним всякие отношения. Но найдите благовидный предлог. Вы можете, например, куда-нибудь уехать. Кстати, он знает ваши координаты?

— Нет.

— Прекрасно. Теперь о вашей знакомой. Можно привлечь ее к сотрудничеству?

— Не стоит, — поспешно ответил Рудник. — Ведь она, насколько я понял, не имеет доступа к секретным материалам. Она всего-навсего — старший лаборант.

— Тогда попытайтесь через нее познакомиться с человеком, полезным для нас и более влиятельным. Пусть вас не стесняют расходы. Деньги, дефицитные вещи... Помните — неподкупных нет. Если не берут десять тысяч, то сотни тысяч возьмут.

Рудник обещал попытаться, хотя в душе не был уверен. «Хватит тех сведений, что я добыл. На кой черт мне совать голову в петлю! Что ни сделай — им все мало. Потом они потребуют что-то еще и еще, до тех пор пока не завалишься». — Так думал он, когда, договорившись о новом способе связи, они разошлись и Рудник в подавленном состоянии брел к Ленинградскому шоссе.

На следующий день Кушниц передал Маккензи добытые сведения. Подробно характеризуя Смелякова, он, между прочим, писал:

«Вряд ли реально добровольное сотрудничество Смелякова с нами. Это можно сделать только в принудительном порядке. Рекомендую пригласить его под каким-нибудь благовидным предлогом в Великобританию и там заняться им тщательным образом. Операция «Феникс» продолжается».

Максимов ошибался, рассчитывая, что Маккензи не заметил, что у памятника купцу Маклакову поставлено наблюдение.

Обычно, положив сообщение в тайник, Маккензи не сразу уходил с кладбища, а совершал вокруг памятника небольшую прогулку. Слившись с толпой, он обычно прохаживался по соседним аллеям, наблюдая, не подойдет ли кто-нибудь к памятнику.

Так поступил он и на этот раз. Но теперь, проходя в третий или четвертый раз мимо, Маккензи обратил внимание на человека в соломенной шляпе с букетом цветов в руках. Человек этот открыл ограду и рассматривал памятник слишком внимательно и долго. Это показалось Маккензи подозрительным.

Он перешел на соседнюю аллею и стал наблюдать за человеком в соломенной шляпе. Тот постоял у памятника, потом прошелся по аллее, то и дело оглядываясь, посидел на скамейке, время от времени посматривая на памятник. Затем снова подошел к памятнику, положил цветы и ушел, оглядываясь. Сомнений не было: за тайником велось наблюдение.

Взволнованный Маккензи вернулся в посольство. На следующий день к тайнику должен был подойти Гаус Кушниц и вынуть записку. Нужно было во что бы то ни стало предупредить того о грозившей опасности. Хотя инструкция категорически запрещала им встречаться, Маккензи все-таки решил непременно повидать Кушница и предупредить его, чтобы тот не появлялся у тайника.

Сев в «мерседес», Маккензи направился к зданию СЭВ. В шесть часов вечера у Кушница кончался рабочий день. Маккензи поставил машину на набережной так, что ему хорошо был виден подъезд СЭВа.

Над Москвой теснились огромные лиловые тучи, где-то за Ленинскими горами висели косые полосы дождя. С реки тянул свежий ветер. Маккензи нетерпеливо поглядывал на часы. Было четверть седьмого, когда он заметил тонкую фигуру Кушница. Выйдя из подъезда, тот поднялся на Арбатский мост и запагал по направлению к Кутузовскому проспекту. Маккензи дал ему пройти метров двести, потом завел машину, выскочил на мост и обогнал быстро идущего Кушница.

Прижав машину к обочине, он сделал вид, что осматривает колесо. Кушниц узнал Маккензи сразу, хотя ни на мгновение не замедлил шага. Он продолжал идти, глядя прямо перед собой.

— Не ходите к тайнику, — успел вполголоса крикнуть ему Маккензи. — Опасно...

Серые глаза Кушница на мгновение сузились, но он прошел мимо, не сказав ничего...

Маккензи еще раз ткнул каблуком заднее колесо, потом сел за руль и поехал в посольство.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЕГО ЗОВУТ ПАВЕЛ

Едва Смеляков переступил порог квартиры и в прихожей увидел озабоченное лицо жены, он сразу понял, случилось что-то неприятное. Однако он знал по опыту, что расспрашивать жену вот сейчас, сразу — бесполезно: она будет уверять его, что все в порядке, что ровным счетом ничего не случилось, что просто ему показалось. Пройдет какое-то время, и она сама ему все расскажет.

Поэтому, сделав вид, что ничего не заметил, он поцеловал жену и сразу прошёл в ванну. Там он долго плескался, потом посвежевший, с влажными, аккуратно расчесанными белесыми волосами, в легком тренировочном костюме (пижам он не признавал) вернулся в столовую, где уже стоял ужин.

— Катя дома? — спросил он жену.

— Нет. Куда-то ушла.

— А Вадим?

Жена пожалала плечами, при этом брови ее сдвинулись. Смеляков налил себе рюмку коньяку, с удовольствием выпил и принялся за салат из помидоров. Занятый едой, он поглядывал на жену, которая забрасывала его обычными вопросами: как дела на работе? Что нового у Сидельникова, у Левашова? Когда он сегодня обедал? Она старалась казаться оживленной, но он видел, что она только выигрывает время для серьезного разговора. Надежде Ивановне было около сорока. Сохранилась она прекрасно, но выражение высокой ответственности, которое она как жена столь исключительного мужа постоянно, даже дома, сохраняла на своем лице, придавало ее еще очень молодым чертам старившую ее солидность. Она большое внимание придавала внешним манерам и именно с этой точки зрения рассматривала других людей. Надежда Ивановна думала, что в доме ее мужа, столь прославленного, должен господствовать элегантный, утонченный стиль. Вот почему она всей душой одобряла брак Кати с Вадимом: в этом молодом человеке чувствовались культура, умение себя держать, «хорошее воспитание». («Ничего этому не придают значения, — любила она говорить, — и от этого столько неприятностей».) Ее муж ни в грош не ставил все эти вещи, и Надежда Ивановна считала его взгляды глубоким заблуждением, но прощала их, ибо считала, что ее мужу можно прощать многое, что он слишком занят делами высокими. Она была очень огорчена, когда увидела, что за хорошими манерами Вадима кроется грубый эгоизм, внутреннее равнодушие ко всему, кроме собственной персоны. «Боже мой, что же теперь будет! — восклицала она. — Как я могла ошибиться в нем!» Родители Надежды Ивановны прожили до конца жизни, сохранив уважение и нежность друг к другу, и других супружеских отношений она не могла себе представить. «Что же будет с Катей!» Развод представлялся

Надежде Ивановне полным жизненным крахом, позором, началом медленного ухода из жизни, причем не только расторгающих брак, но и окружающих их близких. Да, это так. Некоторые говорят: Надежда Ивановна, не волнуйтесь, не переживайте за Катю. Надежде Ивановне от этих слов становилось страшно. Ее не только серьезно беспокоила судьба дочери, но то обстоятельство, что ее представление о настоящем человеке потерпело полный провал. И еще беспокоило, что ее дочь, в сущности, была в меньшей степени огорчена всем случившимся, чем она сама. Надежду Ивановну и огорчало и пугало это легкое отношение современных молодых людей к браку.

В доме всегда шло все хорошо, а сейчас чувствовалась напряженность, действовавшая Надежде Ивановне на нервы. Сегодня она решила, что обязательно должна поговорить с мужем. Он закончил ужин и пошел в свой кабинет. Одну из стен кабинета занимал стеллаж с книгами, альбомами, памятными подарками, сувенирами; противоположная стена была увешана фотографиями с дарственными надписями. Среди них фотографии известных ученых, общественных деятелей, крупных хозяйственников, летчиков-испытателей, космонавтов. Это был мир больших людей, вершивших исторические дела.

Роман Алексеевич сел за свой рабочий стол, на который Надежда Ивановна уже положила новые научные журналы, информационные бюллетени — зарубежные и отечественные. Уже по выражению лица жены Смеляков понял, что она готова к разговору, но медлит, видимо не зная, как его начать.

— Так что с Катей? — задал он вопрос, чтобы облегчить ей задачу. — Как они с Вадимом?

Надежда Ивановна вздохнула.

— Вадим... Я его последнее время почти не вижу... Станный он человек...

— Почему странный? — спросил Смеляков, хотя знал, что имеет в виду жена. Неудачное замужество его дочери не было для него секретом.

— Знаешь, Рома, я давно хотела с тобой поговорить. Но все не хотела тебя беспокоить.

Смеляков начал было листать журнал, но затем отложил его и выжидательно посмотрел на жену.

— Мне нужна твоя помощь, Рома, — тревожно проговорила она.

Он молча ждал.

— Сегодня я узнала такое, от чего у меня сердце оборвалось. Ты знаешь, Вадима вызывали в милицию.

— Что такое? Это еще почему? — Он весь напрягся.

— Точно не знаю. Но что-то связанное с машиной.

— Откуда тебе это известно?

— Рассказали его товарищи по работе.

— И что же они тебе рассказали?

— Вызывали его... Лишили прав. За рулем в нетрезвом состоянии...

— Ну и правильно сделали. С ним это, кажется, не в первый раз?

— Да не в этом дело! — с раздражением перебила его жена. — Тут что-то связано со спекуляцией. То ли он чего-то продает, то ли незаконно приобрел... Какое-то неприятное дело.

Смеялков сдвинул брови, помолчал.

— А что ты, собственно, ждала от этого субъекта?

— Но только не этого.

— Почему же? Я вообще не понимаю, как он попал в наш дом. Куда смотрела Катя? Красив, элегантен? Манеры... Ну и что из этого?

— Рома, не горячись. Мне он казался вполне приличным молодым человеком.

— Казался... Это серьезный аргумент...

— Пожалуйста, не иронизируй. Лучше подскажи, что делать?

Роман Алексеевич встал из кресла и подошел к окну. Жена вопросительно смотрела на его широкую спину и крутой затылок.

— А Катя? Она знает, что делать? Ты с ней говорила?

— Да, и я поняла, что она не очень дорожит им.

— И прекрасно! Вот пусть она и решает!

— Но ты поговорил бы с ней сам...

— Она что, маленькая? Разве она настолько глупа, что не может разобраться что к чему?

— Но, Рома. Она действительно еще неопытна.

— Ну, нет. Ей двадцать три года. За ее плечами вуз. Мне просто стыдно в этом возрасте учить дочь элементарным вещам.

Жена встала и, сцепив пальцы, нервно заходила по кабинету.

— Рома, ты меня извини за резкость. Ты ученый, а о молодой современной семье рассуждаешь примитивно.

Иногда Смеляков выпивал за ужином не больше одной рюмки, но тут, поддавшись возбуждению жены, он вернулся в столовую и налил другую.

— Рома, — наконец обратилась она к молчавшему супругу, — я все понимаю. Ты человек принципа. Но в жизни, в семейной, иногда нужно идти на компромисс. Ведь она дочь наша... Ну, разведется она! Ну что в этом хорошего! Только и слышишь кругом: разводы, разводы, разводы...

— В данном случае развод — не самый худший вариант, — откликнулся он.

— Не худший? — Надежда Ивановна повернулась к нему. — Ну, нет. Развод — всегда трагедия. Он опустошает душу, сердце. Он обесцеливает жизнь.

— Возможно, что и так. Но что ты хочешь? Чтобы я собственноручно укреплял семью, в которой мужчина — просто не мужчина. Пустое место! Тушеядец!

— Ну зачем так, Рома! Он все-таки инженер! Работает!

— Работает! Чепуха! Делает вид, что чем-то занимается. Никогда не слышал, чтобы он говорил о своей работе. Я не видел в его руках ни одной книги. Только друзья-приятели, рестораны. Он и Катю приучил пить.

— Ну, это ты преувеличиваешь!

— Нисколько! Он каждый день пьет. Каждый день ресторан, гости... Почему он вообразил, что жизнь для него — сплошной праздник?

— Но ведь он молод, красив...

— Вот именно в его возрасте люди и создают что-то дельное.

— Но, Рома, вся эта история бросает на нас тень. Ведь эта повестка...

— Ну и что? — Он живо повернулся к жене. — Что повестка? Разве Вадим ребенок? Пусть отвечает за свои поступки сам. На меня может бросить тень только мое поведение, мои ошибки.

— Но Катя — твоя дочь... — прошептала жена, округлив глаза. — И ты несешь за нее ответственность.

— Наверное. Но до определенного возраста. Они с мужем взрослые люди. И пусть не думают, что сумеют свои неурядицы прикрыть моим именем.

— Рома, что ты говоришь? По-моему, твоя работа высушила у тебя все чувства.

Смеяков усмехнулся.

— Ну, ты всегда отличалась страстью к драматическому искусству.

— Ты же должен воздействовать на детей. — Жена подошла к нему, присев рядом на стул. — Ведь у тебя же есть характер. Ты же умеешь влиять на других людей. Ну, например, на подчиненных:

Смеяков тяжело вздохнул.

— Может быть, — проговорил он после паузы. — Но я им не навязываю свою волю. Самая главная ошибка — навязывать свою волю. Человек, если он только человек, должен сам уметь управлять собой. Кстати сказать, в институте я никого не насилую. Я даю возможность проявить себя каждому. Может, поэтому мы и сумели добиться кое-чего.

— Рома, ты увлекаешься! При чем здесь институт? Речь идет о твоей дочери.

Смеяков склонился над журналом.

— Что ты хочешь? — спросил он наконец, подняв голову.

— Поговори с Катей, с Вадимом. Все это ужасно неприятно.

Смеяков нахмурился. С дочерью он поговорить не против, но с Вадимом? Он представил себе его самодовольную физиономию, его крупное, сильное тело красивого животного и невольно в душе поднялась волна неприязни. Говорить с этим тунеядцем, прожигателем жизни? Нет! И противно, и бесполезно. Смеяков не одобрял выбора дочери, хотя понимал ее как женщину. Красота подкупает. Но он не мог понять, как она не могла разглядеть своевременно его внутреннюю сущность.

— У него отобрали права, — продолжала жена.

— И правильно сделали. Давно пора. Что еще за мода садиться за руль пьяным?

Жена вздохнула.

— Он дал мне слово, что больше этого не будет.

— И ты поверила?

— Рома, но он муж нашей дочери. Надо бы ему помочь. Все-таки без машины неудобно — далеко ездить на работу.

— Ничего, доберется на общественном транспорте.

— Но, может быть...

— Никаких но... И не вздумай обращаться за помощью к моим знакомым. А с дочерью я поговорю...

* * *

В понедельник, едва только Рублев переступил порог рабочего кабинета, ему позвонил Петраков.

— Сергей Николаевич, зайдите ко мне.

Петраков взволнованно расхаживал по кабинету, ероша свою густую с проседью шевелюру.

— Вот, читайте, — протянул он вопиющему Рублеву лист бумаги.

«Просим все свое внимание сосредоточить на том, чтобы установить фамилию автора изобретения и возможности вступления с ним в контакт», — пробежал Рублев машинописные строчки.

Это была расшифрованная записка, найденная в тайнике на могиле купца Маклакова.

— Что вы скажете? — спросил Петраков, когда Сергей Николаевич вернул ему текст записки.

— Скажу, Анатолий Васильевич, что разведка противника, безусловно, интересуется новой антиракетой. Дело это вполне естественное: ведь мы с вами ожидали подобных действий со стороны противника. Но не знали, с какой стороны эти действия последуют.

— Пока у нас есть только одна зацепка — Горбоносый. Кто он? Знает это только Вадим. Займитесь-ка им, Сергей Николаевич, вплотную.

Рублев замаялся.

— Тут есть одно щекотливое обстоятельство. Может быть, кто-нибудь другой?..

— В чем дело? Выкладывай. — Петраков посмотрел на Рублева с любопытством. — Что случилось?

— Почти невероятная история. Видите ли... — Сергей Николаевич с трудом подбирал слова. — Я познакомился с девушкой... И, как бы вам это сказать... В общем, у меня в отношении ее серьезные намерения...

— И прекрасно! Красивая? — Петраков был явно польщен откровенностью Сергея.

— Сами понимаете, для меня лучше нет...

— Ну что ж, очень рад! В свидетели возьмешь?

— С удовольствием. Но тут, понимаете, такое дело...

Она дочь Смелякова. Я узнал об этом совершенно случайно...

— Ого! — воскликнул полковник. — Как же это произошло?

Рублеву пришлось рассказать все от начала до конца. Петраков слушал его внимательно, постукивая кончиком карандаша по столу...

— Да, ситуация! — вырвалось у него.

— Понимаете, Анатолий Васильевич, помимо моей воли к служебному делу примешалось личное. Может быть, вы отстраните меня от операции?

— Ну, что за разговор? Кому это нужно! Продолжайте. Конечно, желательно, чтобы эта девушка не знала, что вы занимаетесь фирмой ее отца... Она может проговориться дома, а это — нежелательно. Мы не имеем права беспокоить самого Смелякова.

— Мне трудно ей говорить неправду.

— И не говорите.

— У меня случайно вырвалось, что я знаю ее мужа. Вернее, она догадалась.

— Ах да!.. Она что, разводится?

— Этот вопрос решенный. Иначе я бы не был с ней знаком.

— Но, надеюсь, не из-за тебя?

— Нет. Они не ладили давно и уже, по существу, давно чужие.

— Я ее понимаю... Насколько я знаю Кухонцева, иметь такого мужа — счастье небольшое. А как дети? Дети у них есть?

Рублев ждал этого вопроса. Он представлял, как трудно было бы Петракову с его цельностью и бескомпромиссностью представить себе, что его сотрудник замешан в чем-то предосудительном.

— Нет, — ответил Рублев.

— Тогда еще полбеды. Но она-то серьезный человек?

— Уверен, что да.

— Смотри, Сережа... — Петраков впервые назвал его по имени, — не промахнись... В общем, желаю счастья. А что касается ее... Как, кстати, ее зовут?

— Катя.

— Так вот... сделай так, чтобы Катя пока ни о чем не догадывалась.

— Я решил с ней временно не встречаться.

— Ни в коем случае. Ты должен вести себя так, словно ничего не случилось.

— Хорошо, попробую...

Вадим не сомневался, что ему удастся вернуть права. И тут он больше всего рассчитывал на тещу. Он знал, что она была женщиной мягкой и равнодушной к вниманию. Поэтому в последние дни Вадим стал особенно внимателен к ней. Несколько раз он даже приносил цветы, хотя прежде дарил их теще только ко дню ее рождения и то не всегда. Наконец решив, что почва для разговора достаточно подготовлена, он рассказал ей о разговоре в милиции. Она обещала помочь. Но, узнав от Надежды Ивановны о категорическом отказе «папы Ромы», как фамильярно он звал тестя за глаза, Вадим понял, что ему придется капитулировать. Правда, неприятно, что он подводил этого Павла. Но что поделаешь! В конце концов он не виноват, что им заинтересовалась милиция. Пусть выкручивается сам.

Как-то в конце дня Сергею Николаевичу позвонили из милиции и сообщили о визите Вадима.

— Он разыскивал вас. Говорит, что у него какое-то важное к вам дело, — докладывал начальник отделения. — Мы сказали, что вы будете завтра с утра.

— Хорошо. Завтра я заскочу к вам. Большое спасибо за помощь.

На следующее утро Вадим действительно появился в отделении, как всегда, элегантный, сияющий свежестью и здоровьем. Вел он себя уверенно, как будто ничего не случилось.

— А вы и в самом деле вернете мне права, если я вам назову того человека? — спросил он, улыбаясь.

— Я вашими правами не распоряжаюсь, но буду действовать, — подтвердил свое обещание Рублев.

— Хорошо. Только я не знаю его фамилии. Зовут его Павел.

— Но этого еще мало.

— Да, я понимаю. Кажется, он возит какого-то дипломата.

— Это уже лучше. Опишите его внешность.

Вадим на минуту задумался.

— Ну... высокий, нос с горбинкой, на виске родинка.

— А как вы с ним познакомились?

— Да у меня раз забарахлил карбюратор. Ну, я во-
зился у гаража. Он подъехал, предложил свою помощь.
Достал новый карбюратор. Ну, а потом я дал ему свой
телефон. Вот так и познакомились.

— А у вас нет его телефона?

— Нет. Он не оставил.

Рублев пристально посмотрел на Вадима: лжет или
говорит правду?

— Нам нужен его адрес или телефон, без этого прав
вы не получите.

Кухонцев на мгновение задумался.

— Послушайте, на кой черт он вам сдался? Ну, поду-
маешь, продал пару деталей — неужели это преступле-
ние?

— Скажите, Кухонцев, а этот ваш знакомый не инте-
ресовался вашим тестем?

— А... вот вы куда клоните? Шпион живет этажом
ниже. Свихнулись вы все на этом деле. Только и слы-
шишь вокруг: это нельзя, то нельзя. А почему? Потому
что у меня тесть знаменитый ученый! Ну и пусть он зна-
менитый, пусть занят какой-то там секретной работой —
при чем здесь я? Что ж мне теперь нельзя ни с кем и
познакомиться? Я должен замуровать себя в четырех
стенах и, став на колени, с утра до ночи молиться на
своего гениального тестя?

— Ну, по-моему, от одиночества вы не страдали? —
усмехнулся Рублев и подумал: как же Катя могла с ним
жить? И где-то в глубине души шевельнулась неприязнь
к ней, но только на мгновение. Рублев вспомнил волну
светлых волос, по-детски приоткрытый во сне рот — и
раздражение растаяло. «Каждый может ошибиться: тем
более в восемнадцать лет».

Последнюю реплику Рублева Вадим оставил без от-
вета — лишь едва заметно повел плечом.

— Ну, все-таки... интересовался Горбоносый вашим
тестем или нет?

— Не помню. Возможно, что-то и спрашивал...

— И вас это не насторожило?

— А почему это меня должно было насторожить? Мало
ли кто интересуется моим тестем?

— Ну, а зачем он Горбоносому?

— Не знаю. Он сказал, что видел его несколько раз

на приемах... Слышал, что он автор какого-то изобретения, благодаря которому мы обгоним американцев в ракетостроении.

«Что это все значило? Может быть, со стороны Горбоносого это было невинным любопытством. Но с какой стати он так стремился завязать с Кухонцевым знакомство? Почему оказывает услуги — и не дешевые?» — Все эти вопросы невольно волновали Рублева.

— Я был бы не прочь познакомиться с этим... Горбоносым, — сказал Рублев.

— Черт побери, как же это сделать... Подождите, — встрепенулся Вадим. — Однажды мы ехали из ресторана, и он попросил завезти его в переулок около улицы Кирова.

— Вы сможете показать дом, где он сошел?

— Наверное, смогу, — пробормотал Вадим.

— Тогда поехали прямо сейчас

* * *

Несколько дней назад между ними возникла размолвка, все из-за непонятного для Лидии Павловны стремления Рудника оградить их отношения от посторонних глаз. Она опять усмотрела в этом для себя обиду: значит, ему стыдно с ней показаться на люди. А разговор возник в тот вечер, когда подруга пригласила ее в гости. «Видишь ли, — ответила Лидия Павловна не без тайной гордости, — я теперь не одна». «Ну и прекрасно! Поздравляю! Тогда приходи вместе со своим другом», — сказала Лидина знакомая.

Матвеевой очень хотелось, чтобы Павел пошел в гости. Как всякая женщина, она нуждалась в том, чтобы ее выбор одобрил кто-то другой. И она представила себе, как муж подруги и Павел будут неторопливо беседовать в комнате, а они, женщины, улучив минутку, посудачат на кухне. Лидии Павловне не терпелось поделиться новостями с подругой.

Мягко, но достаточно решительно Павел отверг приглашение пойти в гости. Лидия Павловна заплакала от обиды.

— Неужели тебе за меня стыдно?

— Да как тебе такое могло прийти в голову! — возмутился он.

— Тогда почему мы никуда не ходим? Почему ты до сих пор не познакомишься со своими друзьями? Или у тебя их нет?

Есть ли у него друзья? Он, собственно, никогда не задумывался над этим. Да и не придавал такому пустяку никакого значения. На работе он иногда сближался с кем-нибудь. Но ненадолго. Выпьет раз-другой с этим человеком в кафе, поговорит о служебных делах — и все. Были еще короткие связи с женщинами. Но и к женщинам он не привязывался надолго, а если замечал, что она становилась чересчур настойчивой, то старался от нее отделаться.

Все серьезное, значительное он откладывал на потом. Это «потом» он представлял себе, правда, смутно. Четким в нем были только солидная сумма денег и свобода. Главным образом — свобода от постоянного страха.

Лидия Павловна была первой женщиной, которая вдруг стала для него по-настоящему близким человеком. В ее присутствии он ощущал душевный уют, чего никогда не знал прежде. И он ловил себя на мысли, что ему было бы страшно ее потерять.

Она делала все, чтобы быть для него необходимой. Стоило ему заикнуться о том, что ему нравится какое-то блюдо, и на следующий день это блюдо в ее исполнении красовалось на столе. Как-то случилось, что он передоверил ей и ведение своего холостяцкого хозяйства. Она стирала его белье и носила в прачечную его рубашки.

Через месяц после знакомства он практически переехал к Лидии Павловне. Они могли бы жить и у него, но она настояла на таком варианте. («Привыкла к своей квартире, да и на работу мне отсюда ближе».) Когда впервые он дал ей деньги, она смутилась.

— Но ведь ты же не муж мне, чтобы отдавать зарплату.

— Считай, что я твой муж.

Она бросилась ему на шею, а он подумал, что выдал слишком щедрый вексель. Кушниц не одобрил бы наверняка этого жеста. А, к черту Кушница! Имеет, в конце концов, он право на свою жизнь?

Все было бы ничего, если бы не навязчивое желание Лидии Павловны похвастаться перед знакомыми своим счастьем. Но не мог же он ей объяснить, что ни к чему сейчас ему новые знакомства: начнутся расспросы, где

работаешь, что да как. А самое главное, он не хотел, чтобы их видели вместе. Пока не закончится эта его работа.

Ей он неизменно говорил:

— Я не хочу выставлять напоказ наше счастье. Боюсь, что кто-нибудь его испортит.

Это звучало у него напыщенно, но все же действовало на Лидию Павловну, как таблетка седуксена, — она успокаивалась и опять ластилась к нему.

Как-то он застал ее возбужденной. На столе был готов ужин, почти праздничный: салат, мясо с изюмом (готовить она любила) и початая в прошлый раз бутылка коньяку. И сама Лида была не в халатике, как обычно, а в нарядном платье, даже с серьгами в ушах. Она выпила больше обычного, глаза ее глянцевиито блестели, и она много рассказывала о себе, о своем прежнем муже. По ее словам выходило, что он был ужасно ревнив: стоило ей вернуться с работы на десять минут позже, и он закатывал скандал.

— Он поменял много мест работы, все пытался разбогатеть, — торопливо рассказывала Лидия Павловна, — но и там ему не повезло: где-то под Норильском обморозил себе ногу.

— И что же, почему вы разошлись?

— У него был тяжелый характер. Я много лет терпела, а потом невольно стало.

Наверное, ему полагалось ревновать Лиду к ее прошлому, но странно: он не испытывал ревности, только разве любопытство. А может быть, ее привязанность к нему действовала успокоительно.

Потом разговор незаметно перешел на них самих, и Лидия Павловна вдруг спросила:

— А что мы будем с тобой делать дальше?

— Не знаю, — откровенно сказал он. — Мне не хотелось бы тебя потерять.

— И мне, — слотнув, выговорила она. — А тут еще... такое обстоятельство... Ну, словом... второй месяц пошел... И тут же, упреждая его ответ, добавила: — Но ты не волнуйся! Дело поправимое...

Она сидела в кресле, поджав под себя ноги и глядя куда-то в сторону.

— Почему же, — сипло выговорил он, чувствуя, как в груди его поднимается волна нежности к ней, — поче-

му же я должен не волноваться? Это дело наше... твоё и моё... — Он подошел к ней и неловко обнял за плечи, она уткнулась ему в грудь и заплакала. — Ну, не надо... не надо... Это дело мы обдумаем.

— Мне так хочется ребенка, — судорожно выдохнула она, отстранившись. — Но как скажешь.

...Потом, уже успокоившись, Лида призналась ему, что боялась говорить о своей беременности, боялась отпугнуть его.

— Но ведь ты не уйдешь? Нет? — допытывалась она у него.

— Ну что ты!

— Ты хочешь ребенка?

— Как-то не думал. Но если тебе...

— Нет, нет. Я хочу, чтобы и тебе хотелось...

— Это как снег на голову...

— Ты не рад этому?

— Рад, рад... — успокоил он ее, хотя будь он откровеннее, должен был бы признаться, что скорее ошарашен и сбит с толку.

Она заснула счастливая, а Рудник ворочался всю ночь. «Боже мой, — думал он, — если бы она знала, на каком сыпучем песке строит свои надежды». Потом глядел на едва различимое в предрассветном сумраке лицо и лихорадочно думал, как же сделать, чтобы Лида не обманулась. Впервые за эти годы, а может быть, и за всю жизнь он прикоснулся к простому человеческому счастью. Впервые понял, что оно-то и есть то главное, ради чего стоит жить.

Рудник осторожно, стараясь не разбудить Лиду, встал, вышел на кухню и закурил. Светало быстро, и за окном все чаще с ревом и грохотом проносились машины. Зашуршала метлой дворничиха.

Исподволь, как плод во чреве спящей рядом женщины, вызревал его план.

* * *

Показав место, где в переулке, в районе улицы Кирова, сошел Горбоносый, Кухонцев не удержался, съязвил:

— Никогда еще не играл роли детектива. Надеюсь, что, когда вы будете награждать отличившихся за поимку матерого шпиона, вы не забудете и меня?

— А какие роли вы привыкли играть? — спросил Рублев.

— Я играю только самого себя.

— И эта роль вам по душе?

— Вполне. — Кухонцев окинул взглядом своего собеседника с головы до ног. — Больше, чем ваша. Я, по крайней мере, не приношу зла людям.

— О! Вы еще и гуманист! Так сказать, непризнанный Кампанелла. Кажется, ваша любовь к человечеству строго ограничена собственной персоной? Ладно. Вот ваши права. А насчет гуманизма, кто знает, доведется — потолкуем.

— Теперь мне ясно, откуда у вас это произношение.

— Нет, не оттуда, откуда вы думаете. Можем поговорить и по-французски, и по-немецки и на некоторых других языках. Когда вы убивали время, я проводил его с пользой.

— Рад, что и наша милиция... или откуда вы там... растет в культурном отношении, — бросил Кухонцев и, повернувшись, зашагал прочь.

Рублев посмотрел ему в спину и подумал: сколько же гордыни в этом человеке и как трудно ему придется, как и всякому, в ком живуча претензия на исключительность — и это только претензия! «Наверное, она-то и сбила с толку Катю», — пронеслось у него в голове.

Рублев медленно прошелся по переулку, короткому — всего в десяток домов по обе стороны, — он соединял две параллельные, две близлежащие улицы. Здесь было прохладно от теней старых лип. В таких переулках обычно много ветхих старушек в соломенных шляпках с букетиками искусственных роз и черных питяных перчатках, и много особняков с неизменными колоннами, и кирпичных флигелей, у дверей которых жмурятся апгурской породы кошки.

«Если допустить, что Кухонцев говорит правду, — размышлял Рублев, — и если Горбоносый сошел действительно здесь, то из этого следует: 1) Горбоносый живет в одном из этих домов; 2) Горбоносый приезжал к кому-нибудь из близких — к малознакомым в половине двенадцатого не придешь (а Кухонцев утверждал, что он ссадил своего приятеля здесь именно в это время). В этом переулке живет кто-то из агентов Горбоносого. Впрочем, последнее предположение Рублев отверг: не может быть,

чтобы Горбоносый, идя на связь, тащил за собой свидетеля. Почему не может? Да потому, что человек он осторожный. Ведь он не оставил Вадиму ни своего адреса, ни телефона.

Но если он чего-то боится, — продолжал разговаривать сам с собой Рублев, — то мог выйти далеко от своего дома. Возможен такой вариант? Вряд ли! Раз он осторожен, то зачем ему пользоваться чужой машиной? Доехал бы на такси. Но, скорее всего, он не хотел тратить времени на поиски такси, потому что торопился. Торопился! Если это предположение верно, то, значит, он сошел где-то около нужного ему дома».

Петраков согласился с этими доводами, и на следующий день группа, куда кроме Рублева и Максимова входил еще Игорь Тарков, прибыла в переулоч. Они опросили участкового, дворников, некоторых жильцов, но никто из них не встречал горбоносого с родинкой на виске.

— Мне кажется, — заметил Игорь Тарков, — что мы ищем иголку в стоге сена.

— Стог сена не такой уж и большой, — возразил Рублев. — Скорее, просто охапка. Подойдем к делу с другого конца. Давайте посмотрим все домовые книги и выпишем фамилии тех, кто работает на закрытых объектах.

К концу дня, когда группа собралась в свободной комнате жилищуправления, выяснилось, что всего семь человек из этого переулка трудится на предприятиях оборонной промышленности. Три кандидатуры отпали сразу: вряд ли заводами, на которых работали эти люди, мог интересоваться враг. Внимание Рублева привлек институт, который, как он уточнил, занимался проблемами, связанными с ракетостроением. В домовой книге в графе «место работы» название этого института стояло перед фамилией — Матвеева Лидия Павловна. Дом 6, квартира 14.

Все трое вышли из домоуправления, оживленно переговариваясь. Был уже вечер, переулок затопил легкий полусумрак, и лишь в самых верхних окнах золотом отливало заходящее солнце.

Они остановились около дома номер шесть. Это был старый трехэтажный кирпичный особняк. Видимо, недавно его капитально отремонтировали: краска на стенах была свежая, а окна нового образца без переплетов.

— Смотрите, Горбоносый сошел вон там — всего в пятидесяти метрах от этого дома.

— Но, может быть, это случайность? — сказал Тарков. — Представьте себе, что у него здесь живет какой-нибудь приятель!

— Все может быть, — согласился Рублев. — Это мы уточним. Прежде всего надо убедиться, что Горбоносый, слонявшийся у памятника на Новодевичьем, и Горбоносый, которого знает Кухонцев, одно и то же лицо. Если одно и то же, то почему он крутится около людей, так или иначе связанных со Смеляковым?

В тот же день за домом номер шесть было установлено наблюдение. Уже на следующий день камера оперативного работника зафиксировала высокого человека — горбоносый, крупная родинка на левой щеке. Тревожно оглядываясь, он входил в подъезд кирпичного особняка. Взглянув на фото, Максимов сказал:

— Похож. Да, по-моему, тот самый...

А Кухонцев даже не колебался:

— Он!

— Посмотрите лучше — не ошибаетесь? — переспросил его Рублев.

— Да нет. Ошибки быть не может. — И с любопытством посмотрел на Рублева. — Но как вы его нашли?

— Это уже секрет фирмы!

— Ах да! Пардон за нескромный вопрос. Ведь у вас сплошные секреты.

— Ну, если у вас их нет, то скажите: он больше не звонил вам?

— Нет.

— Надеюсь, вас не надо предупреждать ни о чем?

— Ну, что вы? Я, знаете, терпеть не могу неприятностей.

— На это мы и рассчитываем.

Вскоре сотрудники отдела Рублева, приставленные наблюдать за Горбоносым, установили и его место работы. Это был один из гаражей дипломатического корпуса.

— Теперь, — говорил Петраков, — надо выяснить главное — чем интересуется Горбоносый и для кого старается?

Гоша Максимов был в ярости:

— Ну, прохвост, погоди, добегаешься ты у меня!

Эта угроза относилась к Руднику, который только что ушел от преследования. И сейчас они с Тарковым сидели в служебной машине, не зная что им делать.

По тому, как Рудник осторожничал, они сразу догадались, что их Клиент идет на какую-то важную встречу: он ехал сначала на такси, потом нырнул в метро «Парк культуры». Выйдя на «Фрунзенской», сел в троллейбус и сошел у магазина «Синтетика». Вот тут-то они его и потеряли. Главная причина срыва заключалась, конечно, в том, что они боялись — Клиент их обнаружит.

Максимов соединился по рации с Рублевым, ожидая неприятного разговора. Но Рублев отнесся к их неудаче спокойно.

— Никуда не денется. Возвращайтесь в управление.

А Рудник между тем в одной из аллей парка перед университетом на Ленинских горах беседовал с Кушницем.

— Послушайте, Ганс, по-моему, я свою задачу выполнил. Пора нам расстаться друзьями.

— Вы так считаете? — Ганс посмотрел, как его собеседник покусывает тонкие губы. — Боюсь, что там, наверху, не поймут вашего настроения. Операция, можно сказать, только началась.

— Но я сделал все, что вы просили... Фамилию ученого я установил. Адрес института тоже... Я честно отработал вознаграждение...

— Я передам вашу просьбу. Но скажите откровенно, что вас заставило прийти к этому выводу?

— У меня сдают нервы... Мне ведь уже под пятьдесят.

— Нервы?.. Это плохо. Надеюсь, вы не наделаете глупостей?

— Если только вы меня не доведете до точки.

— О... Это уже звучит как угроза!

— Я никому не хочу угрожать. Я только прошу меня оставить в покое.

— Повторяю, я передам вашу просьбу. Но ведь это может повлиять на вашу карьеру!

— К черту карьеру!

— Вы, насколько мне известно, собирались на Запад?

— У меня изменились обстоятельства.

— Что случилось?

Рудник ответил не сразу. Достал сигарету, помял ее в руках. Кушниц поднес ему горящую зажигалку.

— У меня появилась женщина, которую я не хочу потерять. К тому же у нас будет ребенок...

— Ах, эти женщины! — вздохнул Кушниц. — Сколько прекрасных умов они погубили!

— Можете смеяться. Но для меня это важно. Важней всего на свете.

С минуту они шли молча. Рудник жадно курил. Вид у него был мрачный.

— Вы, Павел, — заговорил наконец Кушниц, — нарушаете правила игры. Тот, кто однажды впрягся в нашу повозку, тянет ее всю жизнь.

— С меня хватит! Я устал!

— Будьте благоразумны. От вас не так много требуется. Еще месяц, другой, и все окончится. Стоит ли поднимать бунт на корабле.

— Нет. Я выхожу из игры.

— Ваше дело. Смотрите. Только без глупостей. Это может плохо кончиться...

— Не только для меня...

Взгляды их встретились. Кушниц добродушно рассмеялся и похлопал своего собеседника по спине.

— Хорошо, я попытаюсь все устроить. Договоримся о связи...

...Рудник возвращался на квартиру Матвеевой усталый, опустошенный. Он не мог вспоминать без злобы самодовольное лицо Кушница, его снисходительный тон. «Сопляк! Неужели этот юнец не понимает, что он у меня в руках. КГБ простило бы мне кое-какие грехи, выведи я его на чистую воду!»

Они его, конечно, будут шантажировать. Напомнят о прошлом. Что ж, он возьмет в руки то же оружие. И посмотрим, кто кого!

Нет, не все еще потеряно. Есть еще выход. Но он воспользуется им только в крайнем случае!

КЛАРК ВСТУПИЛ В ИГРУ

Вот уже полтора месяца как Кларк приехал в Москву.

Прежде ему никогда не приходилось бывать в советской столице. Поэтому первые дни Кларк посвятил знакомству с городом. Он объездил на машине и исходил все интересные исторические места. Город понравился ему сочетанием древности и современной архитектуры с ее панелями из стекла и бетона.

Решив во что бы то ни стало изучить русский, нанял себе преподавателя из числа русских служащих посольства, накупил книг по истории России, по истории искусства и архитектуры. Кларк рассматривал новое назначение как значительный шаг вверх по служебной лестнице, как вершину своей тридцатилетней карьеры и поэтому устраивался в Москве прочно и надолго.

Дня через два после приезда он встретился с Маккензи. Первую беседу они провели в специальной «темной» комнате, которая опечатывалась после рабочего дня и куда посторонним вход был воспрещен. Маккензи проинформировал Кларка о том, как идет операция «Феникс».

В глубине души Маккензи относился к этому мурлыкающему толстяку снисходительно. Странно, думал он, что этого типа прислали сюда, чтобы руководить операцией. Что он понимает в России? Вот он, Маккензи, прожил здесь семь лет и то не посмел бы сказать, что он специалист по этой стране. Но одно Маккензи усвоил твердо: все эти разглагольствования политиков об агрессивности Советской России, о военной угрозе с ее стороны Западу не соответствовали истине. Он пришел к этому выводу на основе личных впечатлений. Пришел не сразу. Первое время мешало предубеждение. Но потом у него была возможность поехать по стране. Маккензи побывал в Сибири и в Средней Азии, в Серпухове и Дубне. Страна была занята гигантским мирным строительством. Зачем ей война? Мир — вот что ей нужно в первую очередь. И она действительно делала все, чтобы над ее городами и полями сияло мирное солнце.

Но, разумеется, все эти мысли Джозеф Маккензи хранил при себе. Он послушно выполнял то, что ему поручили, и с нетерпением ждал, когда окончится срок его

пребывания и он сможет вернуться в свой чистенький уютный коттедж в пригороде Лондона, чтобы выращивать розы и стричь газоны.

Кларк пришелся Маккензи не по душе: он много курил, хлестал виски и, как показалось ему, был абсолютно лишен чувства юмора — качества, которое Джозеф Маккензи считал первым признаком истинного джентльмена.

— Как Гапс? — спросил англичанин, покончив с приветствиями и приготовлением виски. — Обжился?

— Да, его встретили неплохо. Едва не угодил в лапы русской контрразведки.

Взгляд Кларка остекленел.

— Вы шутите?

— Нисколько. Тайник раскрыт.

И Маккензи рассказал, как он заметил у могилы купца Маклакова «хвост», как успел все-таки предупредить Кушница об опасности.

Кларк долго молячал, задумчиво отхлебывая из граненого стакана с толстым дном виски.

— Тайник сменим, — проговорил он наконец. — На это нужно два-три дня. Я должен найти надежное место.

Кларк был явно взволнован, но старался говорить с Маккензи спокойно.

— Что нового сообщает Кушниц о Смелякове?

— Пока только самые общие сведения. Нужно какое-то время, чтобы он как следует сблизился со Смеляковым.

Маккензи не спеша закурил.

— Из того, что мне стало известно о Смелякове, напрашивается вывод, что у этого человека есть только одна большая страсть: наука. Его не интересуют деньги. Да он в них и не нуждается. Научная слава — вот предел всех его желаний. Он фанатик. Фанатик от науки. И здесь его слабое место. Со всех других сторон он неуязвим. Правда, у него есть зять, еще совсем молодой человек. Муж дочери Смелякова. Это вполне подходящий материал для работы. Но недавно мне стало известно, что им заинтересовались органы милиции.

— Тогда воздержитесь от контакта с ним, — посоветовал Кларк.

— Мы так и решили...

— Значит, вы говорите, — Кларк задумчиво крутил стакан в руках, — что Смелякова интересует только научная слава? Если я не ошибаюсь, он работает над проблемой твердого топлива для стратегических ракет?

— Да, это так.

— Прекрасно. Знаете, дорогой Джозеф, у меня есть неплохая мысль. Тщеславие — ахиллесова пята Смелякова, и почему бы нам не метнуть копьё именно в это место. Вот послушайте...

Кларка охватила лихорадочная жажда деятельности. Он принялся сам разрабатывать систему связи для своей агентурной сети. Но в тот самый момент, когда он считал, что дела идут прекрасно, от Кушница поступило тревожное сообщение — взбунтовался агент, игравший главную роль в операции «Феникс». Кларк знал, как трудно в этой стране найти подходящих сотрудников вообще, а для данной операции — особенно. Уход Рудника мог замедлить дело. А этого допускать нельзя.

Но больше всего Кларк боялся, что этот агент побегит в органы контрразведки с повинной. От такой мысли у Кларка пробежал холодок по спине. Ведь явка Рудника с повинной означала провал и его, Кларка. Последовал бы отзыв из Москвы. Скандал в прессе. Нет, этого Кларк не допустит. Операция «Феникс» должна поднять его ещё на одну ступеньку служебной лестницы. Кларк не хотел уходить на пенсию жалким, никому не известным неудачником. «Неизвестные солдаты, — любил говорить он, — хороши только в могиле».

Получив известие от Кушница, Кларк заперся в кабинете, решив тщательно обдумать сложившуюся ситуацию. Налив себе виски и выпив, поднялся и зашагал по комнате. Кларк испытывал чувство, которое, наверное, испытывает человек в падающем самолёте. Он знает, что мчится навстречу гибели, он мечется в ужасе, но изменить ничего не в силах.

Кларк изо всех сил пытался не поддаваться этому чувству. Нет, катастрофы допустить нельзя. Тридцать лет он, сын простого бухгалтера, карабкался вверх, падал и снова карабкался, интриговал, обманывал, завидовал более удачливым, работал не покладая рук. Так неужели все его усилия войти в число вершителей судеб мира должны разбиться вдребезги?

В середине августа отдел печати МИД СССР организовал для дипломатов, аккредитованных в Москве, поездку в Ясную Поляну. Изъявили желание поехать главным образом те, кто недавно жил в Москве и кто пользовался любым случаем, чтобы расширить свои познания о русской культуре. Многие отправлялись вместе с женами и детьми, многие ехали просто потому, что экскурсия давала им возможность познакомиться со своими коллегами из других посольств, установить более тесные с ними контакты. Некоторые согласились принять участие просто потому, что поездка давала им возможность развлечься.

Поездка была назначена на двадцать пятое августа. Незадолго до этой даты был разослан список участников экскурсии. Просматривая его, Кларк обратил внимание на фамилию Штрассера. Значит, Павел Рудник будет с ним, поскольку дипломаты отправлялись в Ясную Поляну на машинах. Кларк решил, что настал удобный случай встретиться с агентом. Он принялся обдумывать эту встречу. Что он должен сказать Руднику? Как остаться с ним наедине? Как проверить его надежность? Кларку казалось, что если он встретится с Рудником сам, то сумеет переубедить его, а если нет — соблазнить крупной суммой денег. Он верил, что деньги — универсальное средство от всех моральных недугов.

Утром двадцать пятого августа Кларк вместе с двумя сотрудниками выехал из посольства на длинном черном «плимуте». Кушнищ сообщил ему:

«Рудник будет ехать в черной «Волге» Д 8-73».

С утра шел дождь, серое небо с быстро бегущими по нему тучами нависло над самыми крышами домов. Асфальт блестел тусклым старинным серебром, зигзагообразно отражая силуэты машин и деревьев Александровского парка. Видимо, из-за дождя и желания дипломатов следовать вместе на площади собралось около тридцати машин всевозможных марок. Неподалеку от Манежа о чем-то оживленно переговаривалась группа дипломатов, сотрудников отдела печати и журналистов. Кларк поздоровался с двумя знакомыми американскими корреспондентами и, как бы разминаясь, прошелся по площади, отыскивая машину с нужным ему номером. Он нашел ее

неподалеку от гостиницы «Москва». На заднем сиденье он увидел молодую привлекательную жепщину с двумя девочками, а сквозь запотевшее переднее стекло рассмотрел хорошо знакомое лицо с горбатым носом и узким ртом. Так вот он, Павел Рудник, — человек, с которым у Кларка было связано столько надежд и страха.

К машине подошел высокий тучный человек. «Штрассер», — догадался Кларк. Не успел он вернуться к своему «плимуту», как кавалькада машин, выстраиваясь в цепочку, обогнула Манеж и помчалась по направлению к Каменному мосту.

Кларк дождался, когда «Волга» советника Штрассера проехала мимо него, и пристроился ей в хвост.

Скоро они оказались в густом потоке автомашин. Кларк то и дело обгонял тяжелые, коптящие грузовики с платформами, на которых пирамидами возвышались стальные панели. Повсюду виднелись силуэты башенных кранов, проносились мимо заборы, огораживающие стройки. «Русские действительно много строят», — подумал Кларк. В этом районе он был впервые и сейчас с интересом рассматривал открывавшуюся перед ним индустриальную панораму Москвы. Он часто проводил параллели между Соединенными Штатами, где он много раз бывал, и Россией и с удивлением обнаруживал сходство. Здесь была та же масштабность, широта, размах и в человеческих характерах и в природе.

Через полчаса они выскочили на просторы пригородного шоссе. Кларк все время не выпускал из виду черную «Волгу» Штрассера. Постепенно у него складывался план действий. Нужно было только найти подходящий момент.

— Ребята, — бросил он через плечо беззаботно болтавшим сотрудникам, — держитесь крепче. Могут быть всякие неожиданности.

— В чем дело, шеф? — спросил Кларка его помощник Питер Брук, которого тот взял в поездку как переводчика. Брук жил в Москве уже четвертый год и свободно говорил по-русски.

— В чем дело? — ухмыльнулся Кларк. — А в том, малыш, что мне жаль твоего красивого носа. Держись крепче, иначе он может пострадать.

Сотрудники недоуменно переглянулись, однако уперлись ногами в спинку переднего сиденья. Увидев гладкие, нежно-розовые щеки Брука, Кларк с завистью подумал:

ах, если бы ему сейчас было тридцать! Он все начал бы заново. Он стал бы членом парламента, министром, президентом корпорации или, на худой конец, послом.

Но возраст давал о себе знать. Особенно чувствовались годы, когда он оставался наедине с секретаршей. Желания оставались те же, а сил уже не было.

«Плимут» мчался по районному центру. Впереди, метрах в двухстах, виднелась широкая площадь с церквушкой. На площади, как заметил Кларк, прогуливалась стайка голубей. Кларк нажал на акселератор, и триста лошадиных сил «плимута» приглушенно взревели. «Плимут» легко обошел «Волгу», сопровождаемый взглядами ее пассажиров. Несколько мгновений Кларк держал машину впереди, метрах в пяти от «Волги».

Стайка голубей вспорхнула прямо перед радиатором «плимута». Кларк утопил педаль тормоза до отказа — и в то же мгновение послышался лязг и скрежет металла. Со звоном на асфальт посыпалось стекло.

«О черт!» — Брук потирал ушиб на лбу. Второй сотрудник испуганно таращил глаза. Кларк выскочил из машины. Лицо его выражало неподдельный испуг. Радиатор «Волги» был смят в лепешку. Бампер и багажник «плимута» тоже сильно пострадали.

— Извините, ради бога, извините! Голуби... понимаете, голуби! — бормотал Кларк, подскочив к машине Штрассера.. Оттуда доносился детский плач. Штрассер платком прижимал ссадину на скуле и помогал жене выбраться из машины. Кларк кинулся ему помогать. Девочки были напуганы, но, видимо, не пострадали. Жена Штрассера, схватив в охапку детей, тревожно осматривала их, гладила по светлым головкам: «Гретхен, болит? Где у тебя болит? Луиза, ты не ушиблась?» Те отвечали ей дружным ревом. Девочки были напуганы. В последнее мгновение Рудник, видимо, успел притормозить, и это смягчило удар.

— Черт бы вас побрал! — зашумел Штрассер, придя наконец в себя. — Вы что, первый день за рулем!

— Голуби! Я боялся раздавить голубей, — оправдывался Кларк.

— Ах, вы боялись раздавить голубей, — рассвирепел Штрассер, — но чуть было не уколошили моих детей.

— Я привошу свои извинения...

— И это называется шофер! Не может водить машину!

— Успокойся, милый, кажется, все обошлось, — вмешалась жена.

У места происшествия остановилось еще две машины — бельгийского и французского посольств. Вокруг Кларка и семейства Штрассера собралась толпа местных жителей, и Штрассер постепенно успокоился. Воспользовавшись этим, Кларк назвал себя. Советнику пришлось представиться тоже.

Убедившись, что ничего серьезного не произошло и что их помощь не нужна, бельгийцы и французы уехали. Толпа местных жителей тоже стала редеть. Девочки успокоились и жевали бутерброды, которые заботливая мать прихватила с собой. Возбуждение первых минут улеглось, и Штрассер с Кларком обсуждали создавшуюся ситуацию вполне миролюбиво. Штрассер даже извинился перед англичанином за свою недавнюю вспышку.

— Ну что вы, что вы! Я понимаю ваше положение. Дети — это все. Еще раз прошу меня извинить, господин советник...

Осмотр пострадавших машин показал, что «плимут» вполне пригоден, чтобы ехать дальше. Под радиатором «Волги» темнела большая лужа — потек радиатор.

— Придется вызывать аварийную, — сказал Рудник, первый обративший внимание советника на это досадное обстоятельство.

— Моя машина к вашим услугам, господин советник! Питер, тебе придется сесть за руль...

Тот кивнул.

Штрассер запротестовал, но Кларк продолжал настаивать:

— Господин советник, я буду чувствовать себя неловко, если вы останетесь с детьми на дороге. Прошу вас, пересаживайтесь в мою машину.

— Но как же вы? — спросил Штрассер.

— Не беспокойтесь. Сейчас должна подойти еще одна машина нашего посольства...

В конце концов Штрассеру пришлось согласиться. Он перебрался в «плимут». Вместе с ним уехали и другие сотрудники.

Едва машина скрылась за поворотом, Рудник направился в райисполком — звонить на автобазу, но его остановил Кларк.

— Извините, я хочу говорить с вами... — сказал он на ломаном русском языке.

— Со мной? — брови Рудника вопросительно изогнулись.

— Да-да, с вами...

Рудник прицелился в собеседника оценивающим взглядом.

— У вас есть ко мне дело?

— О да. Очень серьезный дело....

— Гм... — Рудник озадаченно посмотрел на незнакомца. В интонациях его было что-то повелительное, что заставило Рудника насторожиться. — Слушаю...

— Я Кларк...

Рудник почувствовал, как внутри у него что-то дрогнуло, хотя внешне он и пытался быть равнодушным.

— Понимаю, вы можете мне не верить, но я есть действительно Кларк.

Рудник наконец овладел собой:

— Это мне ничего не говорит...

— Где здесь можно купить тюльпаны?

— Я могу вам достать... — медленно проговорил Рудник отзыв на пароль.

— Послушайте, Рудник... Вы оказали вам неоценимый услугу. Вы провели очень важный... как это... операций.

Рудник не в силах был выговорить ни слова. Кларк, тот самый мистический Кларк, имя которого всегда проносилось таинственным шепотом и который казался далеким и недостижимым, сейчас стоял прямо перед ним. Рудник представлял этого человека сухим, высоким, с тонкими губами, с пронзительным взглядом холодных глаз. А перед ним стоял полноватый человек в светлом плаще, вполне безобидного вида. А он-то всю жизнь трепетал перед этим человеком!

— Не смотрите на меня, — резко бросил Кларк. — Займитесь делом.

Не без внутренней борьбы Кларк пошел на эту встречу. Он понимал, что за его агентом могут следить. Но соблазн вернуть Рудника к активной деятельности был слишком велик. К тому же встреча была обставлена так, что выглядела чисто случайной.

Рудник торопливо открыл слегка помятый капот. Не зная за что взяться, он принялся отлаживать зажигание. Кларк скучающе поглядывал на шоссе.

— Вы заслуживаете благодарность. Мы можем быть благодарны. В салоне кара вы найдете пакет. Там десять тысяч...

— Спасибо... только...

— Что только?..

— Вам передали мою просьбу?

— Да. Я был удивлен: вы мне казались умным человеком! Не надо делать глупости, — добавил Кларк отечески теплым тоном...

— У меня изменились обстоятельства.

— Женщина?

— Да, женщина. И теперь я прошу только одного: чтобы меня оставили в покое.

— Я понимаю: у вас, как это... «сдали нервы». Вам нужно хорошо отдохнуть.

Рудника раздражал этот увещательный тон, раздражало, что его не хотят выслушать. То, что ему казалось таким важным, для них ровным счетом ничего не значило. Его подмывало послать этого типа к черту, но страх перед грозным именем Кларка парализовал его решительность.

— Я сделал все, что мог... — пробормотал он.

— Нет, вы нам нужны. Может быть, еще месяц-два, и ваша миссия будет закончена. Мы найдем способ переправить вас на Запад. Любой страна... Швеция... Германия, моя родина — куда угодно! У вас будет коттедж, машина и главное — свобода и безопасность. Ваша подруга поедет с вами... Вы будете счастливы...

Подруга? Он вовсе не был уверен, что Лиду устроит вариант счастья, нарисованный Кларком. В сущности, он не решился бы никогда открыться перед Лидой, если, конечно, к этому его не вынудят обстоятельства. Он представил, как ужаснется она, узнав о нем всю правду. Нет, нет, он никогда ей этого не скажет. Он не может рисковать их отношениями.

— Подумайте как следует, — продолжал Кларк.

— Что я должен делать? — глухо спросил Рудник.

— Передать Гансу вот эту пленку. — Он сунул агенту завернутую в бумагу кассету. Рудник молча положил ее в карман.

Кларк возлагал на пленку большую надежду. Это была не обычная микропленка для миниатюрного фотоап-

парата, а с секретом, известным только одному Кларку. Обработанная специальным сверхчувствительным составом, пленка при вскрытии кассеты засвечивалась.

Кларк рассуждал так: если Рудник агент-двойник, то он поспешит с кассетой к своим хозяевам, а те попытаются ее вскрыть. Если подозрения Кларка неосновательны, то пленка в неприкосновенности попадет сначала в тайник, а оттуда через Маккензи опять вернется к нему.

— Кушниц передаст вам мой дальнейший инструкций. Но уверяю вас — ничего серьезного. Никакой опасной работы... Можете не сомневаться в нашей благодарности...

Рудник ковырялся в моторе и мстительно думал: нет, господин Кларк, больше вы меня не заставите плясать под вашу дудку. Я переиграю вас.

Когда через минуту Рудник поднял голову, Кларк уже шагал по шоссе — коренастый, уверенный в себе, полы светлого плаща развевались на ветру. Рудник закрыл капот и вытер взмокшее лицо. Все, что произошло с ним, казалось ему невероятным. «Кларк, — бормотал он, — неужели это действительно был Кларк?» Но пачка денег на переднем сиденье и крохотная кассета подтверждали, что все случившееся не сон, а реальность.

Минут через десять Кларка подобрала машина английского посольства. Всю дорогу до Ясной Поляны Кларк думал о беседе со своим агентом. Рудник ему не понравился... «Легко теряет над собой контроль, запуган... Но посмотрим, посмотрим — не будем торопиться с выводами...»

Пока для Кларка было ясно одно: отныне к этому агенту нужно относиться с опаской, а к его донесениям — критически. И главное, потребуется время, чтобы проверить лояльность Рудника.

В теплом уютном салоне «доджа» он почувствовал себя спокойней. Встреча в общем-то прошла благополучно. Никакой слежки Кларк за собой не заметил. А крупная сумма денег, как он полагал, отвратит агента от крайних, отчаянных шагов. По крайней мере на какое-то время. «А там посмотрим, господин Рудник, что ты за птица», — мысленно повторял Кларк, скучающе посматривая в окно стремительно мчащегося «доджа».

Но Кларк напрасно себя успокаивал. Разумеется, теперь, когда за Рудником велось постоянное наблюдение, инцидент на шоссе не прошел незамеченным. Уже через час после встречи Рудника и его шефа о нем узнал Рублев. Среди лиц, сопровождавших группу дипломатов, находился Максимов. В его задачу входило — не выпускать Рудника из виду. Когда машина Кларка столкнулась с машиной советника посольства ГДР, Максимов ехал в «Волге», замыкавшей колонну. Он видел из окна «Волги», как спорили Кларк и Штрассер и как осматривал разбитую фару Рудник. «Что бы все это значило?» — размышлял Максимов.

У ближайшего дома он вышел из «Волги» и облюбовал наблюдательный пункт в палисаднике крайнего дома. Отсюда дорога в сторону Москвы хорошо просматривалась. Максимов видел, как Клиент и какой-то иностранец (имя его он восстановил позже) возились у помятой машины.

В тот же день члены оперативной группы оживленно обменивались мнениями в кабинете Петракова. Все согласились, что есть логическая связь в том, что Рудника видели у тайника, что он пытался завязать знакомство с Кухонцевым и что его сожительница — сотрудник фирмы Смелякова.

— Безусловно, мы вышли на любопытную фигуру, — сказал Петраков. — Теперь встреча с Кларком. Случайность?

— Не думаю, — возразил Максимов. — Ведь, в сущности, никакой необходимости оставаться Кларку у разбитой машины не было...

Рублев согласился, что такое предположение вполне вероятно, хотя утверждать, что Кларк одно из звеньев цепи, рановато.

— По-моему, все наши сомнения мог бы развеять Рудник. Не пора ли поговорить с ним? — предложил Игорь Тарков.

— Вы думаете, что он вам все тут же и доложит? — усмехнулся Рублев.

— Но не можем же мы позволить, чтобы он свободно разгуливал на свободе. — Тарков посмотрел на Петракова, как бы приглашая того присоединиться к этому мне-

нию. Но Петраков задумчиво барабанил пальцами по столу, явно не спеша с ответом. — Мало ли что натворит этот враг!

— То, что перед нами враг, — это предстоит еще доказать, — стоял на своем Рублев. — И потом надо выяснить его связи, его хозяев. Арест Рудника только спугнет тех, с кем он связан.

— Поприжать его как следует — и все выложит.

Рублев пожал плечами.

— Поприжать можно фактами, а у нас их нет.

— Вам всегда мало фактов. — Игорь Тарков нахмурился.

— Спокойно, — вмешался в разговор Петраков. — Давайте еще раз разберемся. Нам известно, чем интересуется противник: новым ракетным топливом. Иначе он не проявлял бы такого жгучего интереса к фирме Смелякова. Более того, противнику уже известно, что такое топливо у нас есть. Кто мог сообщить ему об этом? Скорее всего, Рудник. Хотя бы потому, что в зоне фирмы других подозрительных фигур мы не нашли. Но нам необходимо точно установить три вещи. Первое: что сведения о работе над новым топливом передал врагу именно Рудник. Второе: каким образом это ему стало известно? Третье: кто здесь, в Москве, руководит его деятельностью? И наконец: какие конкретные оперативные меры мы можем предпринять? — Петраков оглядел членов группы.

Несколько мгновений все молчали.

— Прежде всего, — заговорил Рублев, — мы должны установить, кто такой Рудник. Нам нужно как можно больше знать о его прошлом. Думается, оно прольет свет на личность Рудника.

— Согласен, Сергей Николаевич, — проговорил Петраков. — Займитесь этим делом сами. Представьте мне конкретный план действий. И вот что еще. Хорошо бы поближе познакомиться с его товарищами. И этой... Матвеевой. Действуйте энергичней.

Все гурьбой вышли из кабинета Петракова. В коридоре Максимов подошел к Рублеву:

— А Игорь еще не может простить тебе того случая с сотрудницей закрытого завода. Вот уж не думал, что он такой мелочный.

Рублев пожал плечами:

— Это его дело.

НА РАБОТЕ И ДОМА

Начальник отдела кадров автобазы внимательно выслушал Рублева и нажал кнопку звонка. Вошла его секретарша, пожилая женщина, в очках на остром худом носу.

— Полина Григорьевна, — обратился он к ней, — личное дело Рудника, Павла Аркадьевича Рудника... Да, пожалуйста, поживей.

Начальник отдела кадров подробно охарактеризовал Рудника, собирался сказать еще что-то, но тут вошла секретарша и подала своему шефу синюю папку.

— Вот... прошу ознакомиться. — Кадровик передал папку Рублеву.

Типовая анкета с маленькой фотографией в правом углу. На ней Рудник выглядел еще совсем молодым — не больше тридцати пяти. Ни залысин, ни глубоких складок, идущих от крыльев носа ко рту.

Место рождения — Одесса. Беспартийный. Не судился, не избирался... Родственников за границей не имеет. Участник войны. Правительственные награды — три медали. Холост. Детей нет.

Рублев записал его домашний адрес.

«Сколько параграфов, — думал он, пряча блокнот в карман, — а как мало, в сущности, может рассказать стандартная анкета о человеке».

Он еще раз просмотрел анкету. Строки нацарапаны неловкой, не привыкшей к перу рукой. Данные анкеты показывали, что Рудник бывший фронтовик, имеет несколько медалей, он добровольно вступил в Советскую Армию, участвовал в боях за Кенигсберг, Берлин, был ранен и в сорок седьмом демобилизован в звании младшего лейтенанта. После войны работал на разных должностях в Барнауле, Свердловске. В 1950 году переехал в Москву.

Ничто из этих данных не давало повода для обоснованных подозрений. В ней все или почти все было понятно и объяснимо. Вот разве годы оккупации. Но военные судьбы капризны. Разве мало людей по тем или иным причинам оставалось на захваченных немцами землях. Еще многое предстоит изучить, чтобы добраться до истины.

Личное дело, конечно, не давало ответа на этот вопрос. Трудовая книжка свидетельствовала, что после войны Рудник работал шофером СУ в Барнауле, потом таксистом в таксомоторном парке Москвы, шофером автобазы Моссовета. И наконец в управлении дипломатического корпуса МИД...

— Прекрасный работник, — усмехнулся Рублев. — Премии, благодарности.

— Он у нас на хорошем счету. — Кадровик не уловил иронии в тоне Рублева. — Во всяком случае, никаких сигналов не поступало, но мы примем меры по его изучению.

— Я как раз вас хотел просить об обратном, — сказал Рублев. — Не предпринимайте никаких мер. Забудьте о нашем разговоре.

— Спасибо, Сергей Николаевич. Может, чем помочь смогу?

— Ничего не надо.

— Все же позвольте ваш телефончик. Если возникнет надобность — позвоню. — Кадровик вытащил из бокового кармана шариковую авторучку.

— Возможно, наши товарищи еще зайдут к вам. — Рублев поднялся.

— Прошу, прошу, всегда рад. — Кадровик проводил Рублева до дверей, в прощальной улыбке сверкнули металлические зубы.

В тот же день по просьбе Сергея Николаевича Максимов побывал у дома, в котором жил Рудник.

— Особенно порадовать нечем, Сергей Николаевич, — начал он свой доклад. — Беседовал с участковым. Тот знает Рудника, был у него дома по жалобе соседей. Однажды Рудник отсутствовал, у него лопнула труба в ванной, залило нижние квартиры.

— Ну и что говорит участковый?

— Говорит, что Рудник живет тихо. С соседями отношения нормальные. Пьяным его никогда не видели. Друзья и знакомые заходят к Руднику редко.

— В общем, образцовый гражданин. Хранит деньги на сберкнижке и аккуратно платит за свет, воду и другие коммунальные услуги.

— Получается, что так. Правда, удалось узнать и кое-какие детали. Последнее время по этому адресу почти не бывает. Наверное, поселился у своей сожительницы.

— Сожительница, — сморщился Рублев. — Какое противное слово! Пахнет милицейским протоколом и кухонной склокой. Позаимствовал из лексикона участкового тридцатых годов, что ли?

— Ну не знаю, как ее еще назвать... Пусть будет любовница, — равнодушно согласился Максимов. — Ладно, ею я займусь сам.

Лидия Павловна, — сказал Рублев, — вот кто знает Рудника. Уж наверняка лучше любого кадровика.

— Так-то оно так, — подтвердил Максимов, — только говорить с ней в открытую рискованно. Может, она его любит.

— Ладно, что-нибудь придумаем. — Рублев взглянул на часы. — Уж половина седьмого. Через полчаса футбольный матч. Ты как, не хочешь посмотреть?

Максимов покачал головой.

— Жене обещал приехать сегодня пораньше. Да и уроки у старшего сына надо проверить. Вчера оболтус двойку принес. — Максимов улыбнулся. — Правда, по рисованию. Цветные карандаши дома забыл. А так парень толковый. По алгебре и физике сплошные пятерки.

Гоша поднялся — полноватый, с простым добродушным лицом.

— Если понадобится — позвони.

— Думаю, что не понадобится. Отдыхай. И передай привет от меня своим.

* * *

Лидия Павловна Матвеева оказалась невысокой миловидной женщиной. Но возраст брал все-таки свое, о чем свидетельствовали едва заметные морщинки вокруг небольших серых глаз.

Из анкеты Рублев уже знал, что Матвеевой тридцать семь. Если бы не предательские морщинки, ей можно было бы дать и меньше — фигура у нее оставалась девичьи тонкой. Тщательно пригнанный серо-голубоватый костюм, черные лакированные туфли придавали ей если не элегантность, то, во всяком случае, нарядность, праздничность.

Рублев почему-то представлял ее себе другой — полной, рыхлой, преждевременно опустившейся.

Он встретился с Матвеевой в отделе кадров института. Предлог для беседы нашелся сам собой: выяснилось, что руководство лаборатории собиралось сделать ее руководителем группы лаборантов, занимавшихся оформлением документации по испытанию недавно разработанного в институте нового тугоплавкого металла.

Лидия Павловна кивнула: она готова ответить на любые вопросы и, видимо, догадываясь, что разговор предстоит долгий, вынула пачку «Кента». «Американские сигареты,— подумал Рублев.— Наверняка от Рудника». — И щелкнул зажигалкой.

Он попросил рассказать о ее работе.

— Не бог весть что, конечно,— отвечала она. Голос у нее был хрипловатый, как у большинства курящих женщин.— Главное — правильно оформить документацию. Но теперь будет сложнее: народ в группе молодой, знаний не хватает.

— Вы ведь опытный сотрудник. Сколько лет вы здесь работаете?

— Пятнадцать.

— Немало.

— Я пришла сюда девчонкой. Собиралась поступить в институт, да не вышло.— В глазах ее пробежала тень воспоминаний.— Сил не хватило...

— Простите,— сказал Рублев после короткой паузы.— Согласно вашей анкете вы не замужем? В вашей личной жизни не произошло никаких изменений?

— Нет...— И добавила: — Да, все по-прежнему.

— Так...— Рублев закрыл папку с анкетой.— Мне не хотелось бы быть нескромным... Но сами понимаете, таков характер нашего института.

— Можете не извиняться. Я все понимаю.

— Вероятно, у вас есть близкий человек?

Она опустила взгляд и поспешно затянулась.

— Есть, конечно.

— Вы не могли бы рассказать, кто он? Я имею в виду, чем он занимается?

Лидия Павловна подалась вперед и раздавила сигарету в стеклянной пепельнице на столе Рублева.

— Он шофер. Возит какого-то дипломата. Вам нужно знать его фамилию?

— Да. Если вы не возражаете.

— Рудник. Павел Аркадьевич Рудник.

— И вы часто с ним встречаетесь? — Она молчала, разглядывая пальцы: сиреневый лак на длинных ногтях свежее блеснул. — Вам неприятен этот разговор?

— Нет, нет... Если нужно для дела... — Матвеева беспомощно улыбнулась, обнажив потускневшие от никотина зубы. Она, видимо, много курила.

Рублев пытался понять эту женщину, пытался представить, как она жила до встречи с Рудником. Скромная квартира. Тахта, торшер. Одиночество. Детей нет, и уже не будет. Одиночество особенно сильно чувствуется в праздник. Случайные связи с мужчинами. Надежда вспыхивает и тут же умирает.

И вот появляется Рудник. Он вполне еще может нравиться женщинам. Импозантен. Следит за собой. Ничего удивительного, что она привязалась к нему. Интересно, знает ли она, кто он есть на самом деле? Вряд ли. Рудник не доверяет никому. Такие не доверятся даже любимой женщине. Это правило их ремесла.

— Еще раз извините. Он не делал вам предложения?

— Да, — выдавила она.

— И вы отказали?

— Нет. Пока не решилась. — Она вздохнула. — Я ведь не девочка. Ошибаться уже поздно. Нет времени исправлять ошибки. Мне-то хорошо известно, что самое тяжелое одиночество — это одиночество вдвоем.

Видимо, ее смутила собственная откровенность: она опустила глаза. Потом щелкнула замком сумочки, достала смятую пачку «Кента», жадно затянулась.

Рублев понял: он затронул болезненную тему. Говорить об этом Матвеевой было нелегко. «Но что делать? — подумал он. — Никто не знает Рудника лучше этой женщины». Если бы Рублев мог ей довериться и поговорить начистоту!

— Вы не уверены, что он вас любит?

— Кто знает! Он пытается доказать, что его намерения серьезны. — Она вскинула на Рублева глаза. — Впрочем, зачем я это вам говорю? Зачем вам это нужно?

— Для дела, Лидия Павловна. Только для дела. Поверьте — это не праздное любопытство.

— Я вижу вас впервые...

— Откровенным быть легче всего с людьми незнакомыми.

— Возможно.— Она зябко повела плечами.

— Так что же все-таки настораживает вас в Руднике? — спросил он после паузы.

Она нервно покусала губы.

— Как вам сказать... По-моему, ему нужна не я... А что-то от меня. Не пойму что. Он вообще странный. Скрытный.— Она жадно затаилась и продолжала: — Недавно я собиралась перейти на другую работу, в другой институт. Он стал меня отговаривать, хотя там мне обещали хорошую зарплату.

— Разве ему не все равно, где вы работаете?

— Выяснилось, что нет.

— Это какая-то причуда!

— Он весь из причуд и загадок. Но ведь женщинам нравятся мужчины с загадками.

— А он никогда не обращался к вам с просьбой, скажем, рассказать о новостях в институте, о вашей работе? Не проявлял интереса к вашей работе?

Матвеева испуганно взглянула на Рублева.

— Вы думаете, что...

— Я просто пытаюсь разобраться.

— Нет, расспрашивать расспрашивал, но... Нет, нет, не думаю. Этого не может быть.— Рука ее с сигаретой дрожала.

— Я ничего не утверждаю.

— Хотя, кто его знает,— начала она после паузы.— У него в жизни все сложно, неясно, запутано. Например, как-то он говорил мне, что отец оставил ему наследство, но получить это наследство он не может. Почему, спрашиваю. Молчит. Потом, когда я пристала к нему с расспросами, он ответил так: «Отец был не родной, мы с ним ссорились, годами не разговаривали, и я не хочу пользоваться его деньгами». Какая-то чушь!

Рублев сделал пометку в блокноте.

— А где жил его отец? В каком городе?

— По-моему, в Одессе.

— А друзья у него есть?

— Нет. Есть знакомые по работе.

— Да, все это странно.

— Но он такой внимательный, такой заботливый, что совершенно парализовал мою волю. В таких случаях я теряюсь. Мне кажется, что я к нему несправедлива. А он приезжает ко мне с подарками. И говорит, говорит...

Лидия Павловна вздохнула.

— Простите, я, кажется, разоткровенничалась не в меру.

— Нет, нет, Лидия Павловна, это все очень интересно.

— Но зачем это вам? Вы его в чем-то подозреваете? Скажите прямо.

— Об этом мы поговорим с вами в другой раз. А сейчас вспомните, что еще показалось вам странным в Руднике?

Она задумалась, глядя куда-то в сторону.

— Недавно он говорил с кем-то по телефону. И почему-то по-немецки. Хотя я понятия не имела, что он знает немецкий. И в трубке тоже говорили по-немецки. Я вышла из кухни в прихожую: думала, признаться, что он говорит с женщиной. Но голос на другом конце провода был мужской. Когда я спросила, с кем он говорит, то ответил, что звонили из посольства и что ему срочно надо ехать.

— И что же?

— Но поехал он не в посольство.

— Откуда вам это известно?

— Мы вышли на улицу вместе. Простились. Но поскольку у меня закралось подозрение, я решила проверить, куда он направится. Обычно в посольство он добирается на двадцать пятом троллейбусе. А на этот раз он сел в автобус и поехал в противоположную сторону.

Она замолчала. Рублев следил за тем, как она вынула из сумки скомканный платок и вытерла лицо.

— Я была с вами откровенна,— сказала она вдруг приглушенно.— Теперь прошу вас ответить мне тем же. В чем вы его подозреваете? Кто он?

— Вот это как раз мы и пытаемся выяснить.

— Поймите, мне это важно знать. Дело в том, что у нас должен быть ребенок... И я... я все же люблю его...

Ребенок! Рублев подумал о судьбе этой женщины, о том, что ей придется пережить, когда она узнает, кто такой Рудник. Ему стало жаль эту, видимо, неплохую женщину.

— Я понимаю вас,— сказал он вслух.

— Мы прожили всего два месяца. Не так просто мне выбросить его из головы.

— Обещаю, Лидия Павловна, что при следующей встрече буду иметь возможность быть с вами откровенным, а сейчас большая просьба. Встретитесь с ним, не показывайте, что вы чем-то взволнованы. Держите себя по-прежнему.

— Мне это будет трудно.

— Знаю.

— Он очень проницатель и подозрителен.

— Забудьте об этом разговоре. Иначе вы можете повредить делу.

— Постараюсь. Я понимаю, что раз вы заинтересовались им, для этого есть основания.

— Да, вероятно, есть.

Она вдруг закрыла лицо руками. Губы ее задержались, плечи вздрогнули.

— Лидия Павловна, ради бога!

Не отрывая рук от лица, Матвеева встала и отошла к стене. Рублев налил воды в стакан и подошел к ней. Но она покачала головой.

— Бог мой! И надо же, чтобы все это... случилось со мной.— У нее вырвалось сухое, сдавленное рыдание.

— Успокойтесь, Лидия Павловна!

Но ее всю трясло. Когда Матвеева немного пришла в себя, Рублев заставил ее выпить воды. Ему хотелось сказать что-то утешительное, но нужных слов не находилось. Наконец она достала зеркальце, привела себя в порядок и села в кресло, закулив сигарету.

— Что же такое он сделал? — Она судорожно сглотнула.

Мы пока разбираемся, Лидия Павловна. Когда будет ясно — скажу.

Она закрыла глаза и покачала головой.

— Какой ужас!

— Успокойтесь. Если встретитесь с ним и что-то вам покажется подозрительным, сообщите мне. Вот мой служебный телефон.— Он подал ей квадратик бумажки с телефоном и своей фамилией.— Номер запомните наизусть, а бумажку разорвите и выбросьте. Возьмите себя в руки. Нам нужна ваша помощь. Вы согласны нам помочь?

Голос ее был слабым, утомленным:

— Постараюсь... Сделаю все, что смогу.

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Кларк был приятно удивлен, что кассета с пленкой, переданная агенту, вернулась к нему явно не тронутая никем. Ее тщательно обследовали эксперты и пришли к выводу, что она не вскрывалась.

Рудник вроде бы засвидетельствовал свою лояльность.

И все же Кларк не чувствовал себя спокойным. Настроение агента ему не понравилось. По опыту он знал, что лучшие агенты — это те, которые действуют против своей страны в силу личных убеждений. У Рудника не было убеждений. Он выполнял их приказы движимый только страхом. И, конечно, корыстью. Идеальный агент, по мнению Кларка, должен быть фанатиком, холодным, рассудочным, одержимым идеей бескомпромиссной борьбы против режима.

Но где такого взять? Такого у Кларка не было. «Деньги, выплачиваемые агенту, — рассуждал он, — лучший заменитель фанатизма. Ибо человеческая алчность — это одна из самых сильных страстей».

Благоразумнее всего было бы вообще отказаться от услуг Рудника. Но Кларку нужен был Смеляков, и Рудник на данном этапе был единственно возможным связующим звеном между Кушницем и Смеляковым.

Маккензи отнесся к этому плану резко отрицательно. Он без труда усмотрел в плане Кларка незнание реальных условий действительности.

— Допустим, — в который раз приводил он свои доводы, — что Гансу это удастся. Представим себе такую картину: он как представитель социалистической державы запросто беседует со Смеляковым. Верю, что Ганс обладает огромным обаянием: он способен очаровать русского ученого. Что дальше?

— Он нащупывает его слабые места.

— Но все-таки, как вы себе их представляете?

— Смеляков честолюбив.

— Допустим. Что дальше?

— Ганс может использовать эту его слабость. Например, Кушниц берет на себя роль сочувствующего коммунистам. Он знает английских ученых, которые, по понят-

ным причинам, не могут действовать от своего имени и просили его, Кушница, передать высокочтимому советскому доктору их труды. Эти труды имеют, естественно, не только научное, но и военно-стратегическое значение. Ученые из-за рубежа позволяют Смелякову использовать их работы для блага мира. Если он не поверит Гансу и пожелает сам встретиться с этими английскими учеными, то это мы устроим.

— Вы считаете Смелякова за идиота?

Кларк окинул своего помощника сожаляющим взглядом: боже мой! — вот тот самый случай, когда беда человека в том, что у него отсутствует воображение! И этот рыжий верзила еще смеет называться разведчиком. «Вот такие-то, — думал он с горечью, — и определяют политику борьбы умов!»

Но вслух он сказал:

— Вы считаете Смелякова за ангела? За супермена? За человека без недостатков?

— Нет, конечно, — устало ответил Маккензи. — Но поверьте мне, Боб¹, вы не знаете здешних условий. Недостатки личности — это не есть абстракция. Это конкретная субстанция, которая или развивается в благоприятной среде, или погибает.

— Слушайте, Джо, сколько лет вы в России?

— Восемь.

— Они не пошли вам на пользу. Особенно если учесть, что вы — профессиональный разведчик. Мы солдаты, Джо, и не можем руководствоваться философскими категориями. Мы призваны руководствоваться приказами.

— Но приказы, Боб, нужно выполнять с умом.

— Вы имеете что-нибудь предложить?

— Ничего конкретного. Просто я предоставил бы событиям идти своим путем. В конце концов так ли уж важно для нас это топливо? Ведь мы, кажется, декларируем мирные принципы.

— Но на нас лежит обязанность по защите демократии, — высокопарно произнес Кларк.

— Э, бросьте заниматься демагогией. Мы с вами не на плацу. Вы не сержант, я не новобранец. Кое-что повидал за свою жизнь.

Разговор этот происходил у Кларка. Развалясь в тя-

¹ Сокращенное Роберт.

желом кожаном кресле, Маккензи лениво следил за шепотом.

— По-моему, ты устал, Джо,— дружелюбно похлопав своего собеседника по плечу, сказал Кларк.

Маккензи поерзал в кресле:

— Мне пятьдесят три. В моем возрасте пора думать о душе. Или хотя бы катать внуков в коляске. Но у меня нет внуков, Боб. И детей тоже. Ты, вероятно, знаешь, что моя жена погибла в автомобильной катастрофе. Это было семнадцать лет назад, и с тех пор я так и не удосужился жениться. Все, знаешь, защищал нашу демократию. Старался что было мочи. Просто не можешь себе представить, как я старался.

— Джо, но родина не забудет,— начал было Кларк.

Маккензи хихикнул:

— Не надо, Кларк. Родина забудет. А если вспомнят на Уайтхолле, чтобы всучить мне какую-нибудь медальку, то она мне и ни к чему. Это все эмоции, Джо. Вернемся-ка лучше к делу.

Кларк сел за рабочий стол и, отхлебнув очередную порцию виски, принялся чертить на бумаге загадочные линии.

* * *

Было четверть шестого. Но казалось, что уже наступил глубокий вечер,— настолько низко опустилось темпосиреневое небо.

Когда Лидия Павловна добралась до дома Павла Рудника, дождь перестал, небо на западе посветлело. Она почувствовала себя спокойнее: наверное, подействовал элениум.

Не успела она нажать кнопку звонка, как обитая коричневым дерматином дверь отворилась: Павел, вероятно, услышал ее шаги на лестничной площадке. В прихожей он поцеловал ее, помог снять плащ.

— Промокла? — Он был без пиджака, в голубой рубашке с распахнутым воротом, в домашних туфлях.

— Почти нет. Есть хочешь? Ты обедал? — Она старалась быть непринужденной.

— Нет. Мы ведь скоро идем в ресторан.

— Ах, да, я и забыла.

— Может, пока выпьем кофейку? Ты ведь озябла?

Лицо Павла обычно было жестким, мрачноватым. Но

стоило ему увидеть Лиду, и глаза его теплели, складки у рта и на лбу разглаживались. Когда-то Лиде это льстило: в такие минуты она чувствовала свою власть над этим мрачноватым человеком.

Она прошла на кухню, быстро приготовила кофе. А в голове стучала мысль: только бы он ничего не заметил. Сейчас она, как никогда, чувствовала, что вести двойную игру — задача для нее непосильная. Нужно сказать об этом молодому человеку в коричневом твидовом пиджаке.

Павел сидел в кресле, у журнального столика. Скрестив руки, он молча наблюдал за тем, как она ставит крохотные, пестро расписанные керамические чашечки, открывает коробку печенья, разливает из «турки» кофе.

Несколько минут они молча пили кофе.

— Знаешь, Лида, у меня к тебе вопрос. — Он поставил чашечку на столик. — Ты ведь знаешь, что я отношусь к тебе с полным доверием. — Она испуганно вскинула глаза, но выдержала его напряженный прищуренный взгляд. — Если ты помнишь, я никогда не донимал тебя ревностью. Но сегодня мне кажется, что ты была в обществе мужчин.

— С чего ты взял?

Он расхохотался, как показалось Лидии Павловне, несколько принужденно.

— Интуиция! Ну? Так я прав? Только откровенно...

— Разумеется, была. Но только почему ты догадался?

Он молчал, только смеялся глазами, а внутри у нее все похолодело. «Неужели, я чем-нибудь выдала себя? Или у него на моей работе есть свой человек, который сообщил, что меня вызывали в отдел кадров?»

— Скажи, с кем ты была?

— Я тебе отвечу. Только хочу сначала знать, чем вызвана твоя подозрительность?

Он улыбнулся:

— Это очень просто. Вокруг таких красивых женщин, как ты, всегда вьются мужчины. И я боюсь, что наступит день, когда один из них похитит тебя.

— Вот уж не думала, что ты ревнив. Во всяком случае, раньше этого не замечала за тобой. — Она поняла: он что-то не договаривает. Дело вовсе не в ревности. Но в чем? — У нас сегодня было совещание. Там, конечно, были в основном мужчины. Накурили так, что у меня до сих пор голова раскалывается.

Они допили кофе, она собрала со стола посуду и отнесла в раковину. Все в ней дрожало от напряжения. «Нет, нет,— думала она,— больше я не могу сюда приходиться. Это в последний раз».

— Смотри-ка, что я тебе принес! — крикнул он из комнаты. — В руках у него был блок «Мальборо».

— Спасибо. Ты меня избаловал подарками. — Она поцеловала его в щеку.

— Ну, а теперь давай собираться. Мы давно не были с тобой в ресторане. В последний раз — в день твоего рождения. А сегодня мне хочется кутнуть как следует.

— Плохое настроение? — Она старалась, чтобы голос ее звучал шутливо.

— Просто есть желание выпить. А ты?

— Прекрасно. Что мне в тебе всегда нравилось — твоя сговорчивость. С тобой всегда было легко.

Когда, вымыв посуду и сняв фартук, она снова появилась в комнате, он уже был одет. Темно-синий дакроновый костюм с отливами делал его моложе. Старили его высокие залысины и жесткие складки, идущие от крыльев носа к уголкам рта.

— Ты элегантен, как дипломат на приеме.

— Что делать?! С такой женщиной, как ты, нельзя появиться одетым кое-как. Да еще в ресторане. — Он долго пристраивал в нагрудный карман белый шелковый платок. — Ты знаешь, мне кажется, что мы живем с тобой скучновато. Давай как-нибудь пригласим знакомых и устроим пир, а? Или мотнем на субботу и воскресенье в Сочи. Что мы, хуже других — не можем себе позволить, что ли?

— А кого ты собираешься пригласить? Не замечала, чтобы у тебя было много друзей.

— Ерунда. Выпить на дармовщинку желающих найдется! Но, по правде говоря, я лучше бы махнул в Сочи. Согласна?

Она кивнула головой. «Бог мой, он не знает, что его ждет».

Наверно, он заметил, что она подумала о чем-то невеселом.

— Тебя что-то угнетает?

— Нет. — Она беспомощно улыбнулась. — Просто немного устала. Я всегда устаю от совещаний.

— Ничего. В ресторане отдохнем.

Небо очистилось, на западе цепочкой выстроились лиловые тучи, подпаленные снизу лучами заходящего солнца. И само солнце казалось неестественно огромным, оно утопало в сумятице оранжево-багряных цветов. Пахло сыростью, бензином и прелыми фруктами. На улицах было многолюдно, суматошно и весело. Но боль, как заноза, торчала где-то под сердцем.

Такси доставило их на Новый Арбат. Рудник дал шоферу рубль и взял сдачи, все до копейки. Раньше ее раздражала эта черта Павла. Скупость и мелочность казались Лиде самыми неприятными человеческими чертами. Теперь вдруг ей пришла в голову мысль, что это вовсе не скупость и не мелочность. Ведь по отношению к себе она никогда не замечала ничего подобного. Наоборот. Павел не любил приходить к ней без подарка, пусть пустякового. Ему всегда хотелось ее чем-то порадовать; иногда это была просто шоколадка. «Он боится на людях показывать, что у него есть деньги,— подумала она.— Вот почему он так мелочен в расчетах с шоферами, официантами, буфетчицами».

Лидия Павловна поймала себя на мысли, что теперь, после беседы в отделе кадров, она стала смотреть на Павла совсем другими глазами.

Огромный зал Новоарбатского ресторана был наполовину пуст. Они заняли столик в углу. Лидия Павловна почувствовала, что Рудник взволнован, и догадалась, что предстоит серьезный разговор.

Он заказал бутылку «Гурджаани», сто граммов коньяку для себя, салат из помидоров, мясо с грибами и кофе. Она ломала себе голову: о чем же Павел будет говорить? Будет ли это как-то связано с вызовом ее в отдел кадров? Может, он уже знает об этом разговоре? И какая загадка, в конце концов, кроется в человеке, с которым она так неожиданно сроднилась? «Боже мой! — думала она, вглядываясь в столь знакомое лицо. — Какая же я невезучая! Стоило полюбить человека, и опять все не так».

Потом, когда она выпила несколько рюмок вина и вповь ощутила, с какой нежностью, предупредительностью Павел относится к ней, Лида внутренне расслабилась, обмякла, и все недавние страхи показались ей обычной мнительностью. Она с интересом наблюдала, как на эстраде появились оркестранты в голубых смокингах и белых брюках, как оживился зал, — многим, видимо,

не терпелось потанцевать. Несколько минут оркестр исполнял что-то торжественное — вроде приветственного марша. Потом вышел певец, волосатый молодой человек со скиперской бородкой. Раздались аплодисменты, бородач польщенно поклонился.

«Вновь твоя рука в моей руке...» — запел он. И Лида невольно поддалась настроению этой модной мелодии, которая ей ужасно нравилась.

— Послушай, Лида, — голос Павла вывел ее из задумчивости. — Есть новость.

У нее сразу все оборвалось внутри. Заметив на ее лице промелькнувший испуг, он добавил: — Да нет, не волнуйся. Новость хорошая. Предлагают интересное дело. Обещал подумать до завтрашнего дня. Все зависит только от тебя. Поедешь со мной?

— Куда еще?

— В Одессу.

Она удивленно посмотрела на него.

— А что? Прекрасный город и должность ничего себе: завсудующий автоколонной. Это тебе не баранку крутить. В моем возрасте пора в начальство выходить.

Она допила рюмку вина, помолчала. «А может, это действительно выход? Уехать — и начать новую жизнь. Родить ребенка, готовить обеды, ходить по магазинам и вообще жить нормальной семейной жизнью. Но тот молодой человек из отдела кадров, нет-нет, это не сон, ведь он что-то знает о Павле больше, чем она. Что?» — Все эти вопросы мучили Лидию Павловну непрерывно.

— Подожди. Вот так, сразу, Одесса, а как же моя квартира, работа?

— Ну и что? — обрадовался он, не встретив отказа. — Квартиру обменяем, и твою, и мою, на большую, трехкомнатную, где-нибудь на Приморском бульваре. Представляешь — море, порт, капитаны. Ты хоть была когда-нибудь в Одессе?

— Нет.

— Поверь мне, не город, а сказка. — И добавил вполголоса: — А детям, между прочим, морской воздух очень полезен. Ну? Давай решать.

— Что ж, — сказала она, — я согласна. Хотя, по правде, не представляю себе жизнь без Москвы.

— Да что Москва? Клином свет на ней сошелся? Нам с тобой будет хорошо, где угодно, главное, чтоб вместе,

Лида, — добавил он дрогнувшим голосом и поцеловал ей руку.

Он прослезился. И это было для нее так странно, что она чуть не разрыдалась сама.

Потом, когда они возвращались домой и Рудник бережно держал ее под руку, он — в который раз! — перебирал в уме детали своего плана. Уехать, скрыться, сменить фамилию (он был уверен, что за деньги достанет новый паспорт), стушеваться, стать незаметным, сделать все, чтобы уйти из-под власти своих «хозяев». Вряд ли они станут рисковать, чтобы отыскать его. И заживет он наконец как нормальный человек. И когда-нибудь, на старости, может, и расскажет историю своей жизни Лиде.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЗАВЕЩАНИЕ

Не без внутреннего колебания Рублев частично посвятил в свои замыслы Лидию Павловну. Вначале это не входило в его намерения. Но потом, когда он увидел эту женщину, и особенно, когда поговорил с ней, Рублев решил: самое лучшее — не скрывать от нее правды, а превратить ее в помощницу.

— И что вам дало основание считать, что она не предупредит Клиента? — спросил его Петраков, выслушав подробный отчет Рублева о беседе в отделе кадров института.

— Только твердое убеждение, что этому человеку можно доверять.

Петраков скептически хмыкнул:

— Но представьте себе, что ваше убеждение ошибочно?

— Возможно. В таком случае есть еще один довод: не в интересах этой женщины подводить нас. Она прекрасно понимает, что Клиенту помочь она не сможет, а только повредит своей репутации.

— Так-то оно так, — вздохнул Петраков. — Но беда в том, что далеко не все женщины поступают логично. Особенно, когда по уши влюблены.

Рублеву показалось, что за этими словами шефа кроются воспоминания о своем, может быть, не очень веселом личном опыте общения с женщинами.

— Мне не показалось, — сказал он, — что их отношения можно назвать безрассудной любовью. Скорее, это длительная привязанность, привычка. Во всяком случае, с ее стороны. А с его они вообще далеко не бескорыстны. Хочу напомнить вам, Анатолий Васильевич, что интерес к ней возник у него, когда он узнал, что она работает в закрытом институте. А уж потом он привязался к ней и как к женщине. Ему ведь почти пятьдесят, а в этом возрасте появляется консерватизм — привязанности не меняются легко.

На мрачноватом лице Петракова появилось нечто вроде улыбки.

— Психолог! Достоевский! — воскликнул он. — Действуй все-таки осторожней, а то как бы психологические изыскания не повели тебя по ложному пути. К сожалению, человеческая психика довольно сложная штука — она не всегда следует известным законам.

— Это, конечно, верно, Анатолий Васильевич. — Рублев на мгновение задумался и продолжал: — Но согласитесь, какие выгоды даст нам помощь Матвеевой. Мы будем знать о каждом шаге Рудника.

Петраков встал из-за стола и прошелся по кабинету. Шаги его были размашисты и плавны: казалось, он почти не касался подошвами ботинок пола.

— Насчет выгоды, — проговорил он наконец, — спорить не приходится, но не стоит при этом забывать и о Клиенте. Если столько лет он ничем не обнаружил себя, надо полагать, он не дурак и разбирается в психологии не хуже тебя. А ведь Матвеева — женщина; к тому же не столь уж молода. Нервы у нее, наверно, ни к черту.

— Нет, мне показалось, что она человек трезвый и неглупый, — возразил Рублев.

— Показалось... — скептически протянул Петраков. — Достаточно Клиенту заметить, что она чем-то взволнована, и он сразу насторожится.

— Такую возможность я тоже учел: у нее есть мой телефон. Мы договорились, что она позвонит, если заметит что-то необычное или подозрительное.

Петраков опустил в кресло, устало провел рукой по лицу.

— Хорошо. Ты меня убедил. Действуй. Теперь самое главное — завещание. Повтори-ка, что она говорила о завещании.

— Как-то Клиент сказал ей, что отец оставил ему наследство, но получить он его не может. Потому, что отец ему, собственно, не отец, а отчим, с которым он при жизни не разговаривал. Теперь он не хочет пользоваться его деньгами.

Петраков остановил на своем подчиненном отсутствующий взгляд.

— Любопытно... Почему? Я хочу сказать, почему он не может получить наследство? Ваше мнение?

— Пока не знаю. Возможно, что наследства, как такового, вообще не существует.

— Возможен и такой вариант.

— Да. Я заметил, что люди, живущие двойной жизнью, обычно сочиняют о себе массу историй. Просто привычка к вымыслу стала их второй натурой.

— Это опять из области психологии. А чтобы опираться на факты, необходимо проверить через Главное нотариальное управление все не врученные адресатам завещания. Займитесь-ка этим, Сергей Николаевич, и через день, максимум два доложите мне о результатах.

Петраков подвинул к себе папку с бумагами, и Рублев понял, что разговор окончен. Он встал и хотел было попрощаться, но Петраков сказал:

— Вот что, Сергей Николаевич. Возможно, что Клиент вовсе не тот человек, за кого он себя выдает. Не исключено, что его «гладкая», как вы сказали, биография чистейший вымысел. А о его настоящей биографии мы попросту ничего не знаем. Копните как следует его прошлое — оно может пролить свет и на его настоящее. Не сразу и не вдруг, черт побери, он стал врагом! Не хочу утверждать наверняка, но если завещание действительно существует, то оно поможет узнать, кто же на самом деле этот Павел Рудник? И Рудник ли он?

— Вы думаете, что он живет не под своей фамилией?

— Не знаю. Возможно, что и так. И самое главное — не спускайте с него глаз. Не забывайте ни на минуту, что, если наши предположения верны, мы имеем дело с опытным врагом. Жду вашего доклада, Сергей Николаевич.

Петраков встал и протянул Рублеву тяжелую, сильную руку.

Выходя из кабинета шефа, Рублев не мог отделаться от ощущения, что Петраков остался недоволен его дейст-

виями, хотя и одобрил их. Но самое главное, что в глубине души он понимал, что опасения шефа небезосновательны. Видимо, все-таки он зря положился на Лидию Павловну. Сейчас он и сам не был уверен, что в столь сложной ситуации она будет себя вести так, что ни словом, ни жестом не выдаст себя. Рублеву хотелось еще раз встретиться с Матвеевой, чтобы проверить свое первоначальное впечатление. Неужели он все-таки в ней ошибся?

Рублев понимал: нужно торопиться. Чем скорее они соберут материал на Рудника, тем меньше риска, что Лидия Павловна оступится и усложнит им работу. Но прежде чем речь пойдет об ордере на арест Рудника, необходимо было срочно выяснить его связи, и здесь он рассчитывал на Максимова, который вел наблюдение за Клиентом, и на помощь Матвеевой. И затем необходимо срочно ответить на вопрос: что же все-таки из себя представляет Рудник? Соответствует ли его официальная биография подлинной?

— Вот что,— сказал он Максиму, когда тот по его вызову появился в кабинете,— срочно свяжись с Главным нотариальным управлением и выясни: есть ли у них незатребованные завещания и если есть, то на какие фамилии. Составь список таких завещаний и основные исходные данные на тех, кому они предназначены. Понял?

— Не совсем, Сергей Николаевич. Это касается Рудника?

— Совершенно верно. У нас есть сведения, что он должен был получить наследство, но почему-то получить его не захотел. Сделай как можно скорее, отложи все другие дела. Я должен иметь все необходимые данные к завтрашнему утру — к десяти часам.

Сроки были жесткие, и на полном добродушном лице Максимова промелькнула тень неудовольствия. Однако вслух он его не высказал, только пробормотал «слушаюсь» и поспешил из кабинета.

Оставшись один, Рублев попытался — в который раз! — проанализировать тот материал, которым они располагали в отношении Рудника. Самая серьезная улика против него — это появление тайника на Новодевичьем кладбище. Его попытка завязать связь с семьей Смелякова. Что еще? Его видели на Симферопольском шоссе вместе с Кларком во время автомобильной аварии. Не

так уж и мало. Неясно самое главное: чье задание выполняет Рудник? Кому он служит? Кто платит ему деньги? И только ли новым топливом ограничены его интересы?

Допустим, что появление у могилы купца Маклакова — случайность. Но встреча с Кларком? Правда, Кларк совсем недавно в Москве и не дал еще никаких оснований считать, что занимается недозволенной деятельностью.

И все же какое-то чутье подсказывало Рублеву, что между всеми фактами последних дней есть какая-то связь. Но это были только подозрения, которые еще необходимо подтвердить.

Размышления Рублева прервал телефонный звонок.

— Сергей Николаевич, — раздался в селекторе голос секретарши. — Вас спрашивает Матвеева. Соединить?

— Да, обязательно. — Он снял трубку.

— Здравствуйте. Это Лидия Павловна. — Голос ее прерывался, она явно волновалась. — Мне бы хотелось с вами поговорить...

— Очень рад, что вы позвонили. Сможете приехать?

— Куда? К вам?

— Да, да. Я закажу вам пропуск. Вам ведь нужно со мной поговорить?

В ответ тихое, еле слышимое «да».

— Прекрасно. Приезжайте. Я вас жду. Рублев назвал адрес управления, номер подъезда, комнаты и положил трубку.

И почувствовал облегчение: все же он был прав. Она позвонила сама. Теперь он почти не сомневался, что у нее есть что сообщить ему. Крупица информации за крупицей, и портрет Рудника будет готов — омерзительный портрет одного из хитро замаскировавшихся предателей.

Эту породу людей Рублев ненавидел всей душой.

— Ты не должен вносить в свое дело эмоции, — настаивал его Петраков, когда Сергей Николаевич горячился. — Эмоции мешают объективной оценке фактов. Холодность и бесстрастность — лучшие средства уберечь себя от ошибок.

Но Рублев не мог быть бесстрастным к Клиенту. Он был его личным врагом, а не только объектом изучения. Он снился ему по ночам и постоянно напоминал о себе, как болезненная опухоль на теле. Он не выходил у Рублева из головы. Кто он, этот Павел Рудник? — в который раз задавал себе вопрос Рублев.

Дежурный из бюро пропусков доложил, что Матвеева находится внизу, ей выписан пропуск.

Через несколько минут Лидия Павловна появилась в кабинете, осунувшаяся, побледневшая. На сей раз она показалась Рублеву несколько старше, чем в первую их встречу. Но одета она была по-прежнему тщательно, с большим вкусом. Опустившись в кресло у стола, она тут же достала сигарету и, прикурив от протянутой Рублевым зажигалки, несколько раз нервно, глубоко затанула. Пальцы ее дрожали.

— Не волнуйтесь, Лидия Павловна, — сказал Рублев как можно мягче. — Поверьте, что вы пришли к людям, которые вас поймут и, если надо... помогут.

— Постараюсь, — полушепотом проговорила она. — Хотя не волноваться, наверное, невозможно.

— Что-нибудь случилось?

— Да... Вернее, нет. Ничего особенного. Если не считать, что мне показалось — вы правы. В отношении его я имею в виду, — какое-то мгновение она молчала, борясь с волнением. — По-моему, я не подхожу для той роли, которую вы мне отвели. Просто не справлюсь.

— Никакой роли мы вам не отводили. Поймите, речь идет о государственной безопасности. Успокойтесь и расскажите, как вел себя Рудник.

Лидия Павловна рассказала, как Рудник пытался, где она была. Она просто похолодела от страха: неужели он догадался, что им заинтересовались? Просто собачья интуиция. Правда, потом он прикинулся таким ревнивцем, но она ему не поверила: дело не в ревности, просто он чувствует что-то неладное.

— Но каким образом? — удивился Рублев.

— Не знаю. Я подумала: а вдруг у него на моей работе есть свой человек? Но это глупость, конечно.

— Наверное, вы просто были взволнованы.

— Может быть. Во всяком случае, он о чем-то догадывается. Вечером, когда мы вернулись из ресторана, он заявил, что должен на несколько дней уехать. Вообще мне показалось, что он чем-то встревожен. Даже подавлен, хотя он изо всех сил пытался скрыть свое состояние.

Помолчав, она добавила: — Да, самое главное. Я вспомнила, что Рудник почему-то очень интересовался начальником нашей лаборатории — Смеляковым.

— Что он хотел о нем знать?

— Все, буквально все.

— Например.

— Например, где он живет, какие у него привычки, буквально все.

— И вы рассказывали?

— Да. Я думала, что это просто любопытство. А теперь поняла, что неспроста все это. Зачем ему Смеляков?

— Действительно, зачем? — Рублев задумался. — Это мы выясним. А еще чем он интересовался?

Дрожащими пальцами Матвеева гасила сигарету. Теперь Рублев был почти убежден, что идет по верному следу. Перед ним был тщательно замаскировавшийся вражеский шпион. Иначе зачем бы Руднику, этому простому шоферу, собирать досье на ученого, занятого секретной работой.

— Видите ли, — заговорила опять Лидия Павловна, — он предлагал переехать в Одессу, его пригласили туда работать.

— Ну, а вы — согласились?

Лидия Павловна вздохнула:

— Ну а что мне оставалось делать?

— Вы правильно сделали, — сказал он и подумал: «Какая, в сущности, казенная, будничная фраза у него вырвалась. Эта женщина нуждалась сейчас, как никогда, в сочувствии».

— Лидия Павловна, я знаю, что вам тяжело. Не можете с ним встречаться — не надо. Но если встретитесь — держитесь непринужденно. В случае чего — звоните...

Матвеева сидела, опустив голову. Наконец она подняла на Рублева глаза. В них стояли слезы.

— Скажите, Сергей Николаевич, в чем вы все-таки его подозреваете?

— А разве вы не догадываетесь?

— Я хочу знать все.

— Со временем узнаете. Пока я просто не могу, да и не имею права говорить вам всего. Да всего я еще и сам не знаю. Ясно одно: Павел Рудник — темный и опасный человек.

Она тяжело поднялась с кресла.

— Боже мой, какой стыд! Что же мне делать? Что мне делать?..

Проводив Матвееву, Рублев тут же набрал номер телефона автобазы, где работал Рудник. Уже знакомый ему кадровик ответил, что ни о каком переходе Рудника на новую работу он не имеет понятия. Теперь Рублев не сомневался, что его противник задумал какой-то еще непонятный ход. Нужно было торопиться, пока Клиент не осуществил своего замысла.

Утром в кабинете Рублева появился Максимов. Вошел поспешно, с трудом сдерживая расправившее его торжество. Поздоровавшись и усевшись в кресло, долго просматривал записи в папке.

— Ну, выкладывай с чем пришел? — поторопил его Рублев.

— Сейчас, Сергей Николаевич, сейчас. Наберитесь терпения. Не пожалеете. Можете смело выписывать ордер на арест Клиента.

— Так уж и ордер.

— Да, ордер. Это я вам точно говорю. Раскусил я Клиента.

— Так в чем все-таки дело?

— А в том, что Рудник вовсе не Рудник. Настоящая его фамилия Обухович, Павел Аркадьевич Обухович.

— Как тебе это удалось узнать?

— Очень просто. Благодаря завещанию.

— Давай по порядку.

А по порядку все выглядело так. Вчера Максимов зашел в Главное нотариальное управление и в списке неостребованных завещаний наткнулся на одно — Обуховича. Старик парикмахер из Одессы завещал своему сыну Павлу Аркадьевичу Обуховичу дом, принадлежавший ему на правах личной собственности, и тысячу двести рублей. Конечно, Максимов обратил внимание на это завещание потому, что имя и отчество, указанные в нем, совпадали с именем и отчеством Рудника. И год рождения, и место рождения тоже.

— Это могло быть и случайностью, — рассказывал Максимов, — но я исходил из предположения, что завещание действительно адресовано Руднику. Самым главным теперь было выяснить, менял ли Рудник фамилию и если да, то когда?

— А главное — почему? — перебил Максимова Рублев. — Что именно его заставило изменить фамилию?

— Вот на этот вопрос я и искал ответа, — продолжал

Максимов. — Пока мне удалось установить через райвоенкомат, что Рудник был призван в армию в тысяча девятьсот сорок четвертом году, то есть в возрасте двадцати трех лет.

— Любопытно. Почему его не призывали раньше? Возможно, у него была бронь...

— Нет. — Максимов выдержал паузу и медленно добавил: — Рудник находился на оккупированной территории — в Белоруссии. А в армию был призван в Риге...

— На оккупированной территории? — Рублев остановил на подчиненном удивленный взгляд. — Но в анкетах он не указывает этого.

— Совершенно верно. Это я обнаружил случайно — в анкетных данных его отца. Перед самой войной его отец переехал в Могилев и прожил там до сорок седьмого.

— Но Павел Рудник мог жить в это время в другом городе?

— Нет. В документах я обнаружил справку с места жительства, в которой четко сказано, что Обухович Аркадий Ефимович проживает совместно с сыном — Обуховичем П. А. и женой такой-то по адресу такому-то.

Несколько мгновений они молчали. Дело принимало совершенно неожиданный поворот. Прошлого Рудника проступало, как строки симпатических чернил после обработки. Но хоть эти строки и становились различными, они порождали новые вопросы.

— Теперь нам остается доказать, — сказал Рублев, — что Обухович П. А. и Рудник Павел Аркадьевич — одно и то же лицо.

— Я не сомневаюсь, что так оно и есть. К тому же через час у нас будет точное документальное тому подтверждение.

— Каким образом?

Губы Максимова тронула довольная улыбка.

— В документах я нашел письмо младшего Обуховича, адресованное отцу. Графическая экспертиза уже заказана. Если она подтвердит идентичность почерков, то...

— То тогда остается выяснить, что делал Рудник на оккупированной территории и почему поменял фамилию?

— Наверное, у него были серьезные причины.

— Не сомневаюсь. Впрочем, тут нам может помочь Могилевское областное управление. Придется тебе по-

копаться в их архивах. Как только поступят результаты экспертизы, немедленно сообщи мне. Я свяжусь с Могилевым.

Рублева охватило радостное волнение и чувство огромного облегчения. Многомесячная кропотливая работа явно близилась к концу. Все эти дни он только и занимался решением задачи с огромным количеством неизвестных. И все это время Катя незримо вторгалась в его расписанную по часам жизнь. Он не выдержал и позволил ей на работу, ожидая от нее упреков. Но она ни о чем не спрашивала, была просто рада его звонку.

— Хочу видеть тебя немедленно. А то боюсь опять пропадешь.

Договорились встретиться вечером в его квартире. Оставшиеся часы тянулись мучительно долго. Наверно, впервые он ушел из управления ровно в шесть. Дома он сам приготовил ужин, накрыл на стол, зажег свечи. Когда в прихожей раздался звонок, он вздрогнул как от чего-то неожиданного, хотя каждую минуту ждал этого звонка. Все в нем напряглось в ожидании.

Катя только что побывала в парикмахерской, и Сергей был весьма тронут и польщен, что она сделала это ради него.

— С трудом вспомнила твой номер квартиры, — бросила она, когда он помогал ей снять плащ.

Сергей игнорировал эту колкость и потащил ее за руку в комнату.

— У тебя что, именины? Такой праздничный стол...

— Конечно, праздник.

— Какой же? — спросила она кокетливо.

Вместо ответа Сергей прижал ее к себе. Но она уперлась руками в его грудь.

— Слушай, ты, кажется, слишком самоуверенный тип. Ты думаешь, я Пенелопа?

— А разве десять лучших сынов Эялады претендуют на вашу руку?

— Увы, только один, и тот загадочно исчезает на недели.

— Виноват, моя Пенелопа, твой Одиссей больше этого не позволит.

Она бросилась ему на шею...

Потом, когда они сели ужинать, она призналась:

— Я ужасно боюсь тебя потерять. Пока ты не зво-

нил, что я только не передумала. У нас ведь все хорошо, правда?

— Катя, у нас всегда будет хорошо.

— Но я должна видеть тебя каждый день. Когда мы не встречаемся даже день-два, мне кажется, что все может рухнуть.

Сергей не мог оторвать от нее глаз. Возбужденная разговором, она словно светилась изнутри и была в эту минуту необычайно близка ему. Сергею казалось, что они знают друг друга всю жизнь, и все, что он испытывал сейчас, когда-то уже было с ним.

— Знаешь, я все рассказала маме.

— И?

— Страшно расстроилась. Мама переживает из-за развода больше, чем я. Но мне кажется, что стоит ей увидеть тебя, и она успокоится.

— Ты думаешь я ей понравлюсь?

— Не сомневаюсь. Неужели есть такие люди, которым ты можешь не понравиться? Хочешь, я познакомлю тебя с папой?

— Нет,— после паузы ответил Сергей.— С этим давай подождем.

— Но мне просто не терпится вас познакомить. Вообще мне поскорее хочется показать тебя всем своим.

— А как он, твой муж?

— Какое это имеет значение...

— Все же он живой человек...

— Когда я объявила, что мы разводимся, он, конечно, расстроился. Еще бы, ему у нас было так удобно. Все права и никаких обязанностей. Извини,— добавила она, помолчав,— мне показалось, что ты его уже знаешь. Не правда ли?

— Нет, нет,— заверил он ее.— Просто у меня есть знакомый с такой фамилией.

— А я-то думала...

Сергея раздражала эта вынужденная ложь, но посвящать ее в свои служебные дела он не имел права: таковы были законы его профессии.

— О чем ты задумался? — встревожилась Катя, обычно чутко улавливающая его настроение.

Сергей ничего не ответил. Лишь молча прижал ее к себе, чувствуя, как от прилива нежности у него потемнело в глазах.

ЧАСТНАЯ КЛИНИКА

В то время как происходили все эти события в Москве, настоящий Ганс Кушниц сидел под замком в одной из частных клиник во Франкфурте-на-Майне в одиночной палате для буйнопомешанных. Собственно, больничная палата мало чем отличалась от тюремной камеры: окно переплетено тяжелой решеткой, в дверях глазок. Да и обстановка не отличалась разнообразием: простой стол, стул, кровать, застеленная серым одеялом. Вообще серый цвет преобладал в палате: стены были выкрашены серой краской, давно не беленный потолок тоже казался серым. Даже книги на полке почти все были в серых переплетах. Казалось, что оформитель интерьера боялся, что яркие цвета могут плохо подействовать на слабую психику будущих жильцов.

После того как были закончены допросы, Ганс рассчитывал выбраться наконец из служебной квартиры разведки. Кларк больше не появлялся. Вместо него однажды утром в номер Ганса вошли двое рослых молодых людей и заявили, что с сегодняшнего дня мистер Кушниц может быть свободен. Для этого необходимо только выполнить небольшую формальность: заполнить карточку и ответить на ряд вопросов.

— Придется проехать к шефу, — сказал один из молодых людей. — Это недалеко отсюда.

Ганса посадили на заднее сиденье «плимута» между двумя охранниками. Ганс не мог точно сказать, сколько километров бетонированной ленты проглотил «плимут». Ему показалось, что ехали они очень долго, и наконец оказались на окраине какого-то города. Машина остановилась у чистеньких особняков, утопающих в саду, за высоким кирпичным забором.

В холле одного из особняков их встретил здоровенный детина. Гансу бросилось в глаза, что запястья его рук и толстые пальцы покрыты густой рыжей щетиной, а под мышками, на голубой рубашке расплылись темные круги пота. Детина поздоровался с ними кивком головы и стал подниматься по лестнице на второй этаж.

Гансу, шедшему следом за ним, волей-неволей пришлось любоваться толстым, туго обтянутым колышущимся задом детины.

Они поднялись на второй этаж. Темные, мрачные коридоры пахли карболкой и какими-то медицинскими препаратами. Больница? Но при чем здесь больница? Разве он, Ганс, нездоров? Спросить у своих провожатых, молча топавших позади него, он не решился. «Ладно, там будет видно», — подумал он. Но по спине его пробежал холодок недоброго предчувствия.

Неожиданно здоровяк открыл перед Гансом одну из дверей.

— Прошу, — сказал он.

Шагнув через порог, Ганс услышал, как дверь за ним резко захлопнулась и в замочной скважине повернулся ключ. Ганс вдруг понял все. Это очередная ловушка. Его снова одурачили! С диким криком бросился он к двери и иступленно замолотил по ней кулаками. «Откройте! Откройте, черт вас побери!» Но тут Ганс почувствовал, что кулаки его опускаются во что-то мягкое: он осмотрел дверь и увидел, что изнутри она обита клеенкой, под которой был проложен толстый слой ваты. Это открытие вызвало в Гансе новый приступ ярости. Он стал колотить в дверь ногами, топать по полу, орать, стучать по стенам. Он кинулся к окну с намерением разбить стекла и выброситься. Но окно было забрано частой решеткой и кулаком стекло было не достать.

Ганс бесновался, наверное, целых полчаса, но на его топот и крики никто не приходил. Обессилев, он повалился на пол. На какое-то время он впал не то в состояние забытья, не то каталепсии. Припадок ярости так обессилил его, что он не мог пошевелить и пальцем. Он не в состоянии был даже думать.

Во второй половине дня в дверях повернулся ключ. Вошел низенький человечек в очках, в белом халате, совершенно лысый. Его сопровождала миловидная женщина лет тридцати пяти, вероятно, сестра.

Ганс с трудом поднялся и сел на стул. У него болезненно ныл каждый мускул, каждая клетка. Было такое ощущение, что его избили.

Вошедшие поздоровались. Заметив мрачный взгляд Ганса, лысый сказал:

— Я вижу, молодой человек сердится. А раз сердится — значит он не прав. — И довольно захохотал.

— Где я нахожусь? — Голос походил на рычание затравленного зверя.

— Как где? — удивился лысый. — В клинике. Разве вам не сказали?

— Никто мне ничего не говорил. Меня втолкнули в эту дыру, как преступника в камеру.

Лысый, казалось, был искренне огорчен.

— Ай-ай-ай! Как нехорошо получилось! Ты слышала, Юлия? Сколько раз я говорил этим растяпам, чтобы обращались с нашими клиентами вежливо. И все без толку! Что делать, Юлия?

— Не знаю, доктор. — Юлия опустила большие темные глаза. — Вы здесь хозяин, вы и принимайте меры. — У нее был тонкий, немного удлинненный нос и темные собранные на затылке в пучок волосы. Она, скорее, походила на француженку, чем на немку.

— Молодой человек, — торжественно начал лысый, — заверяю вас, что ваша претензия будет рассмотрена самым серьезным образом.

— Меня это не интересует, — отрезал Ганс. — Я хочу знать, на каком основании меня поместили в клинику. Насколько помню, я об этом не просил.

— Как не просили? Мне сказали, что вы больны. И хотите лечиться. Ведь так, Юлия?

Юлия пожала плечами.

— Я никого об этом не просил. Хватит меня дурачить, доктор. Мне это надоело. Я хочу, чтобы меня немедленно выпустили отсюда.

— Ах, молодой человек! Если бы я мог сделать все, что хочу.

— Перестаньте кривляться. Выпустите меня отсюда. — Ганс встал со стула и направился к двери. Но она оказалась запертой изнутри. — Если вы меня не выпустите, я подам на вас в суд. Я обращусь в газеты... — Ганс готов был наброситься с кулаками на лысого карлика.

Доктор тяжело вздохнул.

— Не горячитесь, молодой человек. Вам вредно волноваться. С вашими нервами...

— У меня прекрасные нервы.

— Это нам лучше знать, молодой человек.

— Да кто вы, наконец, такой? И какое вам дело до моего здоровья? — взорвался Ганс.

— Я доктор Розенblatt. — Лысый слегка наклонил голову. — А это моя ассистентка — Юлия Кан.

Тяжело дыша, Ганс перевел взгляд с доктора на его

ассистентку и обратно. Он снова почувствовал свое бессилие. Было ясно, что доктор, если он действительно являлся таковым, состоит в заговоре с теми молодчиками, которые охраняли его, Ганса, на конспиративной квартире. Никакие доводы здесь не помогут. Они будут прикидываться ничего не понимающими дурачками, а если возникнет необходимость, применят силу. «Нет, Ганс,— сказал он себе,— наберись терпения и жди. Придумай что-нибудь. Перехитри их. В этом твое единственное спасение».

— И от какой же болезни вы собираетесь меня лечить? — спросил Ганс, не сводя пристального взгляда с доктора и его ассистентки.

Сунув руки в карманы халата, Розенблатт прошелся по комнате.

— Пока еще трудно сформулировать точный диагноз. Но совершенно очевидно, что у вас тяжелое нервное расстройство. Вам нужен покой, глубокий сон, прогулки на свежем воздухе.

При слове «прогулки» Ганс подумал о побеге. Да, сейчас нужно смириться, усыпить их бдительность. А когда представится случай — бежать. Бежать как можно скорее.

— А сейчас, молодой человек, разденьтесь до пояса...

Юлия села за стол и приготовилась писать. Розенблатт достал из маленького чемоданчика стетоскоп, аппарат для измерения кровяного давления, молоточек.

Процедура осмотра длилась, наверное, минут двадцать. Все это время доктор бросал ассистентке латинские фразы, и та что-то торопливо записывала в формуляре. Наконец Ганс остался один. Но ненадолго. Вскоре открылось окошко в двери, и ему принесли поднос с обедом.

Приняв душ, Ганс почувствовал себя лучше. Он решил взять себя в руки и спокойно обдумать сложившуюся ситуацию. Он вспомнил всевозможные хитроумные побеги из тюрем, о которых читал. Раз другие сумели бежать из тюрем, значит, и он сможет бежать отсюда. Эта мысль взбодрила его.

На подносе он заметил стакан с разбавленным виски. Нет, пить виски на сей раз он не будет. Наверняка туда подмешали какую-нибудь гадость. Как это делали те молодчики на конспиративной квартире. Ведь именно после

виски он чувствовал приступы безволия и болтливости. Теперь он будет осторожней. Ганс вылил виски в раковину.

Часов в пять вечера Ганса вывели на прогулку. Он проследовал за санитаром сначала по полутемным коридорам, потом по полуподвальным помещениям. Наконец они вышли в узкий двор, который огораживали с двух сторон высокий, метра в три, кирпичный забор, а с двух других сторон стены двухэтажного особняка. В обоих концах двора стояли охранники. Не трудно было догадаться, что они настороженно следят за каждым его шагом. «Может быть, крикнуть, позвать на помощь,— думал Ганс, расхаживая взад и вперед вдоль кирпичной стены.— Нет, бесполезно». Охранники схватят его прежде, чем кто-нибудь успеет прибежать на помощь. Да и кто побежит сюда! Ведь клиника наверняка психиатрическая. Здесь все его доводы не имеют цены. Он не защищен законом. Здесь он целиком во власти лысого гнома. Ганса вдруг охватил ужас: только сейчас он почувствовал всю безвыходность своего положения.

Но допустим даже, что ему удастся бежать. Что ждет его за стенами клиники? Ведь у него нет документов. Виза его кончилась. Стоит доктору Розенблатту заявить в полицию, и его схватят и водворят назад в клинику. Если в полиции он расскажет свою историю, то там воспримут ее как маниакальный бред, как доказательство правоты врачей. Нет, у него есть один выход: пробраться на территорию ГДР — только там он будет в абсолютной безопасности. Только там он будет под охраной закона и сумеет выступить в печати и разоблачить бандитов с конспиративной квартиры.

Большую часть времени Ганс читал или валялся в постели, обдумывая план побега. Наверное, в сотый раз задавал он себе вопрос, зачем и кому он понадобился? Или, вернее, кому помешал? В сущности, он не мог бы пожаловаться, что с ним обращаются плохо. Его прекрасно кормили, за ним ухаживали, лечили. Единственное, в чем ему было отказано,— это в свободе. Но почему? В чем дело?

Наиболее частым гостем в его палате была Юлия Кан. Иногда она появлялась вместе с доктором Розенблаттом, иногда — одна. Она приносила лекарства и заставляла Ганса отвечать на десятки вопросов: «Как спал?», «Как действует синаптолин?», «Не мучают ли головные боли?».

Вначале Ганс отвечал серьезно. Потом эти вопросы ему надоели — он стал отделяться шуткой.

— Послушайте, — наконец не выдержал Ганс, — неужели вам охота заниматься чепухой? Вы что, действительно считаете, что я болен?

— Так считает доктор Розенблатт. — Она поспешно отвела глаза.

— А вы?

— Я не психиатр.

— Но разве я похож на больного?

— Не знаю.

Он посмотрел на нее укоризненно:

— Вы знаете. Вы все прекрасно знаете, Юлия. Но вы боитесь.

— К чему эти разговоры? — Она вскинула на него большие темные глаза и тут же опустила их. Странно, что в ее возрасте в ней было столько застенчивости. Может быть, она стеснялась его прямоты. Но он не стеснялся. Они сами поставили его в такое положение, когда списывается любая экстравагантность. Ему можно все. Или почти все. Ганс испытывал нечто вроде наслаждения, когда думал об этом.

— Послушайте, Юлия. Мы же знакомы почти месяц. Разве вы слышали, чтобы я выдавал себя за Юлия Цезаря или Наполеона? Разве в моем поведении вы заметили что-нибудь странное?

Подобные вопросы Ганс задавал и раньше, но как правило, Юлия отмалчивалась. Быстро заполняла формуляр и исчезала, беспомощно улыбаясь на прощание. Но на этот раз она не выдержала:

— Но почему же вы оказались здесь?

— Этого я и сам не знаю. Могу только догадываться. Во всяком случае, дело не в болезни. Я здоров.

— Так говорят многие больные.

— Больные: Но разве я похож на больного?

— Нет, Ганс. Но тогда что же случилось? Почему же вы все-таки здесь?

Она в первый раз назвала его по имени, и Ганс почувствовал, как внутри него затеплилась надежда. Если у женщин с таким лицом нет доброты и сострадания, то где же тогда их искать?

Больше всего он боялся, что она уйдет. И потому рассказывал торопливо. Про Москву и университет. Про ле-

да и тетю в Западном Берлине. Про ее друзей и Кларка. Про допросы и виски с дошигом. Про бессонные ночи и отчаяние.

Она слушала его очень внимательно. Потом долго молчала.

— Ганс, это невероятно,— сказала она наконец.— Такого просто не может быть.— Он заметил, как порозовели ее щеки от волнения.

— Как видите, может.

— Но кто эти люди? Зачем вы им понадобились?

— Не знаю. Могу лишь догадываться. Я понадобился разведке. Для каких целей — мне неизвестно. Но это их работа. Никто не попирает так законы, как буржуазная разведка. Так было всегда.

Сплетя руки, Юлия покусывала сгиб указательного пальца.

— Невероятно. Просто невероятно,— прошептала она.

Он хотел взять ее за руку, но она встала.

— Мне надо идти. Доктор Розенблатт может меня хватиться.

Сам доктор появлялся в палате не чаще, чем один раз в неделю. Он бегло осматривал Ганса и старался как можно скорее улизнуть. Ганс почти не разговаривал с ним: деньги, которые Розенблатт получает от разведки, были весомей самых убедительных аргументов Ганса.

Оставалась Юлия. Никаких других контактов с внешним миром у него, собственно, и не было. Правда, раз в неделю приходил небритый тип убирать номер и менять белье. Но его мрачная, нелюдимая внешность не располагала к общению.

Ганс почти не сомневался, что Юлия симпатизирует ему и не прочь была бы помочь, если бы не страх потерять работу.

— Юлия, кроме вас, мне некому помочь,— сказал ей Ганс при очередной встрече.

— У меня больная мать. Кто ее будет содержать? Подозрение прежде всего падет на меня.

Ганс на минуту задумался.

— Послушайте, Юлия,— проговорил он наконец.— В Западном Берлине у меня живет тетка. Ее муж крупный бизнесмен. Я попрошу тетку, чтобы она позаботилась о вас.

— Хорошо, Ганс, я подумаю.

И она ушла, оставив в палате запах тончайших духов. Такими, по крайней мере, они казались Гансу.

Через несколько дней она сама заговорила о побеге.

— У меня есть школьный приятель. Художник. Я рассказала ему о тебе, и он согласился нам помочь. У него старенький «мерседес». Он отвезет тебя в Западный Берлин к твоим родственникам.

— Юлия! — вырвалось у него.

— Подожди, — остановила она его жестом руки. — Теперь самое главное: как выбраться отсюда... Входная дверь в изолятор запирается в десять вечера. Ключи находятся у дежурного...

Ганс, не отрываясь, смотрел на бледное лицо Юлии с озабоченно сдвинутыми бровями и большими расширенными от возбуждения глазами. Сейчас это лицо казалось ему невыразимо прекрасным.

— Я предлагаю такой план. Ты выйдешь отсюда и спустишься по лестнице, ведущей во двор. Внизу две двери: одна всдет во двор, другая — вниз, в котельную. Ты спустишься в котельную, там иногда дежурит истопник. Будь осторожен — не наткнись на него. Дальше... В левом дальнем углу котельной есть люк и желоб, по которому в котельную ссыпают уголь. Люк, правда, заперт снаружи. Но в пятницу вечером перед уходом с работы я его открою. В половине двенадцатого ночи ты вылезешь через люк. Подойдешь к кирпичной стене и увидишь веревку... На улице тебя будет ждать машина.

— Да, но как я выберусь отсюда? Из палаты? — сдавленным от волнения голосом спросил Ганс.

Юлия усмехнулась:

— Это очень просто. Я сделаю тебе дубликат ключа. Через два дня ты получишь его.

— Юлия! Ты мой спаситель! Я не знаю...

— Подожди... Ничего не говори. Я суеверна.

Ганс осторожно, почти благоговейно поцеловал запястье ее узкой, длинной руки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПОСЫЛКА

Кларк не ошибался: главное, что определяло поведение Смелякова в жизни, — это его фанатическая привязанность к своему делу. Работа в лаборатории была для

него всем — и отдыхом, и развлечением. Он не мог без нее жить, без работы, как не может жить растение без воздуха и света. «Это не человек, а сгусток энергии, атомная бомба», — говорили о нем сослуживцы. И действительно, работоспособность Романа Алексеевича Смелякова не могла не удивлять. Он успевал сделать в течение дня столько дел, сколько другому на это потребовалось бы неделю. «Человек, — любил повторять Смеляков афоризм Ключевского, — который не может работать по шестнадцать часов в день, не достоин того, чтобы родиться». Сам Смеляков мог работать и больше. Он не только возглавлял институт, но и читал лекции, был членом редколлегии нескольких научных журналов, членом правительственных комиссий. Но главное — интенсивно занимался научной деятельностью. В тридцать лет Смеляков стал доктором физико-математических наук.

Сейчас он был признанным авторитетом. Особенно после того, как полученный в его лаборатории состав был использован для создания мощной оборонительной антиракеты. Технология ракетного топлива еще не знала подобного состава: экономичного в производстве и необычайно легкого. «Состав Смелякова», как называли это топливо специалисты, являлся секретнейшим стратегическим материалом. Вот почему об этом открытии ученого знал только узкий круг ученых, работающих в той же области. Да и сама фамилия Смелякова была засекречена. Все же с помощью Матвеевой Руднику удалось по крупицам собрать об этом ученом обрывочные сведения и передать их Гансу Кушницу.

Разумеется, Смелякову и в голову не могло прийти, что его личностью и его работами интересуется иностранная разведка. Он понятия не имел, что у Кларка в обычной канцелярской папке на него собрано целое досье. В этой папке есть и его фотографии: вот прогуливается по Москве, вот садится в машину, вот выходит из подъезда дома. Здесь же хранится детальное описание его характера, привычек, характеристика его друзей, знакомых, жены, родственников. Не упущено ничего — даже такие пустяки, как сорт сигарет, которые он курит.

Часть этой информации была выужена Рудником из бесед с Матвеевой, другая часть кропотливо собиралась сначала Маккензи, а затем Кушником. Им удалось установить напротив квартиры Смелякова сверхчувствитель-

ную аппаратуру, которая записывала человеческую речь, расшифровывая вибрацию оконных стекол.

Если бы кто-нибудь сказал об этом Смелякову, он, па-перное, поднял бы такого человека на смех. Всякая «шпи-ономания», как он называл превентивные меры обеспечения секретности, вызывала у него лишь раздражение. Хотя он понимал, конечно, что эти меры необходимы.

Смеляков любил излагать свои взгляды работавшей в лаборатории молодежи. Здесь его суждения становились категорическими, резкими, парадоксальными.

— Научиться думать неортодоксально, — повторял он, — значит, преодолеть главное несчастье человека: инертность мышления. Человек, который мыслит орто-доксально, никогда не сможет стать ученым.

Смеляков был популярной фигурой особенно среди студенческой молодежи крупного вуза, где он препода-вал. Среди ученых он был известен как ярый приверже-нец гипотезы энергетической инверсии.

— Вот дело, которому стоит посвятить жизнь! — лю-бил повторять он. — Это будет открытие, перед которым померкнет открытие ядерной энергии.

Многие считали увлечение этой гипотезой чудачест-вом, другие восхищались смелостью и убедительностью доводов Смелякова.

В тот вечер Смеляков возвращался домой пешком. Впереди — ни заседаний, ни совещаний, ни визитов. Сего-дняшний вечер Смеляков был предоставлен самому себе и мог предаться раздумьям о смысле жизни, как шутливо называл он свои вечерние прогулки. Жил Смеляков на Песчаной, и до дому было не больше двадцати минут хода. Он любил эти вечерние прогулки и был уверен, что именно во время них пришли в голову самые удачные идеи. Он вспомнил, что формула сверхпрочного сплава пришла ему в голову тоже здесь, на Песчаной.

Дома жена сообщила, что на рабочем столе его ждет пакет с заграничным штемпелем. Это был толстый пакет, крест-накрест перетянутый шпагатом. В левом верхнем углу марки с изображением английской королевы. Обрат-ный адрес свидетельствовал о том, что пакет пришел из Лондона.

Сколько Смеляков ни напрягал память, он не мог вспомнить, чтобы в Лондоне у него были знакомые. Были

в Берлине, Париже, Праге, Будапеште. Но в Лондоне... Кто бы это мог быть?

Смеляков перерезал шпагат, взломал сургучные печати. Внутри оказалась голубая папка с научными журналами на английском языке, с вырезками и толстыми ротаторными брошюрами. Сверху этих материалов лежало отпечатанное на машинке с мелким шрифтом письмо.

«Дорогой сэр! — прочел Смеляков и усмехнулся. Непривычное обращение резануло слух. — Возможно, Вы сочтете мой поступок экстравагантным, к Вам обращается совершенно незнакомый человек. Надеюсь, я, как Ваш коллега, имею моральное право написать Вам это письмо. Дело в том, что вот уже много лет по материалам русской научной периодики я слежу за Вашей деятельностью ученого, за Вашими работами, в частности, в области теории энергетической инверсии. Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам свое восхищение и уважение. Смелость и новизна Ваших идей не может не вдохновлять на научный поиск.

Буду признательна, если Вы найдете время ответить на мое письмо и немного расскажете о себе и о том, чем Вы занимаетесь в настоящее время. Но я совсем забыла представиться: меня зовут Пэт Бувье. Мне двадцать семь лет. Я окончила технологический институт в Лондоне и сейчас работаю в лаборатории металлургических исследований в пригороде столицы.

С этим письмом посылаю некоторые материалы нашей лаборатории. Надеюсь, что они Вас заинтересуют.

С уважением
Пэт Бувье».

Смеляков медленно сложил письмо. Странно! Неужели действительно кто-то интересуется его работами! Да еще где — в Лондоне! Может быть, это розыгрыш, шутка друзей? Смеляков еще раз изучил штампы на конверте. Нет, все верно. Пункт отправления бандероли — Лондон. Соединенное Королевство. Вот уж не думал, что на Британских островах у него найдутся поклонники! Да еще жепщина! Странно! Женщина — ученый-металлург! Молодая — всего двадцать семь. Надо ответить, обязательно. Смеляков сделал пометку в настольном календаре: «Написать письмо в Лондон», опустил в кресло и принялся листать присланные материалы.

Здесь были размноженные на ротаторе годовые отчеты лаборатории, описание опытов, вырезки из журналов. Смеляков углубился в чтение. Он не слышал, как вошла жена и поставила чай. Читал он, наверное, часа полтора. И, закрыв последнюю страницу, был разочарован. Ничего нового — все эти опыты, идеи, предложения уже устарели: «Неужели, — думал он, прохаживаясь по кабинету, — англичанка так наивна, что вообразила себе, будто присланные ею материалы могут меня заинтересовать! Или действительно в области жаропрочных сплавов они так сильно отстали от нас? Во всяком случае надо поблагодарить за внимание».

В этот вечер Смеляков долго ворочался, не в силах уснуть. Чем больше он думал о письме, тем более странным оно ему казалось. Ночью ему приснился Лондон, почему-то очень похожий на Рим, где Смелякову приходилось бывать. Он карабкался по стенам Колизея, падал, бежал от кого-то, кого-то он очень боялся и бежать не мог: ноги казались ватными, бессильными...

На следующий день, едва он вошел в свой рабочий кабинет, как зазвонил телефон. В трубке раздался хорошо знакомый голос академика с мировым именем. Когда-то в институте Смеляков слушал его лекции. С тех пор у них установились не очень близкие, но достаточно прочные отношения.

После короткого обмена приветствиями академик сказал:

— Роман Алексеевич! Не хотели бы вы поехать в Лондон?

— В Лондон? — удивился Смеляков, вспомнив о вчерашнем письме и пораженный странным совпадением.

— Да, в Лондон... А что?

— Нет, ничего. А с какой целью? Надеюсь, не туризмом?

— Нет, конечно. На конгресс. Научное общество приглашает тебя на конгресс ученых-металлургов.

— Это, надо думать, большая честь, Константин Николаевич? — засмеялся Смеляков. А про себя подумал: «И что случилось с англичанами? Почему их так заинтересовала моя скромная персона?»

— Еще бы! Ты, кстати, не был в Лондоне?

— Нет, не довелось.

— Красивый город. Ну так как? Что ответить твоим английским коллегам?

Смеляков подумал, что на конгресс соберутся ученые со всего мира. Послушать над чем работают его коллеги, разве это неинтересно? И потом полезно. И для себя, и для института. Кроме того, ему не мешает немного отдохнуть.

— Что же, Константин Николаевич! Я согласен...

— Ну и прекрасно! Недельки через две готовься к отъезду.

Смеляков положил трубку. Наверное, он должен радоваться. Впереди интересные встречи, новый незнакомый город, о котором он столько читал. Лондон! Пикадилли-серкус, Оксфорд-стрит, памятник Нельсону... Гайд-парк... Есть возможность все это увидеть собственными глазами. В конце концов оба письма из Англии — ведь это доказательство признания, международной известности. Но что-то все-таки мешало Смелякову наслаждаться приятными известиями. Что-то вроде тайного недовольства собой или душевного неюта.

Чтобы как-то заглушить это чувство, он позвонил жене.

— Видимо, через несколько дней полечу в Лондон.

— Так это прекрасно! Поздравляю! Но ты вроде бы не рад?

— Нет, почему же...

— А я рада за тебя. Надеюсь, ты не забудешь привезти мне французскую помаду?

«По-моему, ты рада за себя», — подумал Смеляков и, не попрощавшись с женой, положил трубку.

После этого разговора на душе стало еще тоскливее.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПОДОЗРЕНИЕ

Все последние дни Лидия Павловна находилась в состоянии крайнего возбуждения. После разговора в кабинете Рублева она вдруг со всей очевидностью поняла, что Рудник пикогда не любил ее. Если она и была нужна ему, то вовсе не как друг или женщина. Все это время он использовал ее в качестве осведомителя. Не работай она

в лаборатории Смелякова, он, вероятно, никогда и близко бы не подошел к ней. Самолюбие Лидии Павловны было уязвлено до крайности. «Боже мой, — твердила она, — какая же я дура! Как я не могла догадаться сразу!» И она вспомнила, что нечто вроде подозрения возникло у нее, когда Рудник систематически возвращался в разговорах к Смелякову.

Сейчас Лидия Павловна перебирала в уме историю своих отношений с Рудником и все больше удивлялась своей слепоте. Как этому типу удалось ее одурачить? Ведь она же не семнадцатилетняя девчонка! Слава богу, всякое видела в жизни! Правда, Рудник был внимателен, заботлив. А к знакам внимания она была равнодушна. Может быть, потому, что в детстве ее не баловали ни подарками, ни лаской. Отца она потеряла в войну, а мать, сколько Лида ее помнила, была вечно занята: днем на фабрике, а вечером у плиты, у швейной машинки: она подрабатывала шитьем. На руках у нее было двое девочек — Лида была старшая — и престарелая мать.

Все эти дни Лидия Павловна жила, словно во сне. Как обычно, она вставала в семь, варила себе кофе и, тщательно одевшись, ехала на работу. Никто не мог бы подумать, что в душе у нее все бурлит. Внешне она была спокойна, только взглядевшись пристально, не трудно было заметить некоторую бледность. Да, пожалуй, стала рассеянна. Девчонки из ее отдела шептались: «Смотрите-ка, наша Лидия, наверное, поссорилась со своим».

Последнее время Рудник часто звонил ей на работу, и некоторые подруги Лиды или знали, или догадывались о его существовании. Хотя никто никогда его не видел. Снимая трубку, девчонки говорили: «Лидия Павловна, ваш звонит». Сейчас, встречаясь со своими сослуживцами, она думала: «Пока они еще ничего не знают. Но скоро им будет все известно. Будут шептаться, указывать на меня взглядом. Вон та самая, у которой дружок оказался шпионом». Какой ужас! Нет, она этого не переживет! Она попросту не сможет встречаться со знакомыми. А тут еще беременность! Нет, надо что-то придумать! Но что?

И мысли ее снова возвращались к Руднику. Это он, только он один виноват в ее трагедии. Так изуродовать ей жизнь!

Лидия Павловна не могла его видеть. Да к тому же боялась выдать себя. Ведь она же обещала Рублеву дер-

жать себя в руках. Стоит Руднику заметить, что она не в себе, и он будет лгать, извиняться или пытаться задобрить ее подарками. Или угрозами постарается выяснить причину дурного настроения. Но, видимо, он уже что-то заметил. Дней пять, как он не звонил ей. Хотя прежде не проходило и дня, чтобы он не позвонил по телефону. А потом позвонил и сказал, что уезжает в командировку. Разговор получился кратким. Она чувствовала, что он хочет казаться приветливым. Но Лидию Павловну затрясло от одного звука его голоса. Незаметно она вышла в дамскую комнату, приняла таблетку элениума и немного успокоилась.

Каково же было удивление Лидии Павловны, когда дня через два после телефонного звонка она увидела Рудника возле института. Он поджидал ее у ворот. От Лидии Павловны не ускользнуло, что в его улыбке сквозит беспокойство.

— Извини, — начал он, пытливо вглядываясь ей в лицо. — Почему ты на меня обиделась?

— Тебе просто показалось... — Она пыталась быть бесстрастной, но чувствовала, что у нее не получается. Лицо ее горело.

— Ты со мной так сухо разговаривала по телефону... Что случилось?

— Ничего. Тебе просто померещилось.

— Лида, не говори так. Разве я заслужил...

При его последних словах в ней поднялась волна холодной ярости. «Заслужил! Он еще спрашивает!»

Лидия Павловна молчала, только слегка ускорила шаг.

— Поедем ко мне. Нам надо поговорить.

— Мне некогда. У меня дела...

— Как же у тебя могут быть дела? Разве есть что-нибудь важнее наших отношений?

Он сошел с тротуара на проезжую часть и поднял руку. Через секунду, скрипя тормозами, остановилось такси. Распахнув дверцу, Рудник почти насильно втолкнул Лидию Павловну в машину.

«Надо поговорить с ней, — решил он про себя, почувствовав сухие, холодноватые нотки в голосе Лидии Павловны, когда он говорил с ней по телефону. — Почему она на меня обиделась? Может, из-за того, что вот уже несколько дней я не звонил ей?» Но интуиция подсказывала Руднику, что дело не только в этом. Он нутром чувст-

говал опасность. Рудник решил, что их встреча в какой-то степени прояснит ситуацию. Да, он не хотел иметь ее в качестве врага. Не оставлять врагов нигде — было его принципом.

Ехали молча. Лидия Павловна старалась не смотреть в сторону Рудника. Жадно курила, выпуская дым в открытое стекло. Рудник покусывал тонкие губы.

Когда вошли в его квартиру, он сразу же прошел на кухню, открыл холодильник, ища глазами что-нибудь выпить. Но там не было ни одной бутылки спиртного. В нижнем ящике кухонного шкафа тоже было пусто. Рудник вспомнил, что пару дней назад к нему заходил знакомый и они вдвоем уничтожили все запасы спиртного.

— Я сейчас, на минутку, — сказал он, — только сбегаю в магазин...

«Зачем я сюда приехала? Что мне здесь делать? О чем с ним говорить? Я просто не могу его видеть».

Лидия Павловна встала и прошлась по комнате, чтобы успокоиться. В комнате был беспорядок. На стульях валялись вещи, книги покрывал толстый слой пыли, постельное белье с тахты не убрано. В раковине на кухне лежала гора немытой посуды. Странно, что когда-то эта комната была частью ее мира, оказавшегося таким иллюзорным. И тут взгляд ее упал на кофейный сервиз, который она совсем недавно подарила ему. Она вспомнила, как долго искала этот сервиз, как колебалась при покупке, как копила деньги. Спазмы стиснули горло. «Боже мой! Какой же я идиоткой была! Ведь он шпион! Шпион!» — твердила она, испытывая чувство страха перед Павлом.

Рудник вернулся. Он поставил на журнальный столик бутылку коньяку и бутылку «Ркацители».

— Сегодня мне хочется напиться, — объявил он.

Он приготовил закуску: салат из помидоров, колбасу, ветчину, яблоки.

— Горячего нет, — сказал он насмешливо, когда они выпили по паре рюмок, — так что извини. Хозяйка объявила забастовку.

— Наверное, у нее были причины. — Лидия Павловна заставила себя улыбнуться. Коньяк разливаясь по телу приятным, расслабляющим и успокаивающим теплом.

— Может быть, — согласился Рудник. — Поэтому пред-

лагаю, чтобы этот стол стал столом переговоров. Так что случилось с хозяйкой?

«Что ему сказать? — лихорадочно думала Лидия Павловна. — Сказать, что мне все известно. Нет, ни в коем случае!»

— У хозяйки открылись глаза.

— Открылись? Или ей кто-нибудь их открыл? — Он играл рюмкой, не сводя с нее колющего взгляда.

— Ты пригласил меня для допроса?

— Ну зачем же так? Для дружеской беседы. Разве мы перестали быть друзьями? — Он улыбнулся и налил еще по рюмке. Она молчала. Подняв рюмку, он воскликнул:

— За нашу дружбу...

«Он что-то знает, — решила Лидия Павловна. — Он чувствует, что пришел его конец. Да, конец. И прекрасно. Туда ему и дорога», — мстительно думала она, вместе с тем где-то в глубине души надеясь, что Павел сумеет развеять все ее сомнения и страхи.

— Ты стала скрытной, — продолжал он, жуя кусок ветчины. — У тебя есть от меня тайны?

— А почему бы и нет? — взорвалась она. — Почему у меня не может быть тайн? У тебя же они есть?

— Ты на что это намекаешь? — процедил он сквозь зубы.

— Ты знаешь на что!

Он перестал жевать. Глаза его превратились в узенькие щелки.

— Я-то знаю. А откуда знаешь ты? А? — полупшепотом спросил он, и на скулах его зашевелились желваки.

Только теперь Лидия Павловна сообразила, что сделала глупость. Ведь Руднику терять нечего, и он способен на все. «А что терять мне? — подумала она. Выпитый коньяк придал ей смелости. — Я не боюсь его, потому что не боюсь смерти. Пусть делает все что угодно. Наплевать!»

— Хочешь устроить допрос?

— Да. И ты мне скажешь, что с тобой случилось.

— И не надейся.

— Будешь молчать?

— Да.

Какое-то мгновение он раздумывал, что ему делать. Потом выражение его лица смягчилось.

— Лида, — голос его прозвучал мягко, почти ласково. — Но ты должна сказать. Хотя бы ради того хорошего, что между нами было. Ведь я люблю тебя.

— Лжешь! Ты никогда не любил меня. Ты интересовался больше моей работой, чем мной.

— Что ты говоришь! — Его удивление было искренним.

— Я знаю, что говорю. Тебе был нужен Смеляков, а не я.

При этом имени он вздрогнул и уставился на Лидию Павловну тяжелым взглядом. Если еще секунду назад у него оставались иллюзии, что он ошибается, что она изменилась к нему по каким-то другим причинам, то теперь все было ясно. Никакой надежды. Он завалился. Ее последние слова прозвучали приговором.

У него мелькнула мысль, что она была специально приставлена к нему. «Да, да, — убеждал он себя, — она чекистка. Она следила за мной. Неужели это правда? Но как ловко она маскировалась все это время!»

— Ну, — прорычал он, вставая, — хватит болтать. Откуда тебе все это известно?

— Не скажу! — Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Пока не скажешь — отсюда не уйдешь.

Она встала, взяла сумочку и направилась к дверям. Он преградил ей дорогу и, схватив за руки, подтолкнул в глубь комнаты.

— Пусти меня! — зло прошептала она.

— Нет, ты не уйдешь.

— Только попробуй тронь.

Падая, она больно стукнулась головой о столик. На мгновение перед глазами посыпались искры. Но она тут же вскочила и увидела, что Рудник, тяжело дыша, с красным лицом стоит перед ней.

— Я заставлю тебя говорить, — прошептал он.

Она вдруг заметила, что суставы на его пальцах были неестественно белыми.

Падая, Лида поцарапала тыльную сторону ладони и сейчас, сидя на полу, приложила ее к губам.

Павел упал перед ней на колени.

— Лида, прости! Клянусь, я люблю тебя, верь мне... Ничего, ничего не надо, только бы ты... со мной.

Он искал ее губы своими губами, и она чувствовала его прерывистое дыхание, запах спиртного.

Она поднялась, взялась за сумочку.

— Не уходи! Умоляю!

Но Лида оттолкнула его.

Она вышла в прихожую, спустилась по лестнице. Она чувствовала, что и Рудник, и возвращавшийся в это время с работы его сосед смотрят ей вслед. «Только бы выйти на улицу. А там он мне ничего не сделает». Она шла и считала ступеньки. Одна, две, три... десять... Еще один пролет. И дверь. На улице вечер, шум машин, веселые голоса.

Когда она ехала в такси, ее уже начал бить озноб. Дома она легла в постель, укрылась двумя одеялами. Но озноб не проходил. В голове путались обрывки мыслей. Почему-то вспомнилось село, где она жила во время войны. Обрыв реки и заливные луга на другом берегу. Там тревожно кричали чибисы и густо рос щавель. Потом перед глазами встал маленький поселок под Сочи — Лоо, где она отдыхала с подругой. Ртутная гладь моря, спокойное покачивание лодки, всплеск весел, хрип радиолы на танцеверанде, стрекот цикад по вечерам. Это было самое беззаботное и счастливое время ее жизни.

Через некоторое время озноб прекратился, начался жар. Перед глазами плыли радужные круги, она проваливалась куда-то в глубину и всплывала вновь, металась в кровати, пытаясь уснуть. «Уснуть, только бы уснуть, ни о чем не думать, выключить сознание, как выключают яркий свет или электроплиту». Она вспомнила, что в ящике туалетного столика у нее лежала пачка нембутала. «Да, да, вот где выход, — обрадовалась она. С трудом встала, нащупала ящик стола... — Хорошо, как хорошо! Ни о чем не надо будет думать...»

* * *

Как только Лидия Павловна скрылась за лестничным поворотом, Рудник закрыл дверь и, покусывая губы, прислонился к ней спиной. Что делать? Бежать за Лидой, догнать ее, уговорить вернуться? Бесполезно. Остаться здесь, в квартире, тоже небезопасно.

Куда сейчас пошла Лида? Доносить на него? Может, и так. Сумасшедшая баба! Что с ней происходит? Откуда она это узнала? Хорошо, если догадалась сама, а если... Тогда конец! Рудник почувствовал, как по спине ползут

струи холодного нота. Конец!.. Какое страшное слово! Нет, этого допустить нельзя. Он не позволит взять себя голыми руками.

Рудник сорвался с места и кинулся к секретеру. Дрожащими руками вытащил из брюк ключи, открыл маленький ящичек, достал толстую пачку денег, паспорт настоящий, другой паспорт — поддельный на имя некоего Хмызова Николая Петровича, рассовал все это по карманам пиджака, накинул плащ. Потом в прихожей достал из ящичка столик пистолет, который спрятал туда перед тем как открыть дверь на звонок соседа, и сунул его в карман плаща. Кажется, все. Рудник остановился в прихожей, лихорадочно припоминая, не осталось ли в квартире каких-либо улик против него. Вроде бы нет. Затем бесшумно открыл дверь и выскользнул на лестничную площадку.

Сколько лет он готовился к этой минуте! Он был уверен, что рано или поздно она наступит. Он заранее разработал для себя вариант отступления. А «хозяева» позаботились о поддельных документах. Все было предусмотрено. И все же сейчас, выходя из подъезда дома, Рудник чувствовал, как рубашка липнет к спине, как бешено колотится его сердце.

Город окутали легкие, прозрачные сумерки. На улице шумел, бурлил и переливался людской поток. У ресторана «Сатурн» толпа выясняла отношения со швейцаром. Из открытых дверей магазина грампластинок на улицу выплескивалась какофония звуков. Дрожащий разноцветный неон рекламы «Аэрофлота» призывал экономить время и летать только самолетами.

Рудник шел, изредка останавливаясь и незаметно озираясь по сторонам: он не мог избавиться от ощущения, что за ним тащится «хвост». У метро он нашел телефон-автомат и позвонил.

— Тюльпаны все проданы, — сказал он в трубку. Он старался говорить спокойно. Но на том конце провода, видимо, догадались, что он волнуется. Очень волнуется. Там от него и не ждали спокойствия. Там понимали, что он в капкане, что его надо спасать.

— Очередные придут завтра в девять, — ответили ему. Это значило, что завтра в девять он должен явиться на пригородную станцию Химки. Там к нему подойдут и скажут, что надо делать.

А что делать сейчас?

Больше всего его беспокоила Лида. Что она думала? Где она сейчас? Если дома, то полбеды, тогда у него еще есть время. Но откуда она знает? Этот вопрос мучил его, как запоза. Он не может успокоиться, пока не ответит на этот вопрос.

У метро он поймал такси.

— На улицу Кирова, — сказал он шоферу.

Он представил себе ее однокомнатную квартиру, тесную кухоньку с шатким столиком и холодильником «Бирюса», телевизор «Темп-6м» и настольную лампу в виде маленького уличного фонаря пушкинских времен. В этой квартире он провел немало хороших часов. Он никогда не жил с ощущением устойчивости, прочности, долговечности. Сколько он себя помнил, все у него было временным. Работа, отношения с людьми, вещи. Любовь к Лидии Павловне тоже. Как проклятие висело над ним его тайное занятие. Какая может быть прочность, когда каждую минуту он мог провалиться. Теперь, как никогда, он понимал, что даже деньги не приносили ему ощущение прочности. Наоборот, чем больше их у него скапливалось, тем менее устойчивым он себя чувствовал.словно немые свидетели его двойной жизни, они напоминали ему о неминуемом конце.

Такси остановилось у полутемного подъезда. Рудник расплатился и поднялся на пятый этаж. Ключ от Лидиной квартиры при нем. «Только бы она не заперлась изнутри на цепочку», — подумал он. Дверь оказалась не запертой, и он вошел в прихожую. Было темно и тихо. Только на кухне журчало радио. Рудник решил, что Лиды нет дома, но, войдя в комнату, рассмотрел в полутьме, что она лежит на тахте. Рудник окликнул ее, но она не отозвалась. Даже не пошевелилась.

Он включил свет, но Лида по-прежнему лежала неподвижно и почему-то в одежде: в подаренном им серо-голубом костюме. Одна рука безвольно повисла, касаясь коврика, другая — закинута за голову. Рот приоткрыт, брови болезненно сдвинуты.

Что с ней? Рудник подошел к тахте, потряс Лиду за плечо. Но она по-прежнему спала. Он потрянул ее сильнее, но она не размыкала глаз. Рудник приложил ухо к груди, Лида дышала. Что же с ней могло случиться?

И вдруг на туалетном столике Рудник увидел обертку

исмбутала. Снотворное. Так вот в чем дело! Она приняла снотворное. Почему? Что ее заставило? Пока она еще жива. Но пройдет час-другой, и ее не будет. Она умрет. У Рудника заколотилось сердце. Что делать? Разбудить? Дать молока или чего-нибудь рвотного? Нельзя же допустить, чтобы она умерла. Он смотрел в ее бледное лицо, не зная что предпринять...

Но почему же нельзя? У него не будет свидетеля. Все упрощается. Ему не нужно ее бояться. К черту жалость. Почему он должен ее жалеть? Только потому, что он с ней спал? К черту! К черту! Никаких сентиментальностей. Надо спасать себя. Очень хорошо, что она приняла снотворное. И пусть!

Рудник попятился к дверям. Через несколько секунд он уже был на лестничной площадке. Он бежал, прыгая через несколько ступеней. Скорей подальше отсюда. Скорей!

Он пулей выскочил из подъезда. В скверике напротив дома Рудник присел на скамейку, вытер пот со лба. Он попытался взять себя в руки. «Спокойно, — говорил он себе, — спокойно. Надо во всем разобраться. Почему, почему она приняла снотворное?» По привычке он огляделся. И вдруг напротив, в тени соседнего дома, он увидел машину. В ней кто-то сидел. Двое или трое. Их темные силуэты еле читались сквозь приоткрытые окна. Опи! Рудник не сомневался: это были опи. За ним следят! Копец!

Рудник медленно встал, вытащил сигарету, повернувшись спиной к машине, закурил и побрел по скверу. Он не знал, что сейчас будет делать. Бежать? Бесполезно! Оторваться во что бы то ни стало, оторваться от «хвоста».

Он прошел, наверное, метров двести, когда услышал, как за его спиной заурчал мотор. Серая «Волга» настигла его. Рудник почти бегом пересек улицу, завернул за угол и оказался во дворе дома. Потом он плохо соображал, что с ним происходит. Он прыгал через какие-то заборы, бежал темными переулками, падал, вскакивал и снова бежал, нырял в подворотни, крался вдоль стен, пока не оказался на трамвайной линии.

Наконец он сел в трамвай, потом нырнул в метро и поехал на Ленинградский вокзал.

Все, кажется, удалось оторваться, — подумал он, покачиваясь в поезде метро. — Завтра придет Кушниц, а

там... «Там конец его службе. Хватит ему рисковать головой. Ему нужен отдых. Пусть его переправят за границу. В конце концов он этого заслужил».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

РЕШАЮЩАЯ ФАЗА

Почему-то Смеляков представлял себе Лондон как скопище домов из красного кирпича, низких, закопченных, с узкими стрельчатыми окнами, с торчащими там и сям заводскими трубами, тоже из красного кирпича и тоже закопченными. И конечно, Смеляков не мог себе представить Лондон без густого желтоватого тумана и рослых полисменов в племах, с узеньким ремешком под подбородком, в широких, развевающихся накидках. Еще рисовались ему двухэтажные автобусы, плывущие в тумане среди густого потока машин и пешеходов. Словом, представление Смелякова об английской столице было почерпнуто из романов Диккенса и Голсуорси.

Поэтому в первый же день своего пребывания в Лондоне, выйдя из отеля «Маунт-Ройял» на широкую и шумную Оксфорд-стрит с сияющими витринами, Смеляков понял, что британская столица мало имеет общего с ходячими представлениями о ней. Первое, что бросилось ему в глаза, — это обилие зелени и цветов. Цветы в крошечных насаждениях, цветы в цементных раковинах и урнах у подъездов, цветы на окнах, цветы в скверах.

Центр Лондона, там, где в двух-трехэтажных особняках жил состоятельный народ из тех, что выезжали в собственных «ягуарах» и «бентли» с красивыми болонками на коленях, эта часть столицы утопала в зелени, цветах, а вечером в сиянии витрин и реклам.

Красные, прокопченные, тесно прижавшиеся друг к другу дома он встретил в Уэст-Энде, где жил народ попроще, в большинстве своем — рабочие и продавцы мелких лавчонок.

Вечером он пошел бродить по Лондону, испытывая невероятное удовольствие от встреч с улицами и площадями, с детства известными ему по литературе. Бейзуотерроуд, Оксфорд-стрит, Брэнд, Флит-стрит, Тауэр... С Оксфорд-стрит он свернул на Риджент-стрит и вскоре ока-

зался на Пикадилли-серкус. Эта площадь разочаровала его. Яркое освещенная мигающими рекламами, она тем не менее не удивила его никакими архитектурными достопримечательностями. Самым интересным здесь было, пожалуй, скопление хиппи под арками Национального банка — худых, грязно-волосатых, бородатых. Некоторые, несмотря на осень и холодно блестящий от недавнего дождя асфальт, переминались босыми грязными ногами. Один из них бросился в глаза Смелякову тем, что за плечами у него болталась котомка вроде тех, что носили на Руси нищие или странники: обыкповенный мешок из дерюги, с лямками и веревками, завязанными на углах и у горловины. Да и сам парень походил на странника — бледное лицо с впалыми щеками, жидкими, сплывшимися льяными волосами и жидкой растительностью на верхней губе и подбородке. Длинное черное пальто перехвачено пеньковой веревкой. Для полного сходства с русским нищим ему не хватало только лаптей и онуч.

Парень шел медленно, видимо откуда-то издалека. Он не торопился, никуда не спешил, как никуда не спешили и другие хиппи, те, что подпирали стены банка или листали у стендов порнографические журналы. И Смелякова поразил не только их вид, в котором было что-то дикое, средневековое или даже библейское, а, скорее, их безразличие ко времени, к окружающей действительности. Они просто убивали время. У них не было ни целей, ни желаний. Странно было видеть это Смелякову, который привык ценить каждую секунду, привык жить темпераментно и интенсивно.

Смеляков долго стоял около банка, пытаясь понять этих современных бунтарей. Как не похожи они на бунтарей прошлого века!

Мчались машины. Плыли хорошо знакомые по фильмам и фотографиям красные двухэтажные автобусы с открытой площадкой наверху. Спешили прохожие. И никто не обращал внимания на лохматых, босоногих бунтарей. Смеляков был, наверное, единственным, в ком они возбуждали искреннее любопытство.

Смеляков подумал, что равнодушие, замкнутость в себе присущи англичанам. Ближний, если он не принадлежит к числу особенно близких, почти не возбуждает в англичанине интереса, какой бы экстравагантный поступок он ни совершил. Однажды Смеляков наблюдал, как

юная парочка стояла на оживленном углу, в самой гуще человеческого потока. Он и она самозабвенно целовались. Все спотыкались о них, они явно мешали прохожим. Но никто не только не попросил их подыскать более подходящее место для выражения чувств, но даже не повернул в их сторону головы. «Терпимость или равнодушие, — размышлял Смеляков. — Деликатность, порожденная высоким уровнем культуры, или отчужденность? Мораль скупченного общества — живи и не толкай локтем другого?»

Вернувшись с прогулки, Смеляков долго не мог уснуть. Но потом дни его были так уплотнены, что почти не оставалось времени для размышлений. Программа его пребывания была насыщенной; обычно, выйдя в первом часу ночи из подвизившей его машины, он с трудом поднимался по устланной красным ковром лестнице отеля, раздевался, падал в постель и — тут же засыпал.

После первого завтрака за ним заезжала машина. Очень вежливый розовощекий седовласый джентльмен, приподнимая темную шляпу и вежливо улыбаясь, жал ему руку: «Морнинг, сэр». Розовощекого господина звали мистер Уорвик: он представился как член научного общества и один из инициаторов конгресса ученых-металлургов.

В девять начиналось слушание очередного доклада. В одиннадцать объявлялся получасовой перерыв, во время которого гостей угощали чаем с пирогом. В час был ленч в ближайшем ресторане, а иногда — у кого-нибудь из хозяев. Здесь говорили и спорили, шутили и выдвигали невероятные гипотезы. Первое время Смеляков стеснялся своего английского, боялся неловких, смешных оборотов, могущих вкратиться в его речь. Но его слушали с интересом — и через день стесненность исчезла.

Несмотря на то что на симпозиуме присутствовали представители более чем семнадцати стран; а среди участников были люди разных возрастов, от тридцати до семидесяти, несмотря на это разнообразие человеческих типов, Смеляков чувствовал, что со всеми этими людьми его роднит интерес к науке — страстный, всепоглощающий, даже фанатичный. Видимо, это родство и позволяло ему так быстро найти общий язык с другими учеными, хотя он представлял страну, общественный строй которой был непонятен и чужд для большинства участников конференции.

Он познакомился, в частности, с американским ученым-химиком Ричардом Крейсом, невзрачным лысоватым человеком в очках с толстой роговой оправой.

Однажды профессор Крейс пригласил Смелякова на небольшую вечеринку — «парти». Крейс произносил это «парти» с каким-то особенным, чисто американским шиком: звуки «р» и «т» сливались как бы вместе, образуя новый, трудно произносимый. И хотя Смеляков в чисто человеческом плане не испытывал особой симпатии к американцу и у него на этот вечер было достаточно много приглашений, он все же согласился: «Наверняка там будет много его соотечественников. Потренироваться в американском произношении мне не повредит».

Крейс жил в большом трехкомнатном номере, в том же «Маунт-Ройял», только двумя этажами ниже. В назначенное время Смеляков в темно-синем костюме и полосатом галстуке переступил порог номера Крейса.

В большой комнате толпилось с десятков человек, которым Смеляков был представлен и которые почти все без исключения слышали или делали вид, что слышали его имя, и, оскалившись, тепло пожимали ему руку.

Смелякову тут же предложили коктейль столь приторно-сладкий, что он попросил себе виски.

— Не люблю смесей, — сказал он по-английски, — ибо смесь (во всяком случае, в спиртных напитках) — насилие над природой. Природа, как сказал один мудрец, не терпит смесей в спиртных напитках.

Все одобрительно засмеялись.

Среди гостей было несколько дам, в основном старше Смелякова. Но одна из них была вызывающе молода и хороша собой. Не больше двадцати трех. У нее были густые светлые, тщательно расчесанные — волосок к волоску — волосы, небольшие серые глаза и тонкая, очень гибкая и высокая фигура. Смелякова представили ей, она несколько смутилась, вспыхнула и, по-мужски, твердо пожимая ему руку, сказала:

— А ведь мы, доктор, знакомы с вами.

Наверное, на лице Смелякова невольно отразилось недоумение. Поэтому она поспешила добавить:

— Разумеется, заочно. Вы получили мое письмо?

— Вы — Пэт Бувье? — вырвалось у Смелякова.

— Угадали! — Она рассмеялась, сверкнув зубами фарфоровой белизны.

— О, да у вас здесь старые знакомые! — сказал Крейс, шутливо выучив глаза. — Прошу прощения, доктор Смеляков. Не буду вам мешать.

Им подали коктейли. Смеляков потянул через синтетическую соломинку разбавленное виски и, рассматривая красивое лицо своей собеседницы, спросил:

— У вас французское имя? Вы француженка?

Пэт, улыбаясь, покачала головой:

— Нет. Мои предки французского происхождения. Мой прадед приехал в Великобританию в прошлом веке. Но сейчас я работаю в Англии. Вы, вероятно, были удивлены, получив мое письмо?

— Немного да. Откуда вам известно мое имя?

— О, это очень просто. Я читаю русские научные журналы. Ваша статья о перспективах твердого топлива произвела на меня очень большое впечатление. И я решила написать вам.

— Спасибо вам за журналы...

— О, не стоит. Если вы хотите, я могу присылать их вам регулярно.

— Буду очень признателен. Если не секрет, какими проблемами вы занимаетесь?

— Конечно, не секрет. Мы, на Западе, не делаем тайн из своих работ...

— Положим, что это не совсем так, — возразил, усмехнувшись, Смеляков, любясь красивыми движениями Пэт и выразительной мимикой ее лица. Она совсем не походила на стереотипный тип женщины из науки. В ней было слишком много женственности. «Впрочем, — размышлял Смеляков, — история знает немало примеров, когда интеллект и женская красота прекрасно уживались друг с другом. Скажем, Софья Ковалевская, Кюри-Склодовская...»

— Разумеется, и у нас есть малявки, готовые на все поставить штамп с грифом «секретно». Но это, скорее, исключение, чем правило. Что касается меня, то я занимаюсь проблемами фотона, как элемента с богатейшими энергетическими возможностями. Фотон — топливо будущих реактивных двигателей. Именно с помощью фотона удастся построить двигатели, скорость которых будет приближаться к скорости света.

— И вам удалось добиться положительных результатов?

— Увы! — Пэт беспомощно улыбнулась, как бы извиняясь за неудачи в исследованиях. — Пока еще нет. Но мы... я и мои коллеги, не теряем надежды.

Около них появился Крейс, он позвал обедать. Гости спустились вниз, в ресторан. Там был накрыт длинный банкетный стол. Пестрела разноцветная мозаика блюд, сверкал и радужно переливался хрусталь. Вокруг стола сустились официанты в белых смокингах.

— Какая приятная неожиданность! — воскликнул Смеляков, обнаружив, что его место за столом рядом с Пэт. — Мистер Крейс умеет сделать приятное!

Смеляков отодвинул стул с высокой спинкой и помог Пэт сесть. Она поблагодарила его взглядом.

Когда гости расселись по своим местам и в зале наступила относительная тишина, поднялся мистер Крейс. Он предложил тост за тесное, дружеское сотрудничество ученых всех стран.

— Мы, ученые, — заявил он, — одна большая, дружная семья, мы слуги Его Величества Прогресса.

Раздались вежливые аплодисменты.

Смеляков чувствовал себя неловко. Ему казалось, что он сделает какую-нибудь ошибку за столом, тем более что и стол был сервирован необычно, да и блюда были какие-то незнакомые. Красиво подсарафанные салаты — то ли из креветок, то ли из омаров — в общем, что-то морское и экзотическое.

Перед отъездом в Англию друзья и знакомые сообщили ему уйму сведений об английской чопорности, о тех бесчисленных подводных рифах, которые ждут его в общении с англичанами, особенно за столом. И вот теперь он старался изо всех сил не попасть впросак и разобраться в предназначении бесчисленных ножей, вилок, тарелок и тарелочек. Сначала он намеревался подражать своим соседям в сложных манипуляциях этикета, но потом мысленно махнул на все рукой — не хотелось забивать себе голову разной чепухой. Тем более что все его внимание было сосредоточено на беседе с Пэт. А она говорила без умолку.

Легко и естественно она перепархивала с одного предмета на другой. Ее интересовало буквально все: и что носят русские женщины, и какие английские фильмы Смеляков смотрел, понравился ли ему Тауэр. Попутно она рассказывала английские анекдоты, смысл которых он

улавливал с трудом. И Смеляков, пробираясь сквозь джунгли английской грамматики, изо всех сил пытался не отстать от стремительного темпа беседы, радуясь в душе тому, что за несколько дней, проведенных в Лондоне, его английский язык стал раскованней, свободней. И еще его радовало то, что обстановка за столом становилась все более непринужденной и беседа напоминала игру в теннис: шутки, подобно мячу, летали над столом.

— Я никогда не была в России, — сказала Пэт.

— За чем же стало дело? Три часа полета и...

— Теперь я обязательно бываю...

— Теперь?

— Да, теперь... после знакомства с вами, — она умолкла и опустила глаза. Смеляков уловил в ее интонации фальшь, и она, видимо, догадалась об этом, потому что тут же угодливо добавила: — Да, теперь, после того как я познакомилась с вами, мне захотелось посмотреть и Москву и главное — посмотреть, как работают мои русские коллеги.

— Что ж, это очень хорошо, — будете моей гостьей...

— О, благодарю вас... но пока что вы наш гость... Вы сделали бы мне честь, доктор, если бы посетили меня дома... У меня будет небольшой круг друзей.

Смеляков с удовольствием согласился.

— Кстати, я никогда не был у англичан дома. Любопытно взглянуть на такой английский дом-крепость...

— Ну, — засмеялась Пэт, — эта поговорка не обо мне. Мой дом открыт для всех. Как вы смотрите; если завтра в восемь...

— Буду непременно.

Ужин закончился так же весело, как и начался. У подъезда ресторана участников банкета ждали машины. Программа посещения предусматривала посещение театра. В «Одеоне» давали «Виндзорских проказниц». Садясь в машину, Смеляков подумал о том, что в гостиницу он снова вернется за полночь — повалится в постель как убитый. «Нет, — решил он, — светская жизнь не для меня. Она утомительнее, чем работа».

Он подумал о своей лаборатории, о своих сотрудниках, о незаконченной рукописи по сплавам, и ему вдруг захотелось скорее домой, в Москву. А рядом в машине сидела Пэт. «Почему она не отходит от меня? Разве я похож на соблазнителя?»

Смеляков усмехнулся.

— Чему вы улыбаетесь, доктор? — кокетливо полюбопытствовала Пэт.

— Я улыбаюсь «мыслям путаным моим», что бродят в дебрях сознания моего, — ответил он цитатой из Шекспира.

* * *

Фары вырвали из тьмы купы деревьев, за которыми сверкнули окна двухэтажной виллы. Когда радиатор почти уперся в двухстворчатые ворота, они автоматически раскрылись, и «мерседес» оказался в темной камере расположенного в нижнем этаже гаража.

— Приехали, — сказал бородатый.

За всю дорожку он не сказал ни слова, и Гансу Кушницу казалось, что рядом с ним не человек, а тщательно закамуфлированный под человека робот в толстом свитере, посасывающий трубку.

По узкой лестнице они поднялись в просторный холл, стены которого были увешаны абстрактными картинами.

— Здесь мы в безопасности, — сказала Юлия, опускаясь в кресло. Она с любопытством рассматривала Ганса, будто видела его впервые.

— Послушайте, Юлия, где мы?

— У моего друга. Не бойтесь, сюда никто не придет, — она мягко коснулась его руки.

— Я не боюсь... С такой женщиной, как вы...

Она улыбнулась, кажется, впервые за время их знакомства легко и открыто. Лицо ее с большими темными глазами казалось Гансу невыразимо прекрасным.

Бородатый вернулся с подносом, на котором позванивали бутылки и стаканы. Он невозмутимо посасывал трубку.

— Питер, у тебя найдется для нашего друга какая-нибудь одежда?

— Одежда потом, сначала выпьем, — ответил тот, разливая виски по стаканам. — Не знаю, что говорится в подобных случаях, — продолжал он, поднимая свой стакан. — Я занимался в своей жизни многим: летал на самолетах, занимался поисками подводных сокровищ, проектировал госпитали для прокаженных в Африке, но вот спасти людей из психиатрической клиники мне не приходилось...

— Я думаю, — с улыбкой подхватила Юлия, — нужно пожелать нашему другу, чтобы он вел себя спокойно, пока мы что-нибудь для него ни придумаем.

Они выпили.

— Спасибо вам за все, — пробормотал Ганс. — Вы спасли меня...

— О, благодарность преждевременная, — возразила Юлия. — Пока вы сделали только полшага на пути к свободе. Сегодня вас хватятся. Профессор поднимет на ноги полицию. Вас будут разыскивать по всей стране.

Все напряглось внутри у Ганса. Он представил, как в особняк врывается профессор... в сопровождении полицейских. Его, Ганса, впахивают в машину и снова водворяют в больничную палату. Нет, только не это...

— Но какое они имеют право?.. Здесь я, по существу, иностранец...

— Как вы докажете? — возразил Питер. — Ведь при вас нет никаких документов.

— Может быть, связаться с газетами? — предложила Юлия.

— О нет, — возразил Питер. — Представьте себя на месте репортера. К вам заявляется неизвестный субъект, сообщает, что он бежал из дома умалишенных и рассказывает историю, которая действительно очень похожа на горячечный бред... Что бы вы сделали на месте этого газетчика?

— Да... — Юлия сжала виски пальцами. — Положение...

— Надо обратиться в посольство, — сказал Ганс. — Действовать через официальные каналы. Они установят мою личность и выяснят, кому понадобилось держать меня в психиатрической клинике.

— Да, — согласился Питер, — это единственный выход. А сейчас, Ганс, вы примете ванную, переоденетесь и напишете обо всем, что случилось с вами. Я постараюсь доставить ваше письмо в Бонн, в посольство Советского Союза. Они свяжутся с властями Восточной Германии. На это потребуется время. Поживите пока у меня...

Ганс усмехнулся.

— Последние месяцы я только и делаю, что меняю камеры заключения.

— Другого выхода пока нет. — Питер пожал плечами.

Когда, приняв ванну, Ганс оказался в широкой кро-

вати, он долго не мог заснуть, прислушиваясь к каждому шороху за окном.

Часы показывали четверть третьего ночи.

* * *

Рудник скрылся. Теперь Рублев почти не сомневался, что Клиент знал о своем провале и потому был начеку. Знать он мог только от Матвеевой. Больше неоткуда.

Пошел легкий дождь, и ветровое стекло быстро покрылось рябью. Шофер включил дворники, и они очертили гладкие призрачные полукруги. «Волга» стояла у тротуара. Хрипел динамик рации:

— Третий, доложите, как дела?

— Потеряли след, — ответил Рублев. — Клиент скрылся прежде, чем мы успели его задержать.

— Какого черта! — прорычал Петраков в динамике. — Нужно было брать сразу. Где он был?

— В квартире Матвеевой. — Рублев старался говорить спокойно.

— И в чем же дело?

— Не хотели привлекать внимание соседей... Ведь Матвеевой здесь жить. Хотели взять на улице.

— Хотели, хотели... Ваше предложение?

— Предлагаю объявить розыск. Далеко он уйти не может. Подключите милицию.

Динамик выключился. Рублев достал платок и вытер вспотевшее лицо. Черт побери, как глупо все получилось! Не избежать неприятных разговоров в управлении.

Несколько часов назад он получил сообщение из Могилева от Максимова, которому удалось установить, что Рудник и разыскиваемый много лет органами госбезопасности Обухович одно и то же лицо. «Он был карателем, — передал Максимов. — Немедленно выписывайте ордер на арест».

Через несколько часов Рублев с двумя сотрудниками выехал к Руднику. Но его дома не оказалось. Рублев дал задание связаться с автобазой и посольством ГДР. И там Рудника не было. Они подождали у подъезда, но он не появлялся.

Рублев назвал шоферу адрес Матвеевой. Не успели они остановиться у дома, где она жила, как из подъезда появился Рудник. Было уже темно, и Рублев не сразу

узнал его. Руднику стоявшая у обочины машина показалась подозрительной. И прежде чем Рублев успел скомапдовать сотрудникам, он исчез в подворотке соседнего дома. Они обшарили весь квартал, но Клиент успел оторваться от преследования. «На что он надеется? — зло думал Рублев. — Куда он денется? Рано или поздно, а мы найдем его. Из-под земли достанем. Хочет продлить агонию...»

Приказав сотрудникам прекратить поиски, он лихорадочно размышлял, что делать дальше. Прежде всего, конечно, нужно было зайти к Матвеевой. Возможно, она знает, где может скрываться Рудник. Выслушав отповедь Петракова, Сергей Николаевич вышел из машины и отыскал квартиру Матвеевой.

На его неоднократные звонки никто не отозвался. Неужели Лидии Павловны нет дома? Но в таком случае, что здесь делать Руднику? Еще и еще раз нажимал Сергей Николаевич кнопку звонка, но за обитой дерматином дверью стояла тишина.

Рублев толкнул дверь, она оказалась незапертой.

В темноте он с трудом нащупал выключатель. На тахте, укрытая клетчатым пледом, лежала Матвеева. Она никак не реагировала на свет. Лицо ее было спокойным. «Неужели убита?» — подумал Рублев. Но никаких следов ранений или насилия на лице видно не было. «Что же с ней случилось?»

Первое, что пришло в голову Рублеву: Клиент убил Лидию Павловну. Убил ненужного свидетеля. Возможно, она выдала себя.

Неужели Рудник рискнул пойти на «мокрое дело»? Если его подозрения верны, то, скорее всего, это он, Рублев, виноват в ее смерти. Но какой смысл было Руднику убирать Лидию Павловну? Он не такой дурак, чтобы понять — дело его проиграно в любом случае. Если только из-за мести? В припадке бешенства?

Сергей Николаевич вызвал милицию. Не прошло и пяти минут, как в квартире появились двое: младший лейтенант и старшина.

Старшина легонько потряс Лидию Павловну за плечо. Она не пошевелилась. Потряс сильнее — снова никакой реакции. Милиционер взял руку, нащупал пульс, потом прислонился ухом к груди.

— Жива! — воскликнул он, повернув к вошедшим молодое удивленное лицо. — Может, просто спит крепко.

И тут под ногами у Рублева что-то мягко хрустнуло — таблетка! На столике он увидел еще песколько штук.

— Врача! — приказал он одному из оперуполномоченных. — Срочно «скорую помощь»!

— Что с ней? — спросил милиционер.

— Снотворное! Она выпила снотворное! — почти крикнул Рублев.

Комната сразу пришла в движение. Захлопали двери. Несколько человек побежало на улицу.

— Вот что, — спросил он топтавшуюся в прихожей дворничиху, низкорослую татарку в цветастом платке, — врач в доме есть? Живет здесь какой-нибудь врач?

— Врач? — Она наморщила лоб. — Кажется, живёт.

— Где? В какой квартире?

— В тридцать пятой. Ксения Ивановна. В районной работает.

Милицейский сержант кинулся за врачом. Минут через пять он вернулся с молодой энергичной женщиной в темных очках.

— Лидия Павловна! — всплеснула она руками. — Что с ней? Я ее знала.

Рублев молча протянул ей несколько таблеток.

Секунду Ксения Ивановна рассматривала их.

— Нембутал. Сколько же она его приняла? Бог мой! — Она потрогала пульс Матвеевой. — Мужчин попрошу выйти. Интересно, есть в этом доме клизма... А вас, — обратилась она к дворничихе, — попрошу остаться. Поможете мне.

— Как вы думаете, — спросил врача Рублев, — удастся ее спасти?

— Сделаю все возможное.

Когда Рублев выходил из подъезда, к дому, осветив темные окна светом фар, подъехала «скорая». Из машины вылезли двое санитаров в белых халатах.

«Что же произошло в квартире Матвеевой за час-два до его приезда? И почему Лидия Павловна приняла снотворное? А может быть, это всего-навсего имитация самоубийства? Может быть, Рудник снова пытается навести его на ложный след? Нет, на сей раз это ему не удастся!» Сергей Николаевич несколько раз прошелся по узкой дорожке, огибавшей дом. Накапывал дождь. Деревья ро-

или тяжелые капли. Певдалеке шумела машинами улица Кирова.

Из подъезда выходили санитары с носилками. В тусклом свете фонаря лицо Лидии Павловны казалось лилово-бледным.

Рублев проводил взглядом отъехавшую «скорую» и поднялся наверх.

Дворничиха прибирала пол. Ксения Ивановна мыла в ванной руки.

— Будет жить... — ответила она на молчаливый вопрос Рублева. — Кажется, успели вовремя.

— Спасибо вам, — Сергей Николаевич облегченно вздохнул. — А сейчас нам нужно осмотреть квартиру.

* * *

Мистер Крейс и еще двое участников симпозиума оказались в числе приглашенных к Пэт. Пэт встретила его сияющая, излучающая радость, и радость ее — она всячески это подчеркивала на протяжении почти всего вечера — объяснялась тем, что русский ученый, такой прославленный, такой выдающийся, нашел возможность посетить ее, скромную подвижницу науки.

— Мистер Смеляков, пожалуйста, без церемоний. У меня все просто. Терпеть не могу чопорности. Прошу вас, прошу.

Мистер Крейс и еще несколько других почтенных джентльменов пожали Смелякову руку и любезно раскланялись. Пэт сама приготовила Смелякову джин с тоником, хотя на столшке стояла смирновская водка, вероятно приготовленная специально для него. Но пить крепкие напитки он не решился, опасаясь опрометчивости в разговоре.

Смеляков огляделся. Просторная гостиная была выдержана в ярких, как ему показалось вначале, даже кричащих тонах. И все же он должен был признать, что оформлена она с большим вкусом. Желтые, красные, коричневые тона спорили и вместе с тем дополняли друг друга. На длинном секционном шкафу, занимавшем одну из стен, была расставлена масса безделушек: морские ракушки и резьба по кости, статуэтки из черного дерева и африканские маски, старинные пистолеты и русские иконы.

— Откуда у вас иконы? — спросил Смеляков.

— О, это мне подарили друзья, побывавшие в России. По вообще у меня мало русских сувениров.

В последней фразе содержался намек, и Смеляков поспешил заверить, что он может расширить русскую часть коллекции.

Пэт провела Смелякова в гостиную с камином и мохнатой шкурой на полу. Они опустились в широкие глубокие кресла с мягкими подлокотниками.

— Здесь нам никто не будет мешать, — сказала она, наливая Смелякову виски со льдом.

Там в присутствии гостей Смелякову показалось, что она чересчур оживлена и возбуждена. Он приписал это действию виски: пожалуй, для женщины она пила много-много.

Но сейчас она была совершенно трезвой. Голос ее звучал ровно и спокойно:

— Мой дорогой русский друг, вы позволите мне вас так называть? Я надеюсь, что теперь мы друзья, не так ли? — И, получив подтверждение гостя, продолжала: — Я уверена, что мы, ученые, должны держаться вместе, помогать друг другу. Кстати, как вы смотрите на то, чтобы мы с вами заключили небольшую дружескую сделку.

— Какую? — Смеляков добродушно улыбнулся.

— Насчет обмена научной информацией.

— Но она не всегда наша собственность. Иногда она является собственностью правительства, на средства которого мы, советские ученые, ведем исследования.

— О, пустяки! — отмахнулась Пэт. — У правительства свои интересы, у меня — свои. Я могла бы сообщать вам все новейшие результаты наших изысканий. Вы можете использовать их по своему усмотрению.

— Звучит соблазнительно! — рассмеялся Смеляков. — А что я должен сделать взамен? Ведь речь идет о сделке?

— Совсем немного. — Пэт снисходительно улыбнулась. — Меня интересуют кое-какие аспекты других видов энергии.

— Боюсь, что это не в моих силах.

— Но почему?

— Думаю, что вы знаете не хуже меня. Практическое освоение новых видов энергии пока еще на таком уровне...

— Вот именно пока! Рано или поздно эту задачу решат ученые Англии и Америки. Имеет ли смысл делать

из этого тайну? — Пэт встала и подошла к Смелякову. Он тоже встал. — Подумайте, доктор. И помните, я умею быть благодарной. — Она взяла Смелякова за пуговицу и посмотрела ему прямо в глаза. От нее шел тонкий запах духов. Обнаженная в полуулыбке, влажно блестела ослепительной белизны эмаль зубов.

— А вы честолюбивы, — тихо проговорил доктор.

Пэт рассмеялась и отпустила пуговицу пиджака.

— Каюсь, доктор. Да.

— Вы хотите научной славы?

— Да, доктор, да.

— Но зачем вам она? У вас есть и так масса достоинств: молодость, красота, обаяние.

— Доктор, — понизила голос Пэт, — сделайте мне одолжение, и кроме новейшей научной информации вы будете располагать и тем, что вы отнесли к числу моих достоинств.

Смеляков был ошарашен. Она открыто предлагала ему себя. И он вдруг с беспощадной отчетливостью понял весь подтекст их беседы. Его смутные подозрения превратились в твердую уверенность.

Пэт, видимо, расценила его молчание по-своему. Она схватила Смелякова за руки и снизу вверх, глядя ему в глаза, шепнула:

— Хотите, я приеду в Москву?

— Пэт... — Смеляков сощурил глаза, — можно один нескромный вопрос? Чем вы занимаетесь ещё кроме научной деятельности?

— Ничем, доктор. Уверяю вас, ничем. К чему эти подозрения?

— Хорошо, — сказал Смеляков. — Я поразмышляю. А теперь пройдем к гостям.

Смеляков вернулся в гостиную в скверном настроении. Он понимал, что разговор с Пэт — это лишь пробный шар. Его не оставят в покое. Следующее предложение будет сделано в более настойчивой форме. А если он откажется, то тот, кто стоит за спиной этой красотки, не остановится и перед шантажом.

На следующий день он пошел в посольство и, передав разговор с Пэт, заявил о своем твердом намерении срочно улететь в Москву.

КУШНИЦ ВЫПОЛНЯЕТ ПРИКАЗ

Кларк был решительно недоволен своим подчиненным. Маккензи явно деградировал. Он опаздывал на службу, неряшливо одевался и стал пить, хотя прежде Кларк завидовал его воздержанности. К тому же Маккензи без конца разглагольствовал на политические темы, обнаруживая пацифистское настроение и нежелание заниматься «грязным бизнесом» — так он называл шпионаж.

Как-то после посольского приема они остались вдвоем в квартире Кларка.

— Послушайте, — начал Джозеф, развалившись в кресле, — вам не кажется, что мы с вами тратим свою жизнь впустую?..

— Что за странный вопрос!

— Почему же странный. У меня есть брат в Лондоне. Инженер-строитель. Знаете, я ему завидую. Он строит мосты, заводы, башни, антенны. Он творит жизнь, Кларк. А что сделали мы с вами, а?

— Мы сражались с вами, Джо, за демократию. Мы ее верные солдаты...

— Демократию? А кто, собственно, собирается на нее нападать, Кларк?

— Как кто? Естественно, коммунисты.

— И вы верите в эти басни?

— А почему я должен не верить, Джо? Взять ту же ракету... Ведь русские, несмотря на их разговоры о мире, осуществляют обширную военную программу.

— А почему бы им ее не осуществлять? Ведь у них есть враги. Русские не настолько глупы, чтобы сидеть сложа руки.

— Но почему вы уверены, что это оружие Советы когда-нибудь не повернут против нас?

— Очень просто. Им это не нужно. У них хватает собственных забот. Так что мы трудимся с вами вхолостую, Кларк.

— Не надо преувеличивать, Джо. Война — естественное состояние человечества. Оно не обойдется без услуг людей нашей профессии.

— Ну, это спорный вопрос, — уклончиво ответил Маккензи. — Но что касается ракеты, то, строго между нами, если она есть у русских, я только этому рад.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что эта ракета — гарантия, Кларк, и нашей с тобой безопасности.

— Не понимаю.

— А что тут понимать! Просто она остудит горячие головы в Лондоне. И не только там. Повторяю, Кларк, я не верю, что русские когда-либо начнут войну.

— Странно слышать это из уст моего коллеги. Я смотрю, русский климат пошел вам не на пользу, Джо.

В ответ Маккензи только пожал плечами.

Кларк стал сомневаться в лояльности подчиненного. Он всегда старался не обострять отношений ни с подчиненными, ни с руководством, но тут не выдержал и направил в высшие инстанции рапорт с просьбой заменить Маккензи новым сотрудником.

Этот разговор и вспомнился сейчас Кларку, ожидавшему Маккензи по срочному делу. А дело было такое, что оно сильно встревожило Кларка.

Бывают события, которых ждешь постоянно, однако, когда это событие наступило, сознание отказывается верить в его реальность. Так получилось и с Кларком.

Всю жизнь он, профессиональный разведчик, внутренне готовил себя к возможному провалу. Теперь провал стал фактом. И все же Кларк никак не хотел в это верить. А не верить было нельзя. Ганс Кушниц получил сигнал, означающий только одно — Павел Рудник «засветился». За ним идет слежка.

Кларк остановил стремительный бег по кабинету, достал из бара бутылку виски, налил полстакана и опорожнил его залпом. Вскоре он почувствовал, как по телу разливается успокоительное тепло.

Из всего сумбура охвативших его мыслей Кларк выделил одну, самую главную — провала операции «Феникс» допустить нельзя. Если даже Рудник и завалился — это полбеды. Тем более что агент пока на свободе. Нет, не все потеряно. Главное — не допустить, чтобы советская контрразведка вышла на него, Кларка. Для этого нужно срочно отрубить все нити, связывающие его с завалившимся агентом. В разведывательной сети, как и в любой машине, вышедшую из строя деталь заменяют новой. Важно, чтобы машина продолжала работать. Но больше всего Кларка беспокоила даже не «машина», а его собственная судьба. Его карьера резидента в Москве только

началась, и началась неплохо: ведь ему удалось получить подробнейшие сведения о Смелякове, удалось выяснить, тот выехал в Лондон на симпозиум. Донесения, которые он, Кларк, отправлял в центр, дышали оптимизмом. После столь благополучного старта нужно всеми силами исключить нежелательный конец.

Кларк увидел, что прибыл мистер Маккензи. Тот вошел, загорелый, сухой, с непроницаемым веснушчатым лицом.

— Ну? Докладывайте.

— Все, конец. Действительно Рудник завалился.

Маккензи достал безукоризненной чистоты платок и вытер вспотевший лоб.

Кларк побледнел, но взял себя в руки и недовольно произнес:

— Только без паники. Говорите спокойнее.

— Может... Ни вы, ни я не знаем Рудника, — выдавил Маккензи из себя после длительной паузы и уставился серыми глазками на шефа.

— Да, но он знает нас. Вот что печально, Джозеф.

— Он понятия не имеет, где мы работаем.

— Не болтайте глупостей, Джозеф. Русские докопаются. Покажут наши фотографии, и Рудник нас опознает. Или, может быть, вы думаете, что на допросе он окажется немым? Впрочем, его можно сделать немым, — медленно выговорил Кларк.

— Что вы хотите сказать? — Маккензи быстрым взглядом окинул полную фигуру своего шефа.

— А вы что, не догадываетесь?

— Догадываюсь. Но предпочел бы обойтись без уголовщины. Не люблю скандалов, Кларк.

— Бросьте, Джо. Вы не хуже меня знаете историю шпионажа. Он всегда ходил под руку с уголовщиной.

— Заметьте, Кларк, это плохой шпионаж.

— Ну, если вы поклонник интеллектуального стиля, предложите что-нибудь еще.

Маккензи перевел дыхание и налил себе виски.

— Например, переброска на Запад, — проговорил он, морщась и ставя стакан на стол.

— Очень остроумно! — саркастически заметил Кларк. — Но хотелось бы узнать, каким образом? Приклеить это-

му Руднику бороду и вручить поддельные документы... Здесь это не выйдет, сэр. И вы это прекрасно знаете.

— Хорошо, Кларк. Но мы не можем оставить его. Наша судьба во многом зависит от этого человека.

— Ничего страшного. Он свое дело сделал.

— Но пока еще не сделали мы. Операция «Феникс» еще не завершена.

Кларк пожал плечами.

— Что же делать?

— Что делать? — встрепнулся Кларк. — Делайте что хотите, но только не сидите как истукан! — Кларк прошелся по кабинету. — Сегодня же найдите возможность встретиться с Кушницем. Пусть он обязательно выйдет на связь с Рудником...

— А вы уверены, что и Кушниц не под наблюдением?

— Нет. Не уверен. Но это не меняет дела. Необходимо передать ему, чтобы он где-то спрятался, пока я не предприму необходимых мер. Нужно сообщить ему, что мы попытаемся переправить его за границу...

Маккензи тяжело поднялся.

— Я передам ваши инструкции, шеф.

Когда дверь за Маккензи закрылась, Кларк налил виски и подошел к окну. «Нет, — твердил он себе, глядя на шумный поток машин, — ты не прав, мистер Маккензи. Я найду выход. Чего бы это ни стоило!»

* * *

Рудник прятался у своего давнего знакомого, с которым он когда-то работал в автобазе Моссовета. Знакомый этот жил в глухом переулке неподалеку от Рижского вокзала, в двухэтажном кирпичном особняке с облезлой штукатуркой и обшарпанными дверями. Особняк окружали густые заросли сирени, отчего в комнатах даже в солнечные дни стоял зеленоватый сумрак. Кроме приятеля здесь жили еще две древние старушки в окружении своры кошек. При встрече с Рудником они изгибали спины и зло сверкали в темном парадном зелеными, фосфоресцирующими глазами. Было в них нечто такое, что внушало страх. Ему казалось, что кошки знают его тайну и, умея они говорить, обязательно сообщили бы о нем куда следует.

Впрочем, страх Руднику сейчас внушало все: и голоса за окном, и шорох шин проехавшей неподалеку машины, и звонок почтальона в дверь. Любой звук за окном казался ему подозрительным. Рудник вскакивал, обливаясь холодным потом. Гулко колотилось сердце: вот-вот выскочит из груди.

Днем Рудник чувствовал себя спокойнее, хотя и прекрасно понимал, что ощущение это обманчиво. «Они» могли приехать за ним и средь бела дня.

По утрам хозяин квартиры уходил: он работал в таксомоторном парке механиком. И Рудник оставался один, не зная как убить время.

Вадиму он сказал, что разругался с женой (Лидию Павловну он представлял знакомым как жену).

— Ты не возражаешь, если я у тебя какое-то время перекантуюсь?

— Да живи сколько хочешь! Места хватит. — Вадим обвел руками пространство: оно состояло из двух комнат со скрипучими полами и крохотной кухонькой. — Не жалко...

— Хочу ее наказать как следует. Пусть теперь меня поищет.

— И правильно. С бабами так и надо. Я их знаю.

Вадим действительно имел кое-какой опыт в подобных делах: сам он несколько лет назад развелся с женой и теперь ходил в холостяках. Он был даже рад неожиданному вторжению приятеля: вдвоем как-никак веселее. В Руднике он нашел прежде всего собутыльника, к тому же при деньгах.

Обычно с работы Вадим возвращался «тепленький». Он любил выпить, но нужны были деньги. Вот тут и приходил на помощь Рудник. Он доставал червонец, и Вадим, собрав бутылки, бежал в магазин. Возвращался с водкой и пивом и, радостно потирая руки, суетливо «накрывал стол». Вечер пролетал незаметно.

— Ты, брат, не вешай носа, — считал он своим долгом утешить Рудника. — Выбрось ты ее из головы. Что, па ней свет клином сошелся? Хочешь, сейчас позвоню — и приедут! Девки мировые, без предрассудков.

Рудник с сомнением разглядывал угреватый нос приятеля, большие залысины и грязный воротничок рубашки и мягко, но настойчиво отвергал предложение. Пил Руд-

ник много, но почти не изменил. Обычно алкоголь помогал ему уснуть. Но теперь не помогали ни водка, ни снотворное. Рудник долго ворочался, прислушиваясь к шуму застывающего города. Что же теперь его ждет? Неужели его друзья не помогут ему? Что намерен предпринять Кларк, казавшийся Руднику всемогущим и неуловимым? Неужели он допустит, чтобы его агент попался в руки советской контрразведки? Ведь он не сможет долго играть в кошки-мышки. Если они установили за ним слежку, значит, им что-то известно. Какой смысл отпираться, если тебя приперли к стенке? Ради Кларка и его друзей? К черту! Пусть заботятся сами о себе! Ему сейчас не до них. Да и потом, в случае провала, они же обещали его переправить на Запад. Правда, в глубине души Рудник был уверен, что их обещания стоят не так уж много. Сейчас они с удовольствием сделали бы вид, что просто незнакомы с ним. Единственное, на что Рудник рассчитывал, что советская контрразведка не поверит в эту легенду: в конце концов он пешка в большой игре, а тот, кто сейчас охотится за ним, будет искать ферзей и самого короля. Вот почему король должен ему помочь. Сделать это нелегко, но король на то и король, чтобы найти выход. Например, подложные документы. Он мог бы выехать за границу под именем иностранного коммерсанта или журналиста. Или нелегальный переход через границу. Или, наконец, подводная лодка, маленькая, бесшумная подводная лодка на двоих, одна из тех, о которых Рудник читал в журнале. Словом, король обязан найти выход. Тем более что он знает, где скрывается один из его подданных. Рудник сообщил об этом по условленному телефону на условном языке. Это был набор цифр, часть которых обозначала название переулочка, а другая часть номер дома и квартиры.

Его друзья дали знать о себе на четвертый день пребывания в подполье. Рудник спал, вернее, пытался заснуть после обеда, когда раздался дверной звонок. Он замер, а потом встал, бесшумно подкрался к окну и сквозь щель занавески увидел высокого рыжеватого человека в кепке и плаще. Вглядевшись в лицо незнакомца, Рудник облегченно вздохнул: это был Джозеф, тот самый Джозеф, который до приезда Кушница забирал его донесения из тайника в памятке купцу Маклакову. Рудник поспешно к двери, одновременно и радуясь, что король не забыл

его, и, трясаясь от страха — ведь Джозеф мог притащить с собой «хвоста».

Джозеф явно нервничал. Оглядывая квартиру, он скептически поморщился, но ничего не сказал.

— Кто здесь живет? — осведомился он, усаживаясь в придвинутое Рудником потертое кресло.

— Приятель...

— Вы уверены в нем?

— Он ничего не знает. Для него я ушел от жены.

И гость, и Рудник некоторое время молчали, изучая друг друга.

— Вы могли притащить «хвоста», — проговорил наконец Рудник.

— Мог, конечно. Но не притащил, — ответил Джозеф. — Как вы догадываетесь, мне не улыбается перспектива быть накрытым в вашей компании. Поэтому я принял соответствующие меры. А теперь давайте вернемся к делу. Почему вы решили, что за вами следит? Вам не показалось?

— Увы, нет. Я понял это из разговора со своей приятельницей.

— Матвеевой?

— Да. Ей что-то стало известно. Во всяком случае, она прямо намекнула, что мое дело кончено.

— Но откуда? — Джозеф впился в Рудника взглядом.

— Не знаю. Мне показалось, что она все это время следила за мной.

— Этого не может быть! — воскликнул гость. — Мы проверили ее.

— Тогда ей стало что-то известно совсем недавно. Но это полбеды. Главное, что, когда я выходил от нее, я заметил машину. В ней сидели «они».

— Вы уверены?

— Да. Они пытались меня взять. Но я ушел.

Джозеф потер подбородок и уставился на пол.

— Что же делать? — спросил после паузы Рудник. — Надо что-то делать.

Джозеф продолжал молчать. Наконец он встал и, закулив сигарету, сказал:

— Ваше положение скверно...

— Спасибо, — огрызнулся Рудник. — Об этом я догадываюсь сам. Хотелось бы знать, что собирается предпринять мистер Кларк...

— Кларк... — гость тяжело вздохнул. — Не знаю... Кому нужен провалившийся агент, мистер Рудник. Провалившийся агент как гнилой зуб — его выдергивают и вставляют новый.

Лицо Рудника словно окаменело, а сузившиеся глаза пристально следили за каждым движением гостя.

— Так, значит, — процедил он сквозь зубы, — вы готовы меня отдать на растерзание, а сами в кусты?

— Кого вы имеете в виду под словом «вы»?

— Кого?! Как будто вы не знаете кого! Кларка, вас, Гапса...

— Для вас мы все на одно лицо, мистер Рудник. Я понимаю. Но между мною и Кларком большая разница. Возможно, Кларк и готов спрятаться в кусты, но мы вам готовы помочь, мистер Рудник.

— Кто вы?

— Это неважно, Павел. Информация нужна мне лично.

Рудник взорвался:

— Мне надоело всю жизнь играть в прятки! Играйте сами!

Маккензи досадливо поморщился:

— Перестаньте! Давайте поговорим, как деловые люди.

Он чиркал зажигалкой просто так, чтобы успокоить нервы. Зажжет и задует пламя. Маккензи думал: как, в сущности, иррациональны русские люди! Как не могут они сохранять равновесие, трезвую голову в критических ситуациях!

У него тоже дела шли плохо. Донесение Кларка в Лондон об отзыве его из Москвы стало известно Джозефу. Шепнули друзья из шифровального отдела. Но он не хотел так просто выходить из игры. По крайней мере без хорошей суммы в кармане. Он намеревался выйти на пенсию, обеспечив себе кое-какие сбережения. И в этом смысле Рудник представлял собой прекрасный источник дохода. Ведь сведения, которыми он располагал, можно было продать любой разведке. За приличное вознаграждение. Пусть такие идиоты, как Кларк, борются за демократию. Отныне он, Джозеф Маккензи, будет бороться за себя. Да, это было нечестно. Но стоит ли об этом беспокоиться. Всю свою жизнь Маккензи посвятил нечестной игре.

— Что на сей раз я должен сделать? — спросил Рудник. Он не спускал с гостя напряженный взгляд.

— Очень немного. Вы передайте мне всю информацию, которой вы в свое время снабдили Кларка, а я помогу вам переправиться на Запад.

Некоторое время Рудник молчал. Потом проиел на кухню. Вернулся он с початой бутылкой водки, двумя рюмками и салатом из помидоров. Джозеф пить отказался. Рудник залпом опрокинул рюмку в рот, закусил колечком помидора. В голове поднялся вихрь сомнений. Что это, провокация? Или, наконец, реальный шанс спасти шкуру?

— А где гарантия, что вы сдержите свое слово? — спросил он гостя, который невозмутимо покуривал сигарету.

— Я умею держать свое слово, мистер Рудник. Не в моих интересах оставлять вас на милость русской контрразведки.

— То же самое говорил мне и Кларк. А где он и его друзья теперь? Дрожат за свою шкуру.

Рудник налил себе немного водки.

— Послушайте, мистер Обухович, мы наблюдаем за вами давно и потому кое-что о вас знаем.

При этом имени Рудник вздрогнул, словно его неожиданно ударили по лицу.

— Так вот, Павел Обухович, — продолжал англичанин, — хотел бы напомнить вам некоторые, безусловно, неприятные подробности вашей биографии. В годы войны вы служили в полиции в маленьком городке под Могилевом. Вы были начальником карательного отряда и лично расстреливали арестованных соотечественников, которых вы и ваши гитлеровские хозяева подозревали в связях с партизанами.

Округлившимися от ужаса глазами Рудник смотрел на своего гостя, не в силах выговорить ни слова. Перед ним был посланец прошлого, прошлого, которое он считал умершим, но которое сейчас воскресало вновь.

— Когда русские армии подошли к Могилеву, вы взяли паспорт жены, вытравили из него ее имя и отчество, вписали свое и с этим паспортом бежали в Латвию, туда, где вас никто не знал. Наверное, вы неплохо подделали паспорт, поскольку, когда русские освободили Латвию и вы выразили желание вступить добровольцем в Красную Армию, вас взяли, вам даже удалось пройти проверку... Я правильно излагаю существо дела?

Рудник молчал. Он сидел в кресле, опустив голову, и покусывал губы.

— Так вот,— продолжал Джозеф Маккензи,— вместе с Красной Армией вы с боями прошли от Прибалтики до Берлина. Наверное, вы воевали неплохо, поскольку перед самым концом войны русское командование присвоило вам даже офицерское звание. Вы старались изо всех сил, поскольку хотели убедить своих товарищей и командиров в полной лояльности. Но вскоре вам не повезло: в Померании вы попали в плен, и я склонен думать — непреднамеренно. Из фашистского плена вас освободили американцы. И вот тут, когда вы находились в американской зоне оккупации, вам не повезло по-настоящему. Дело в том, мистер Обухович, что к этому времени английской военной разведке попали в руки архивы гестапо. Кларк, он тогда был еще совсем молодым и подающим надежды контрразведчиком, наткнулся на ваше дело. Ему бросилось в глаза разительное сходство между фотографией в деле и попавшим к нему на допрос русским лейтенантом. Что ни говорите, мистер Обухович, а Роберт Кларк проницательный парень. Он снял ваши отпечатки пальцев и сличил их с теми, что были приложены к делу. Совпадение, вероятно, было полным, после чего Кларк уже не сомневался, кто перед ним. С этим человеком он мог сделать все что угодно. Например, выдать русским военным властям. Но Кларк предпочел его завербовать. Он был предусмотрительным парнем. Он догадывался, что после медовых месяцев союзничества начнется эра «холодной войны». Он знал, что молоденький русский лейтенант может ему пригодиться. Он подсунул его в только что освобожденный лагерь для военнопленных и дал молодому лейтенанту возможность в числе других истосковавшихся по дому вернуться на родину. Да, кстати, мистер Обухович, как вам удалось пройти вторичную проверку? Неужели вам поверили на слово?

Рудник поднял голову, посмотрел на гостя так, словно увидел его впервые, и хрипло ответил:

— Нет. Просто нашлись свидетели, которые подтвердили, что я попал в плен раненый, находясь в бессознательном состоянии.

— Вот тут вам довезло, как повезло и сейчас. Я могу вам помочь бежать.

— Каким образом?

— У меня есть план, мистер Обухович.

— Да прекратите вы это! — взорвался Рудник — Нет здесь Обуховича! Он умер! Есть Павел Рудник!

— О, простите, мистер Рудник. Так вот у меня есть план. К завтрашнему вечеру вы напишете полный отчет о том, какие сведения вы передали Кларку. С этим отчетом в десять часов вечера вы должны быть на Минском шоссе, на тридцать седьмом километре. В этом месте к шоссе почти вплотную подходит лес. Я остановлюсь как раз у столба и буду чинить машину. Вы сядете на заднее сиденье, и я отвезу вас на ближайшую крупную станцию — Новый Иерусалим. В двадцать три часа двадцать минут там останавливается поезд на Ригу.

Джозеф Маккензи извлек из кармана пиджака бумажник. В нем оказался паспорт, билет от Москвы до Риги и тысяча рублей денег в советской валюте купюрами по пятьдесят рублей.

— Это вам, — сказал он, передавая все это агенту. — Теперь вам придется забыть, что вы Рудник. Теперь вы Степан Иванович Заболоцкий, инженер из Тобольска. Вы едете в Ригу в служебную командировку на вагоностроительный завод. А это — командировочное удостоверение, — добавил англичанин, подавая листок бумаги со штампом завода, печатью и подписями внизу.

Рудник повертел документы в руках. Паспорт был довольно потрепанный, с не очень разборчивой фотографией, но именно своей подержанностью он и оставлял ощущение подлинности. Пролистав его, Рудник нашел и штамп прописки и даже штамп регистрации брака с какой-то Журавлевой Зинаидой Антоновной.

— В Риге, — продолжал инструктаж Джозеф Маккензи, — вы обратитесь по адресу: улица Гражданская, тридцать два, квартира десять. Спросите Линиса.

— И что буду делать в Риге? — спросил Рудник, с трудом сдерживая радость.

— Дальнейшие указания получите через Линиса. Через несколько дней мы переправим вас в Швецию.

Рудник не верил своим ушам. Неужели он вырвется на свободу? Неужели когда-нибудь он обретет ощущение безопасности? Он взглянул на гостя, пытаясь в выражении его лица найти подтверждение своим мыслям. Маккензи вежливо улыбался.

— Думаю, что сесть в вагон не в Москве, а с ближайшей станции будет безопаснее.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться Рудник.

— И не забудьте об отчете. Ваша отправка за границу зависит от вашей искренности и честности.

— Все сделаю, — горячо заверил гостя Рудник.

— А теперь мне пора.

Джозеф Уайлд Маккензи поднялся, высокий, прямой и торжественный. Проводив его до дверей, Рудник налил себе еще водки. А когда вернулся Вадим, постоялец отправил его за коньяком и шампанским.

В эту ночь Рудник спал сном праведника.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ДЕНЬ СЮРПРИЗОВ

Утром Сергей Николаевич Рублев позвонил в больницу. Дежурный врач ответил, что Матвеева чувствует себя нормально. Можно ли навестить ее? Да, но лучше после обеда.

В три часа дня Рублев был в больнице. Матвеева ждала его на скамейке во дворике. В сером, застиранном халате, с бледным меловым лицом, она казалась постаревшей и подурневшей. Поздоровалась, глядя куда-то в сторону. Возникла неловкая пауза.

— Мне так стыдно, Сергей Николаевич... так стыдно, — пробормотала она, закрывая лицо руками.

— Ну, ну, успокойтесь. Все в порядке. Да, вот это вам, — он протянул ей букет пионов.

Она пробормотала слова благодарности.

— Что случилось, Лидия Павловна? Что случилось на квартире у Рудника?

Волнуясь, она рассказала ему о ссоре с Рудником, о том, как он, заподозрив ее в неискренности, пытался заставить ее говорить силой.

— Ну вот этого я от вас не ожидал, — не удержался Рублев. — Я думал, что у вас достаточно выдержки.

— Он мне причинил столько горя!

— И себе — тоже.

— Сдали нервы, — оправдывалась она, всхлипывая.

— Он решил не касаться истории с таблетками. Она и так стыдилась своей слабости и не знала куда деваться. «Бедвяга,— подумал Рублев,— сколько же ей пришлось пережить!»

— Лидия Павловна,— начал Рублев уже деловым тоном,— мы с вами еще поговорим, когда вы окончательно поправитесь, а сейчас мне нужна ваша помощь. Рудник исчез. Вы не знаете, где он может скрываться?

Она пожалала плечами.

— Конечно, он далеко не уйдет,— продолжал Сергей Николаевич.— Но нужно срочно его обезвредить. Вспомните его приятелей, знакомых.

Она назвала несколько знакомых, где бывала с Рудником. На Садовой, на Гоголевском бульваре, на улице Обручева. Рублев тщательно записал адреса и фамилии.

— А в других городах у него есть родственники или друзья?

Этого Лидия Павловна не знала.

— Спасибо за помощь.— Рублев поднялся и пожал ее слабую руку.— И поскорее выздоравливайте.

— Я хотела вас просить...— слабым голосом проговорила она,— можно... можно сделать так, чтобы ничего не знали на работе? А то мне придется оттуда уйти.

— Хорошо. Постараюсь устроить. Выздоровливайте.

Через полчаса Рублев уже был в управлении. Не успел он переступить порог кабинета, как раздался телефонный звонок от Петракова.

— Сергей Николаевич, зайдите ко мне.

Петраков расхаживал по кабинету, заложив руки за спину. Брови его были сурово сдвинуты. Чувствовалось, что он чем-то озабочен.

Петраков кивнул на кресло у стола.

— Присаживайтесь... — И, когда Рублев опустился в кресло, продолжал, тщательно подбирая слова: — Такое дело, Сергей Николаевич... Тут отдельные товарищи считают, что операцию вы проводите не совсем гладко... Вы упустили Рудника... Матвеева попала в больницу... Все-таки, видимо, вы напрасно ей открыли карты... Да, кстати, как она?

— Скоро выпишут...

— Рад, что все обошлось. Так вот... конечно, гладко операции проходят только в книжках, но все-таки, как вы считаете?

Рублев видел, что шефу неприятен этот разговор. Но, видимо, кто-то его к этому вынудил. «Кто? Скорее всего, Игорь Тарков. Однако злопамятный!» — подумал Сергей.

— Товарищи, конечно, правы. Не все получилось так, как хотелось бы. Но сделано главное — мы напали на след противника.

— Пожалуй, теперь мы можем это утверждать... А что касается Рудника, то, согласитесь, он — не новичок в шпионском ремесле. Он постоянно был на чеку! Ждал ареста... Оцепить же район у меня просто не было возможности...

— Логично, — буркнул Петраков.

— Теперь о Матвеевой... Ведь именно с ее помощью мы узнали, чем интересуется наш противник... Она подтвердила, что мы на верном пути. Потом, беседуя с ней, я понял, что она не знает о тайной жизни своего любовника. Да и откуда ей было знать, они знакомы каких-то два месяца. Я убедился, что она наш, советский человек, и не ошибся.

— Возражений не имею.

— И самое главное: операция еще не закончена... Рудник никуда не уйдет... — Сергей Николаевич помолчал и добавил с улыбкой: — А вообще-то как контрразведчик я еще далеко не волшебник, только учусь.

Шеф улыбнулся и хотел было что-то сказать, но тут вошел офицер и подал Петракову телефонограмму.

— Очень срочно, — добавил офицер.

Петраков углубился в чтение, при этом брови его изогнулись дугой.

— Почитайте-ка. Это касается вас.

«На днях в советское посольство в Бонне, — пробежал глазами по машинописным строчкам Рублев, — обратился неизвестный гражданин, который назвал себя Гансом Кушницем, подданным Германской Демократической Республики. Ганс Кушниц заявил, что до недавнего времени он учился в Московском государственном университете на физическом факультете. По окончании университета посольство ГДР в СССР предложило ему работать в Совете Экономической Взаимопомощи. В июне этого года, находясь в отпуске, Ганс Кушниц поехал навестить свою тетку, проживавшую в Западной Германии. Однако здесь он был задержан неизвестными лицами, которые предложили ему сотрудничество с английской разведкой.

Когда Ганс Кушниц отказался, его насильно подвергли допросу, а затем поместили в психиатрическую клинику во Франкфурте-на-Майне, из которой несколько дней назад ему удалось бежать. Все случившееся с ним Ганс Кушниц объясняет тем, что определенным лицам понадобилось послать в Москву доверенное лицо, которое, используя его документы и внешнее с ним сходство, вело бы в Москве подрывную работу.

Органам безопасности Германской Демократической Республики удалось установить, что, несмотря на всю невероятность версии Ганса Кушница, она полностью соответствует действительности. Отпечатки пальцев, группа крови и другие признаки свидетельствуют о том, что Ганс Кушниц именно то лицо, за которое он себя выдает.

Просим вас со своей стороны проверить человека, который работает в штаб-квартире СЭВ и выдает себя за Ганса Кушница. По словам настоящего Ганса Кушница, в Москве у него проживает знакомая девушка Таня Балашова. Ее адрес: Москва, ул. Кржижановского, 19, корп. 1, кв. 137.

Просим не отказать в любезности сообщить о результатах проведенной вами проверки.

Прилагаем фотографии Ганса Кушница и его основные антропологические данные».

Внизу стояла подпись начальника управления органов безопасности ГДР.

Некоторое время Рублев и Петраков молча смотрели друг на друга.

— Ну, что вы скажете, Сергей Николаевич? — нарушил паузу Петраков.

— Черт знает что! — вырвалось у Петракова. — Какие-то средневековые методы времен Ришелье и Казановы.

— Почему же средневековые? Английская разведка подсовывала двойников и в сравнительно недавние времена. Вспомните, например, Лауренса Аравийского. Он практиковал такие приемы.

Сергей Николаевич между тем рассматривал фотографию Ганса Кушница. На него смотрело молодое лицо с небольшими серыми глазами, загнутыми кверху уголками губ и подбородком с ямочкой.

— Хорошее, открытое лицо! — сказал он. — Такое лицо внушает доверие.

Рублев положил документы на стол шефа и прошелся по комнате.

— Думаю, Анатолий Васильевич, что, если противник пошел на столь крайние меры, значит, его толкнули к этому чрезвычайные обстоятельства. Ему очень нужно было послать этого человека в Москву. Беру на себя смелость утверждать, что вся эта авантюра имеет непосредственное отношение к новому топливу. Противник не брезгует никакими средствами, чтобы похитить технологические секреты.

— Это надо еще доказать!

— Такой вывод напрашивается сам по себе. Обратите внимание, что разведка противника заинтересовалась именно выпускником физического факультета. Значит, им нужен был человек технически и научно эрудированный. Заметьте также, что присланный ими разведчик, по всей видимости, справляется с работой физика-эксперта. Следовательно, он имеет техническое образование.

— Тут нам мог бы помочь Рудник. Кстати, есть что-нибудь о нем новое?

— Пока нет. Сотрудники продолжают вести наблюдение за вокзалами, аэропортами и пикетами ГАИ на выездах из Москвы. По всей вероятности, он отсиживается где-то здесь, в городе. Но рано или поздно он себя обнаружит.

— Ясно. А теперь займитесь Кушницем. Наведите о нем справки на работе. Проверьте, связан ли он как-нибудь с Рудником и Джозефом Маккензи. Если да, то выписывайте ордер на арест. Если нет, то его можно арестовать за въезд в страну по подложным документам. Но сначала все же хотелось бы узнать, зачем он к нам прибыл. Выполняйте. И держите меня в курсе дела.

* * *

Эксперты изготовили крупно увеличенную фотографию Ганса Кушница. Рублев сунул ее в папку, созвонился с отделом кадров СЭВ, объяснив, с какой деликатной миссией он направляется к ним.

Через десять минут он уже вместе с Максимовым входил в высокое стеклянное здание у Арбатского моста. В отделе кадров ему подготовили личное дело Кушница. Не нужно быть экспертом, чтобы догадаться, что на ма-

леньком снимке, приклеенном к личному делу, и на фотографии, которую привез с собой Рублев, был изображен один и тот же человек. Однако Сергей Николаевич хотел сравнить фотографию и с оригиналом. Он договорился с сотрудником отдела, что под каким-нибудь благовидным предлогом даже Кушница вызовут в специальный кабинет, посадят лицом к неплотно прикрытой двери, а они с Максимовым будут наблюдать за ним в щель.

— А ведь он парень не робкого десятка,— сказал Максимов, когда они шли по длинному коридору,— не всякий пошел бы на такую авантюру.

— Возможно,— согласился Рублев.— Во всяком случае, я ему не завидую. Жить в постоянном страхе, опасаться, что каждую минуту тебя разоблачат. Да, этот парень с крепкими нервами.

У одной из дверей они остановились. Она была открыта. За столом сидел молодой человек с гладко причесанными на пробор светлыми волосами, с ямочкой на подбородке. Уголки его губ были загнуты кверху. Молодой человек о чем-то беседовал с крепышом — Рублев и Максимов видели только его широкие плечи и лысину.

— Сходство полное. Безусловно, это тот, кого мы ищем,— проговорил Максимов, когда они отошли от дверей.— Что будем делать, Сергей Николаевич?

— Для начала установим за ним наблюдение. Возьми-ка это на себя.

Теперь каждый шаг Кушница, каждая его встреча становились известны. В тот же вечер Рублеву сообщили, что Кушниц виделся с Рыжим.

— Теперь становится ясно,— докладывал Рублев своему шефу, — что Рудник, Кушниц, Кларк и Маккензи — звенья одной разведывательной цепи. Их объединяют подрывные, грязные цели.

— Ну что ж,— подытожил доклад Рублева Петраков, — дело идет к развязке.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ РАНДЕВУ

«Откуда все же этот тип так детально знает мое прошлое?» — вот вопрос, который без конца задавал себе Рудник. От Кларка? Возможно, какие-то подробности этот

тип и рассказывал своему коллеге. Но не станет же Кларк давать полную справку о своем агенте. Это было бы нарушением правил той рискованной игры, которая называется шпионажем.

И тут Рудник вспомнил лето сорок четвертого. Красная Армия стремительно приближалась к городу. Гитлеровцы бежали из Могилева в панике. Им теперь было не до какого-то рядового полицейского. А Руднику хотелось в Германию.

В эти дни в туалете к нему подошел человек. Рудник знал его как сотрудника гестапо.

— Послушайте,— сказал он Павлу,— я давно наблюдаю за вами. Мы могли бы поговорить о сотрудничестве.

— О каком сотрудничестве, когда все бегут,— с раздражением ответил Рудник,— разве только на том свете.

— Бегут немцы,— загадочно ответил собеседник,— а не мы.

— Кто это вы? — удивился Рудник.

— Англичане. Я предлагаю вам легализироваться в России. Вы нам скоро понадобятся.

Рудник отверг это предложение, опасаясь провокации, и совсем забыл об этом разговоре и об этом загадочном типе.

Но те, кого он представлял, помнили Рудника до сих пор.

Рудник не очень верил Маккензи. Вполне вероятно, что он заманивал его в ловушку. Но выхода не было, приходилось принимать условия Джозефа безоговорочно. Этот последний день у Вадима он провел в каком-то лихорадочном возбуждении, предчувствуя, что кончается целая эпоха в его жизни и начинается другая. Он переходил черту, за которой его ждала неизвестность.

Отчет занял у него целых полдня. На десяти страницах убогистого текста вместились вся его тайная жизнь, его тревоги, страхи и надежды. Здесь были и подробности подслушанной беседы о новом ракетном топливе, и характеристика Смелякова. Здесь был пересказ документа, касавшегося военного сотрудничества между Советским Союзом и ГДР, который он незадолго до операции «Феникс» на несколько минут похитил из портфеля советника Штрассера и перефотографировал. Здесь было краткое описание окружавших Москву дорог и характеристика некоторых видов самолетов.

Рудник подумал, что вот такой примерно отчет ему пришлось бы написать, попадись он в руки советской контрразведки. Мысль об этом всегда окатывала его холодным страхом. Она отравляла все его существование. Иногда, ведя машину по улицам Москвы, он смотрел на торопившихся людей и с завистью думал: им хорошо вот так жить, им не надо ничего скрывать. Они ложатся спать спокойно. Они спешат на работу, растят детей и хлопочут по хозяйству. У них все просто и ясно. Им не надо вздрагивать при каждом стуке в дверь и обливаться потом, поймав на себе пристальный взгляд незнакомого человека. Кто виноват, что ему, Павлу Руднику, выпала роль отщепенца?

Он часто обвинял войну.

Да, пожалуй, все началось с жаркого июля сорок первого, когда в Могилев вошли немцы. Тогда Паша Обухович был костлявым черноволосым юнцом, только что окончившим школу. Определенных планов у него не было. Но многие его сверстники мечтали стать летчиками — было тогда такое поветрие. Ему тоже хотелось когда-нибудь приехать в родной город и пройтись по центральной улице в скрипучих хромовых сапогах и в синей пилотке, лихо сдвинутой набок. И чтобы на груди сверкал орден, и все знакомые показывали на него глазами и уважительно перешептывались: «Как, вы не узнаете этого молодого человека? Так это же Паша Обухович — сын парикмахера Аркаши Адамовича».

За несколько дней до окончания школы Паша подал заявление в летное училище. Но, едва сдав последний экзамен, он слег в постель, мучимый жесточайшими приступами лихорадки. Он пришел в себя, когда к городу уже подходили немцы и раскатами отдаленного грома грохотал фронт.

В городе стояла суматоха, и кривая соседка, по кличке Суботиха, рассказывала всякие ужасы: где-то бомба угодила прямо в бомбоубежище, где-то поймали немецкого парашютиста, переодетого милиционером, и тут же расстреляли, где-то ограбили винный склад.

Все знакомые эвакуировались на Восток. Но Обухович-старший, знаменитый на весь город парикмахер, имел на происходящие события свою точку зрения.

— Мы люди маленькие, — твердил он. — Нас немцы не тронут.

Их действительно не тронули. Обухович-старший брил и стриг клиентов все в той же парикмахерской, только теперь стриг немецких офицеров и солдат.

«Если бы я тогда ушел на фронт или эвакуировался,— часто думал Рудник,— жизнь могла повернуться иначе».

На службу в полицию Павел Обухович попал по рекомендации отца: вероятно, на сей счет он договорился с кем-то из своих клиентов в промежутке между стрижкой и бритьем. Обухович-младший было уперся:

— Неудобно, меня в городе знают, а вдруг наши вернутся?

— Не вернутся,— возразил отец.— Вон они, немцы, где — под самой Москвой! У них сила, хочешь не хочешь, а придется танцевать под их дудку. И потом ты что, хочешь на шее у отца сидеть?

Павел сдался. В конце концов надо как-то кормиться: ведь немцы дают паек только тем, кто работает на них. Да, разве он один будет сотрудничать с гитлеровцами: вон Степан Корнеич, бывший завмаг, сосед ихний, и то устроился в комендатуру...

— Ты вот что, парень,— наставлял его отец,— ты меня слушай, отец худому не научит. В полиции тоже можно по-разному служить. В дурное дело не ввязывайся, кровью руки не пачкай. А там, глядишь, хорошему человеку и помочь сможешь.

В полиции Павла принял поджарый немец с повязкой на глазу. Он заставил его заполнить анкету и дать подписку, что отныне он, Павел Аркадьевич Обухович, семнадцати лет от роду, будет служить великому рейху верой и правдой. Недели две его вместе с разношерстной компанией будущих полицаев гоняли по плацу за городом, учили шагать в строю, ползать на животе, стрелять из карабина и автомата, а потом им выдали удостоверения, повязки и оружье.

Сначала Павел патрулировал город, участвовал в облавах и арестах. Не нравилась ему эта работа, хотя он иногда и испытывал возвышающее чувство власти над людьми. Но он еще был молод и слишком близко к сердцу принимал человеческие несчастья.

Но вскоре его взяли на серьезное «дело». Нужно было расстрелять группу арестованных. За огородами, на опушке леса они сами вырыли для себя могилу, длин-

ный ров. Обуховичу досталась роль конвоира. Он выводил арестованных со связанными руками из подвала, конвоировал их до рва, и там немецкий фельдфебель стрелял жертве в затылок, и трупы падали в яму. Обухович вывел из подвала семьдесят с лишним человек. Наверное, гитлеровский фельдфебель просто выполнял свой «долг». После этой зверской экзекуции Павла несколько ночей преследовали кошмары.

Потом жизнь закрутилась в пьяном угаре. Почти все полицейские пили, ибо самогон был дармовой: его отбирали у крестьян. Павел тоже стал пить. Аресты, облавы, пытки, расстрелы — он потерял счет своим жертвам. В редкие минуты просветления он понимал, что назад ему пути нет. Он сам сжег за собой мосты. Потом, когда возмездие было где-то рядом, напоминая о себе победоносным грохотом орудий, он бежал в Прибалтику. С тех пор он жил в постоянном страхе перед разоблачением. Даже спустя много лет после войны на улице, в метро или троллейбусе он украдкой оглядывал людей, нет ли среди них знакомого, могущего его опознать. Страх стал вечным его спутником.

Да, этот рыжий англичанин был прав: ему крупно не повезло, причем дважды. Первый раз, когда он послушался отца, и второй, когда на его пути встретился мистер Кларк. Правда, теперь ему не повезло и в третий: он потерпел провал, за ним охотятся, как за диким зверем. И Обухович-Рудник не питал никаких иллюзий: он знал, что, если он попадется в руки контрразведки, на списхождение рассчитывать не стоит. У него только один выход — бежать на Запад.

* * *

На улице была непроглядная темень. Дождь зарядил с самого утра, а вечером набрал силу.

Обходя лужи, Рудник сел в такси, которое он вызвал по телефону.

— Вот что, шеф, — сказал он шоферу. — Гони на Минское шоссе. Тридцать седьмой километр. Там у меня с другом беда. Получишь червонец.

Шофер удовлетворенно кивнул головой. Наконец-то ему попался настоящий клиент.

Разбрызгивая лужи, такси выехало на Трифоновскую,

затем свернуло на Октябрьскую. В предвкушении щедрого гонорара шофер гнал машину изо всех сил. Нахлобучив одолженную у Вадима кепку на самые глаза, Рудник прижался на заднем сиденье. Хотя Рудник понимал, что сквозь запотевшие стекла различить его невозможно, он все же нервничал.

— Поосторожней, — посоветовал он шоферу, — а то остановят, больше времени потеряем.

— Ничего! — бодро отозвался водитель. — Как-никак тридцать лет за рулем.

Сквозь прозрачное полукруглое переднее стекло, очерченное дворником, он заметил высокие здания Кутузовского проспекта. В одном из них жил его бывший хозяин — советник Штрассер. Рудник представил себе удивление на его полном добродушном лице: «Поль — шпион? Не может быть! Майн готт! Кто бы мог подумать!»

Наверное, Штрассер страшно разволнуется, будет пить валидол и делиться с женой сногсшибательной новостью: Прощай, советник Штрассер! Ты был приятным человеком, и я не хотел бы, чтобы из-за меня у тебя были служебные неприятности.

Еще Рудник представил лица своих знакомых по работе. Наверное, уже шепчутся по углам: «Слышали, Рудник-то шпионом оказался!» — «Какой Рудник?» — «Ах, тот, который...» А уж начальника отдела кадров наверняка хватит инфаркт! Уж этому-то типу нагорит. Наверняка выгонят с работы. И хотя никаких счетов с начальником отдела кадров у Рудника не было, эта мысль доставляла ему удовольствие!

Интересно, узнает ли Вадим когда-нибудь, кого он приютил в своей квартире? Впрочем, если и узнает, то вряд ли это его особенно взволнует. «По-моему, — размышлял Рудник, — его уже ничего не волнует, кроме водки». Когда Рудник объявил, что возвращается домой, Вадим даже не смог скрыть огорчения. Еще бы! Он расставался с богатым и щедрым дядей. Теперь придется сшибать по тройку у друзей!

Рудник не мог сдерживать волнения. Сейчас такси стремительно увозило его от прошлого. Со скоростью девяносто километров в час он мчался навстречу будущему.

Будущее! Сколько раз мерещился Руднику свой домик где-нибудь в Швеции или в Канаде. Зеленая, стриженная лужайка, «мерседес» у подъезда! Ему это по

силам! В конце концов на счету у него сумма, которая позволит ему прожить остаток дней безбедно. Только бы удалось бежать!

Мишское шоссе в этот час было пустынно. Изредка с шипением проносились машины. Рудник взглянул на часы, было тридцать пять минут десятого. Пикет ГАИ миновали благополучно, и Рудник немного успокоился. «Да, зря я нервничаю,— убеждал он себя,— ведь нельзя же проверить каждую выезжающую из города машину!»

Минут через двадцать Рудник подъехал к условленному месту. Вокруг не было ни души. Он дал таксисту десятку, и тот уехал довольный.

Было без пяти десять. Вот-вот должен подъехать Рыжий. Рудник спустился по мокрой траве склона и скрылся в кустах. Биение сердца со звоном отдавалось в ушах. И вдруг Рудника охватила паника: а что, если англичанина задержат! Возвращаться опять в Москву? Нет, это невозможно! Должно же ему когда-нибудь повезти!

Минуты через две он заметил в стороне лучи фар, с трудом прорезавшие темноту. Рудник торопливо выбрался по склону на обочину. «Джозеф,— бормотал он,— это, должно быть, Джозеф...»

* * *

Лжекушниц напряженно сидел за рулем. «Волга» глотала ленту шоссе со скоростью восьмидесяти километров в час. На подъезде к тридцать седьмому километру он заметил человека на обочине. Он стоял, ссутулясь и морщась от хлеставшего его лицо дождя. Кушниц открыл окно и оглянулся: шоссе позади было пусто, впереди тоже. Фигура Рудника, освещенная ярким светом фар, стремительно приближалась.

Кушниц прибавил газу и крепко вцепился в руль. Он видел, как лицо Рудника исказилось от страха, как он заметался по шоссе. Но увернуться от стремительно мчавшейся машины ему не удалось. Послышался глухой удар, и тело Рудника, словно огромная тряпичная кукла, отлетело в кювет.

Кушниц остановил «Волгу» на обочине и выключил фары. Дождь хлестал всюду. Согнувшись, Кушниц побежал к тому месту, где лежал Рудник. Труп его он нащел быстро. Стараясь не смотреть на разбитое лицо,

он обшарил карманы агента, вынул сложенную вдвое рукопись. Это был столь нужный для Маккензи отчет! Сунув рукопись в карман, он поспешил к машине. Теперь оставалось лишь как можно быстрее встретиться с Маккензи.

* * *

Машина стояла на обочине с потушенными фарами и габаритными фонарями. Максимов сидел впереди с шофером и докладывал по радиации Рублеву:

— Он остановился на тридцать седьмом километре. С какой целью, не знаю...

— Осмотрите это место, — приказал Рублев. Голос его в динамике звучал приглушенно и хрипловато. — И задержите его на обратном пути.

— Есть задержать, — весело откликнулся Максимов.

— Ну, ребята, — обернулся он к сидевшим позади двум сотрудникам, — вам предстоит работа.

Двое молодых широкоплечих людей в светлых плащах ничего не ответили, только один из них пожал плечами: что ж, мол, раз надо — сделаем.

Он переключил ручку радиации и соединился с сотрудником ГАИ, дежурившим на КП у въезда в Москву.

— Седьмой слушает...

— Остановите черную «Волгу». — Он назвал номер. — Найдите предлог. Не отпускайте до моего прибытия.

— Будет сделано, — отозвался инспектор.

Все это время Максимов вглядывался во тьму дождливой осенней ночи. Он находился в какой-нибудь сотне метров от того места, где остановился Кушниц. Заметив его на Кутузовском проспекте, он все время следил за ним. И когда Кушниц погасил фары и остановился, Максимов остановился тоже. Сейчас фары «Волги» были погашены, и что делает Кушниц, Максимов рассмотреть не мог. Но вот наконец ослепительный свет фар снова прорезал тьму. «Волга» заурчала и, развернувшись, помчалась в Москву, мигая рубиновым светом тормозных огней.

— Поехали, — сказал Максимов шоферу. И машина, присев на задний мост, резко взяла с места. У столба с отметкой «тридцать седьмой километр» Максимов вышел из машины под проливной дождь. Он включил фонарик — в его голубоватом луче косо летели капли дождя. Макси:

мов осмотрел столб, но ничего подозрительного не заметил. «Что же все-таки он здесь делал? — размышлял контрразведчик. — Что ему здесь понадобилось? Неужели здесь, в столбе, есть тайник?» Но самый тщательный осмотр столба ничего не дал. Максимов осветил обочину — на глине остались следы шин, трава в нескольких местах была помята. Максимов решил, что пужно торопиться: инспектору ГАИ будет не слишком удобно надолго задерживать водителя. А что он здесь делал — Кушниц объяснит сам.

Когда Максимов подъехал к КП, «Волга», глухо роча мотором, стояла на обочине. Лейтенант ГАИ в мокрой накидке придирчиво рассматривал документы Кушница.

— Вы говорите по-русски? — спросил Максимов Кушница, подходя к «Волге».

— О да, — подтвердил тот, настороженно оглядывая сотрудника.

— Прекрасно. Вам придется проехать со мной.

— Но в чем дело? — в глазах Кушница взметнулся испуг. Он было взялся за рычаг переключения скорости, но севший с ним рядом молодой человек крепко стиснул его правую руку и выключил зажигание. Другой сзади железной хваткой стиснул его левую руку.

— Ведите себя благоразумно!

— Но какое вы имеете право! — взорвался Кушниц. — Я подданный ГДР...

— Это мы знаем! — ответил Максимов. — Пересадите-ка, ребята, его в нашу «Волгу».

«Все! — подумал Кушниц. — Это конец. Значит, они следили за мной. Что же будет, если они обнаружат труп Рудника!» Кушниц почувствовал, как по его лицу и спине льет пот.

Когда он ехал в «Волге», зажатый с двух сторон молодыми людьми в плащах, пот струился по его лицу ручьями, он ощущал его солоноватый вкус. Мысли Кушница судорожно метались: нужно было как-то незаметно выбросить отчет Рудника, оттопыривавший карман его пиджака, нужно было точно угадать, что известно о нем советской контрразведке. Кушниц твердил, что надо держать себя в руках. Но ничего с собой не мог поделать: руки непроизвольно тряслись.

Машина остановилась у подъезда высокого здания. Тяжелые дубовые двери открылись, и в сопровождении сотрудников Кушниц оказался сначала в просторном холле, потом длинном коридоре с многочисленными дверьми. Он подумал, что с ним происходит что-то нереальное, кошмарное. Вот он сейчас проснется — и кошмар исчезнет.

— Сюда!

Молодой человек, шедший впереди, толкнул одну из дверей — и Кушниц оказался в небольшой ярко освещенной комнате.

* * *

Сергей Рублев неторопливо закурил, бросая на Кушница испытующие взгляды. Лицо агента мокро блестело. Ботинки были в грязи, галстук съехал набок. «Пожалуй, респектабельным его сейчас не назовешь», — усмехнулся про себя Сергей. Он обратил внимание, что тот страшно нервничает: руки ерзают по коленям, взгляд блуждает по комнате.

— Кушниц, — спросил Рублев, — что вы делали на тридцать седьмом километре по Минскому шоссе?

— Я... просто поехал прогуляться... Подышать свежим воздухом.

— Погода явно не подходящая для прогулок...

Кушниц пожал плечами, как бы говоря, что над погодой он не властен.

— А может быть, у вас была встреча? — продолжал Рублев. — Например, вот с этим человеком. — Он протянул фотографию Рудника. — Вы знакомы с этим человеком?

Кушниц долго всматривался в фотографию, потом медленно покачал головой:

— Нет, я не знаю этого человека.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Рублев усмехнулся и достал другой снимок, на котором он был заснят вместе с Рудником во время предпоследней встречи.

Взглянув на снимок, Кушниц вздрогнул, но тут же справился с собой. Он хотел что-то сказать, но в эту минуту раздался телефонный звонок. Прикрыв ладонью

трубку, Рублев несколько минут вслушивался в возбужденный голос Максимова. Тот докладывал, что на радиаторе машины обнаружены вмятины и капли крови. Сергей Николаевич стиснул трубку, но, не изменив выражения лица, коротко бросил:

— Проверьте как следует место происшествия и сделайте анализ.

Глаза агента беспокойно забегали. Вероятно, он догадался, о чем идет речь. Справиться с собой он уже не мог: руки его затряслись еще заметнее.

— Почему вы нервничаете, Кушниц? А?

— Нет, я... просто устал, — пробормотал он.

— Так вы знакомы с этим человеком? — продолжал Рублев, снова беря в руки фотографию.

Пол под агентом покачнулся. Свет люстры расплылся кругами. «Да, отпираться бесполезно, они все знают. Я попал в капкан...» — судорожно думал Кушниц.

— Знакомы или нет? — уже резче повторил Рублев свой вопрос.

Кушниц молчал, закрыв глаза.

— Мне плохо... Я плохо себя чувствую, — прошептал он наконец.

Рублев нажал кнопку под столом.

Вошли двое сотрудников и увели покачивающегося агента.

Час спустя Рублев, Максимов и двое сотрудников, врач «скорой помощи» стояли у трупа. Труп Рудника лежал на носилках, покрытый брезентом, на который со стуком падали капли дождя. Сотрудник показал снимок вещей, ценностей, найденных при Руднике: несколько золотых часов, пачка американских долларов, около десяти тысяч в советских рублях.

— Вероятно, собирался бежать, — сказал Максимов.

Затем он отвел Рублева в сторону.

— Сергей Николаевич, но почему все-таки Кушниц убил Рудника?

— Видишь ли... При обыске в карманах Кушница обнаружен отчет о деятельности Рудника.

— Вероятно, Маккензи приказал ему взять этот отчет. Он, видимо, хотел использовать этот документ в каких-то корыстных целях.

— Может быть. Это мы разберемся. Во всяком случае Рудник мешал англичанину, и он решил его убрать.

— Наверное, он знал немало.

— Да, отчет говорит о том, что он был осведомлен о многих делах английской разведки. И за это он поплатился жизнью.

Оба сотрудника замолчали, глядя, как двое санитаров, вылезших из «скорой», убирают носилки с трупом Рудника в машину.

— Наверное, хотел закончить свою карьеру в Швейцарии, — сказал Рублев, — а закончил в морге.

— Типичная судьба предателя. — Максимов отряхнул мокрую шляпу. — Ну, что ж, Сергей Николаевич, я пойду. Дома, наверное, меня заждались.

Максимов пожал Сергею Николаевичу руку и скрылся в подъезде. А Рублев набрал знакомый номер телефона. Голос Кати был, как всегда, оживленным.

— Я сегодня почему-то ужасно волновалась за тебя. Что-нибудь случилось?

— Ничего. Обычный рабочий день.

— Я тебя жду...

— Где?

— У себя дома. Папа хочет с тобой познакомиться!

Рублев зябко поежился.

— Я его немного побаиваюсь...

— Дурачок. Он добрый. Очень. И потом... я его так заинтересовала...

— Послушай, а нельзя как-нибудь отложить...

Катя на мгновение умолкла...

— Ты невыносим!

— Просто никогда не был женихом, — засмеялся Сергей. — Хорошо, сейчас приеду.

Он довольно быстро нашел такси. Пожилой водитель проворчал было, что он уже окончил смену, но подобрел, когда Рублев обратился к нему очень вежливо. Откинувшись на заднее сиденье, Сергей Николаевич с наслаждением закурил. Мимо проносились ярко освещенные витрины магазинов, смеющиеся лица людей. Улица Горького показалась ему необычайно многолюдной, а толпы людей — необычно веселыми. Он вспомнил, как несколько лет назад вот в такой же вечер, после того как ему предложили работу в управлении, он брел по улице Горького и думал, соглашаться ему или нет.

Он мечтал заняться восточными языками, поехать на практику в Японию, Бирму, Гонконг. Работа в управле-

нии не очень его прельщала. Нет, сегодня он не жалел о своем выборе. Если эти люди на улицах вот так веселы и беззаботны, то в этом и его, пусть маленькая, но заслуга. Ведь он, Сергей Рублев, двадцати семи лет от роду, среди тех, кто обеспечивает людям мир.

* * *

В один из ноябрьских дней в наших газетах появилось сообщение, в котором говорилось, что соответствующие компетентные органы установили, что в течение нескольких месяцев своего пребывания в Москве, Р. Кларк и Д. Маккензи занимались недозволенной деятельностью, несовместимой с их официальным пребыванием в нашей стране. Им предложено покинуть пределы СССР в течение сорока восьми часов.

Когда «линкольн» подвез Кларка и Маккензи к зданию аэропорта, они долго смотрели в сторону окутанной вечерними сумерками русской столицы, и Кларк, обращаясь к провожавшим его сотрудникам, задумчиво произнес:

— Да, Россия не та страна, где таким, как мы, можно сделать карьеру...

Москва
1972—1973

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Глава первая. Экстренное совещание	5
Глава вторая. Два Ганса	33
Глава третья. Кто он?	69
Глава четвертая. Важное поручение	85
Глава пятая. Тайник	96
Глава шестая. Задание Ганса	103
Глава седьмая. Черный «мерседес»	109
Глава восьмая. Его зовут Павел	133
Глава девятая. Кларк вступил в игру	152
Глава десятая. На работе и дома	164
Глава одиннадцатая. В поисках выхода	172
Глава двенадцатая. Завещание	179
Глава тринадцатая. Частная клиника	190
Глава четырнадцатая. Псылка	197
Глава пятнадцатая. Подозрение	202
Глава шестнадцатая. Решающая фаза	212
Глава семнадцатая. Кушниц выполняет приказ	227
Глава восемнадцатая. День сюрпризов	238
Глава девятнадцатая. Последнее randevu	243

Михаил Сидорович Прудников

ОПЕРАЦИЯ «ФЕНИКС»

Повесть

Редактор *К. А. Князев*
Художник *Л. М. Гольдберг*
Художественный редактор *Г. В. Гречиго*
Технический редактор *М. В. Федорова*
Корректор *Л. Н. Алейникова*

* * *

Г-70390.

Сдано в набор 23.12.74 г. Подписано в печать 28.3.75 г.

Формат 84×108/32. Печ. л. 8.

Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,905

Бумага тип. № 2

Изд. № 4/188 Тираж 200.000 экз. Цена 51 коп. Зак. 1060

* * *

Воениздат

103160, Москва, К-160

Набрано в 1-ой типографии Воениздата

103006, Москва, К-6,

проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Отпечатано с матриц в г. Фрунзе.

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102,

Киргизполиграфкомбинат

им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата

Киргизской ССР

Цена 51 коп.

